

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«СИБИРСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

На правах рукописи

Сертакова Екатерина Анатольевна

**СОЦИОКУЛЬТУРНОЕ ПРОСТРАНСТВО СОВРЕМЕННОГО
РОССИЙСКОГО ГОРОДА
(НА МАТЕРИАЛЕ АНАЛИЗА Г. КРАСНОЯРСКА)**

Специальность 09.00.11 – Социальная философия

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата философских наук

Научный руководитель:
доктор философских наук, профессор
Наталья Петровна Копцева

Красноярск – 2014

СОДЕРЖАНИЕ

Введение.....	3
Глава 1. Современные исследования города: возможности социально-философского подхода	19
1.1. Концепт «город» в российской культуре.....	20
1.2. Городское пространство как предмет междисциплинарных исследований. Проблема города в социальной философии	44
Глава 2. Социально-философский анализ социокультурного пространства современного российского города.....	72
2.1. Методологические позиции урбанистической антропологии	72
2.2. Социально-философский анализ социокультурного пространства города Красноярска	105
Заключение.....	130
Список использованной литературы.....	135
Приложения.....	166

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования

Актуальность исследования городского социокультурного пространства определена как научно-теоретическими, так и практическими факторами.

Научно-теоретический аспект обусловлен изменениями, произошедшими в ходе так называемой «урбанистической революции», для которой характерна ориентация на изучение города и населяющего его общества. Данный интерес реализуется в рамках сразу нескольких научных дисциплин, таких как: география, экономика, история, культурология, социология, антропология, философия и т.д.

Достаточно продолжительное время взгляд на город, его экономическую, социальную и культурную жизнь, осуществлялся через призму темпоральной логики. Используемая учеными категория времени акцентировала внимание на изменчивости города и его поэтапном развитии, сопровождаемых прогрессивными или регрессивными процессами. Сегодня наиболее важным представляется анализ города с точки зрения его пространственных характеристик. Отныне городское пространство рассматривается не только в физическом плане, но и в символическом – как олицетворение мировоззрения и визуализация специфического образа жизни социума, как некий когнитивный конструкт. Взгляд на город с точки зрения пространственной парадигмы предоставляет возможность воспринимать многие его составляющие совершенно по-новому, выявлять ранее не обозначенные зависимости и взаимосвязи. Например, связь между географическими данностями (физическими, материальными, вещественными) и социокультурными феноменами (воображаемыми, духовными, символическими) или нерасторжимое единство структуры городского пространства и территориальной идентичности городского общества.

С подобной точки зрения наиболее продуктивным представляется анализ городского пространства, осуществленный в рамках социальной философии, способной интегрировать разработки всех имеющихся подходов и провести рефлексию над опытом, приобретенным в разнообразных городских исследованиях.

Практический фактор связан с пониманием того, что все большую значимость в последнее время приобретают исследования прикладного характера, направленные на изучение и решение насущных проблем, характерных для конкретных российских городов: размывание территориальной идентичности, потеря уникальности городского пространства и т.д. Уже давно ученые стали придавать огромное значение проблеме будущего развития пространства города. Для решения подобных проблем необходимо иметь целостное видение городского пространства, предполагающее знание его генезиса и ключевых процессов развития. Социально-философский подход позволяет осмыслить современное состояние города и увидеть дальнейшие его перспективы.

Значимым является и выбор Красноярска в качестве объекта изучения. Он обусловлен не только тем, что данный город является современным российским городом¹, а его социокультурное пространство остается на сегодняшний день малоизученным, но и реальной необходимостью разработки нового генерального плана, который может во многом изменить и пространственный облик краевой столицы, и образ жизни и мыслей ее населения. В связи с этим применение социально-философского подхода к анализу социокультурного пространства г. Красноярска приобретает особую концептуальную и методологическую важность, поскольку эмпирические и теоретические исследования Красноярска, экспертно-аналитическая работа

¹ Красноярск является одним из крупнейших городов России. Он имеет богатое историческое прошлое и достаточно перспективное будущее. Его пространство, как и пространства многих других современных российских городов (Казань, Екатеринбург, Ростов-на-Дону, Волгоград и т.д.) отражает сложные, противоречивые процессы: поиск культурного своеобразия и стремление к всеобщим процессам глобализации и типизации.

по осмыслению его пространственных характеристик в ближайшее время будут интенсифицированы.

Степень научной разработанности темы исследования

В настоящее время изучение социокультурного пространства современного города осуществляется в контексте социально-философских, социологических, культурологических, антропологических и, собственно, урбанистических исследований, направленных на рассмотрение сущности города, его природы, структуры, функций, особенностей производства и функционирования городского пространства.

Внимание к городу, к его проблематике задали работы мыслителей XIX столетия: К. Маркса, Т. Карлейля, Ф. Энгельса, Ф. Ратцеля, Ф. Тенниса². Основное внимание эти мыслители уделяли рассмотрению дихотомии «деревня – город», моделируя характерные черты стремительно развивающегося поселения. Они же впервые попытались дать определение феномену «город», выявить его значимость в современном обществе.

Родоначальники современной урбанистики породили интерес не только к теоретическим вопросам города, но и к эмпирическим исследованиям, которые стали последовательно проявляться сначала в рамках Чикагской социологической школы, затем на базе Лос-Анджелесской школы урбанистики. Наиболее интересными в контексте данного исследования выступают классические концепции Р. Парка, Э. Берджесса, Э. Хьюза, Г. МакКея, Дж. Ландеско, Н. Андерсона, Э. Морера, Ф. Трэшера и неклассические взгляды Ф. Джеймисона, М. Дэвиса. Р. МакКензи, Л. Вирта³.

² Маркс К. Капитал. Т. 1. М., 1867. URL: <http://esperanto-mv.pp.ru/Marksismo/Kapital1/index.htm> 1; Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2. Т. 2. М.: Политиздат, 1955. URL: <http://biml.ucoz.ru/SobMarksEngels/t02.pdf>; Фридрих Ратцель: жизнь, антропогеография и геополитика / пер. А.Б. Рахманова // Личность. Культура. Общество. 2003. Т. 5. Вып. 1–2. С. 204–210; Теннис Ф. Общность и общество. СПб.: Владимир Даль, 2002. 451 с.

³ Парк Р. Город как социальная лаборатория / пер. С.П. Баньковской // Социологическое обозрение. Т. 2. № 3. 2002. URL: <http://www.urban-club.ru/?p=50>; Берджесс Э. Рост города: Введение в исследовательский проект // Социальные и гуманитарные науки за рубежом. Сер. 11. Социология. 2000. № 4. С. 122–136; Хьюз Э.Ч. Изучение институтов // Социальные и гуманитарные науки за рубежом. Сер. 11. Социология. 2003. № 4. С. 118–126; Ландеско Д. Организованная преступность в Чикаго / пер. В.Г. Николаева // Личность. Культура. Общество. 2003. Т. 5. Вып. 3–4. С. 204–236; Anderson N. Urbanism and Urbanization // American

«Неклассический» подход к исследованию урбанизации характерен и для представителей «постколониальных» исследований – Г.Ч. Спивак, А.Д. Кинга, Дж. Сидевэя, Б.С. Йео⁴. Данные ученые выявили многоаспектность феномена «город» и обратили внимание на изучение его пространства.

Постепенно физическая характеристика пространства перестала восприниматься как довлеющая в научном знании, на первый план вышло представление о его специфической мерности, заданное учеными-социологами. Акцент сместился в сторону изучения социального пространства и всевозможных его форм: экономического, правового, культурного и т.д. Социологическая концепция в изучении пространства города является в данной работе одной из важнейших.

Понимание социального пространства города и связанные с этим проблемы основательно разработаны в трудах западных исследователей: М. Вебера, Г. Зиммеля, Т. Парсонса, Э. Дюркгейма⁵. Интересна теория социального пространства П. Бурдьё⁶, в которой он видит организованную форму экономического, культурного и социального капитала.

Journal of Sociology. 1959. Vol. 65. № 1. P. 68–73. URL: <http://www.jstor.org/stable/2773622>; Трэшер Ф.М. Шайка: Исследование 1313 шаек Чикаго // Личность. Культура. Общество. 2003. Т. 5. Вып. 3–4. С. 237–244; Джеймисон Ф. Постмодернизм или логика культуры позднего капитализма. Из книги *Postmodernism or The Cultural Logic of Late Capitalism*. Durham: Duke University Press. P. 1–54. URL: <http://do.gendocs.ru/docs/index-107396.html>; Дэвис М. Планета трущоб // Логос. 2008. № 3. С. 108–129. URL: http://www.intelros.ru/pdf/logos_03_2008/06.pdf; Davis M. Ecology of fear: Los Angeles and the imagination of disaster. N.Y., 1998. 496 p.; МакКензи Р.Д. Экологический подход к изучению человеческого сообщества // Социальные и гуманитарные науки за рубежом. Сер. 11. Социология. 2000. № 4. С. 136–152; McKenzie R.D. Spatial Distance and Community Organization Pattern // *Social Forces*. 1927. Vol. 5. № 4. P. 623–627; Вирт Л. Урбанизм как образ жизни / пер. с англ. В.Г. Николаева // *Избранные работы по социологии*. М., 2005. С. 93–118.

⁴ Spivak G.Ch. *Critique of Postcolonial Reason: Toward a History of the Vanishing Present*. Cambridge: Harvard University Press, 1999. 464 p.; King A.D. *Postcolonial Cities*. Elsevier Inc. 2009. URL: <http://booksite.elsevier.com/brochures/hugy/SampleContent/Postcolonial-Cities.pdf>; King A.D. (Post)colonial geographies: material and symbolic // *Historical Geography*. 1999. № 27. P. 99–118; Sidaway J.D. Postcolonial geographies: An exploratory essay // *Progress in Human Geography*. 2000. № 24. P. 591–612; Yeoh B.S. A. Postcolonial cities // *Progress in Human Geography*. 2001. № 25 (3). P. 456–468.

⁵ Вебер М. *Город. История хозяйства*. М.: КАНОН-пресс-Ц, 2001. 576 с.; Зиммель Г. *Избранное*. Т.2. М., 1996. 607 с.; Парсонс Т. *Система современных обществ*. М.: Аспект Пресс, 1997. 270 с.; Дюркгейм Э. *Социология: ее предмет, метод, предназначение*. М.: Канон, 1995. 352 с.

⁶ Бурдьё П. *Социальное пространство: поля и практики*. СПб.: Алетейя, 2005. 576 с., Бурдьё П. *Социология социального пространства* / пер. с фр.; общ. ред. и послесл. Н.А. Шматко. Москва: Институт экспериментальной социологии, 2005. 288 с.

Современные исследования, направленные на изучение социального пространства города, связаны с именами С. Сассен, С. Уилера, Р.В. Найта и др.⁷

В ряду отечественных исследований основные теоретические предпосылки анализа разнообразных феноменов социального пространства содержатся в работах Н.П. Анциферова, В.Г. Виноградского, А.Ф. Филиппова, А.В. Сперанского, С.Л. Лониной, Н.В. Шкраб⁸. Социальное пространство больших городов, мегаполисов исследовали В.О. Рукавишников, Ю.О. Костенко, Е.Н. Заборова, А.Ф. Исламова⁹. Исследованиями региональных городских пространств занимаются В.В. Вагин, И.Н. Кодинова¹⁰. В данных трудах основное внимание уделено рассмотрению типологии социального пространства города и его структуре.

Ш. Зукин, Р. Флорида, Ч. Лэндри, Л. Грин, Ф. Матарассо, Ф. Бьянчини, В.Л. Глазычев, В.Г. Ильин, И.В. Тулиганова, В.Л. Каганский, А.В. Бабаева, В.Г. Рыженко и др.¹¹ рассматривают городское пространство не только с

⁷ Сассен С. Глобальные города: постиндустриальные производственные площадки // Журнал «Прогнозис». URL: <http://www.journal.prognosis.ru/a/2005/04/10/44.html>; Wheeler S. Planning sustainable and livable cities. The City Reader / edited by R. T. Legates & F. Stout. 2nd ed. 2001. P. 434–445; Найт Р.В. Устойчивое развитие – устойчивые города / Международный журнал социальных наук. 1993 (2). С. 43–69.

⁸ Анциферов Н.П. Пути изучения города как социального организма. Опыт комплексного подхода. Ленинград: Сеятель, 1926. 151 с. URL: <http://www.twirpx.com/file/563763/>; Виноградский В.Г. Социальная организация пространства : философско-социологический анализ. М.: Наука, 1988. 187 с.; Филиппов А.Ф. Социология пространства. СПб.: «Владимир Даль», 2008. 285 с.; Сперанский А.В., Лониная С.Л., Шкраб Н.В. Социология: теория социальных пространств : учеб. пособие. Сиб. гос. аэрокосмич. ун-т. Красноярск, 2010. 187 с.

⁹ Рукавишников В.О. Население города: (Социальный состав, расселение, оценка городской среды). М.: Статистика, 1980. 246 с.; Костенко Ю.О. Проблемы управления городским социальным пространством в условиях современной трансформации общества: региональный аспект: дис... канд. соц. наук : 22.00.08. Уфа, 2004. 253 с.; Заборова Е.Н., Исламова А.Ф. Город как социальное пространство // СоцИс. 2013. № 2. С. 97–101. URL: http://www.isras.ru/files/File/Socis/2013_2/Zaborova.pdf.

¹⁰ Вагин В.В. Русский провинциальный город: ключевые элементы жизнеустройства // Мир России. 1997. Т. 6. № 4. С. 53–88; Кодинова И.Н. Образ жизни населения малого города: социальные практики и детерминанты (на материалах Ивановской области) : дис. ... канд. социолог. наук : 22.00.04. Нижний Новгород, 2012. 248 с.

¹¹ Zukin Sh. The Cultures of Cities. Wiley-Blackwell, 1996. 336 p.; Флорида Р. Креативный класс: Люди, которые меняют будущее. Классика-XXI, 2007. 432 с., Florida R. Who's your city? Basic Books, 2008. 374 с.; Лэндри Ч., Грин Л., Матарассо Ф., Бьянчини Ф. Возрождение городов через культуру. СПб.: Нотабене, 1999. 86 с.; Глазычев В.Л. Урбанистика. М.: Издательство «Европа», 2008. 220 с.; Ильин В.Г. Город как концепт культуры: дис. ... д-ра соц. наук : 24.00.01. Ростов н/Д, 2004. 331 с.; Тулиганова И.В. Социокультурное пространство современного города : дис... канд. филос. наук : 09.00.11. Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского. Саратов, 2009. 166 с.; Каганский В.Л. Ландшафт и культура // Общественные науки и современность. 1997. № 1. С. 23–29.; Бабаева А.В. Современная западная философия о культурном пространстве. URL: <http://anthropology.ru/ru/texts/gathered/modern/index.html>; Рыженко В.Г. Образы и символы советского города в современных исследовательских опытах: региональный аспект. Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2010. 340 с.

позиции общественных отношений. Важное значение в их работах придается городской культуре, которая является неотъемлемой духовной компонентой «городской среды». Рассмотрение городского пространства как социокультурного объединяет психологические и социологические научные разработки с вопросами архитектуры и градостроительства.

Особую значимость представляют концепции конструирования, производства и воспроизводства городского пространства А. Лефевра и Э. Соджи¹². Данные исследователи рассматривают городское пространство как социокультурное, важными характеристиками которого выступают конструктивная природа, образность и символичность. Последняя, по их мнению, проявлена в материальных репрезентантах города – архитектурных сооружениях – и отражает в них смысловую наполненность пространства.

Возможности исследования городского социокультурного пространства города и его составляющих отражены в статьях Р. Смита и В. Бани, Т.Ф. Ляпкиной, Е.Н. Мастеницы, А. Чешковой, И.Г. Малковой, С.В. Пирогова¹³.

Влияние репрезентантов социокультурного пространства города на формирование особой территориальной идентичности его жителей поднимается в трудах исследователей А. Господини, Х. Прошански, И. Каумаза, Л.Б. Когана, Д.Н. Замятина, Н.А. Шматко, А.А. Иудина, А.А. Серикова, В.А. Тишкова, В.К. Мальковой, М.В. Назукиной, Е.В. Дзяковича, А.А. Гриценко, Д.С. Докучаева, Т. Черняевой, Е.В. Головнёвой, Ю.Л.

¹² Лефевр А. Социальное пространство // Неприкосновенный запас. 2010. № 2 (70). URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2010/2/le1.html>; Soja E. Postmodern Geographies: The Reassertion of Space in Critical Social Theory. L., N. Y.: Verso, 1989. 266 p.

¹³ Smith R.W., Bugni V. Symbolic interaction theory and architecture. 2006. URL: http://digitalscholarship.unlv.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1004&context=sociology_pubs; Ляпкина Т.Ф. Методология изучения культурного пространства региона URL: http://www.riku.ru/confs/vrem_cul/LyapkT.htm; Мастеница Е.Н. Культурное пространство города как предмет исследования и объект познания: междисциплинарный подход // Петербургские исследования: сборник научных статей. СПб.: Изд. СПбГУ, 2011. Вып. 3. С. 128–147; Чешкова А. Методологические подходы к изучению городской пространственной сегрегации // Российское городское пространство: попытка осмысления / отв. ред. В. В. Вагин. М.: МОНФ, 2000. Вып 116. С. 13–38; Малкова И.Г. Основы междисциплинарного исследования социокультурного пространства города. Тамбов: Грамота, 2012. № 10 (24). Ч. II. С. 122–126. URL: www.gramota.net/materials/3/2012/10-2/28.html; Пирогов С.В. Феноменологическая социология и урбанистика // Вестник Томского государственного университета. Серия «Философия. Культурология. Филология». 2004. № 282. С. 97–103.

Качанова, Н.А. Ахнаева, Л.П. Богдановой, А.С. Щукиной, Д.С. Котельникова, М.П. Крылова, Л.В. Смирнягина¹⁴. В их работах анализируются причины, вызвавшие необходимость социально-философских исследований вопросов идентификации, выявляются механизмы формирования территориальной идентичности.

Исследованием символичности города занимались представители семиотического подхода: Р. Барт, Ф. Шоз, Г.Б. Зебельшанский, У. Эко¹⁵. Среди отечественных мыслителей изучением города в рамках семиотики архитектуры занимались Ю.М. Лотман, В.М. Розина, А.В. Иконников, В.В. Иванов, В.К. Морозов, Е.Л. Беляева¹⁶. Данные исследователи внесли

¹⁴ Gospodini A. Urban morphology and place identity in European cities: built heritage and innovative design // *Journal of Urban Design*. 2004. 9 (2). 225-248 p.; Proshansky H.M. The city and self-identity // *Environment and Behavior*. 1978. P. 57–83; Kaymaz I. Urban Landscapes and Identity. *Advances in Landscape Architecture / book edited by M. Özyavuz*. 2013. URL: <http://www.intechopen.com/books/advances-in-landscape-architecture/urban-landscapes-and-identity>; Коган Л.Б. Быть горожанином. М.: Мысль, 1990. 207 с.; Замятин Д.Н. Идентичность и территория // Идентичность как предмет политического анализа. Сборник статей по итогам Всероссийской научно-теоретической конференции (ИМЭМО РАН, 21–22 октября 2010). М.: ИМЭМО РАН, 2011. С. 186–203; Шматко Н.А., Качанов Ю.Л. Территориальная идентичность как предмет социологического исследования // *Социол. исслед.* 1998. № 4. С. 94; Иудин А.А., Сериков А.А. Нижний и нижегородцы: проблема идентичности. Н. Новгород: НИСОЦ, 2007. 50 с.; Малькова В.К., Тишков В.А. Культура и пространство. Кн. 1.: Образы российских республик в интернете. М.: ИАЭ РАН, 2009. 147 с.; Назукина М.В. Региональная идентичность в современной России: типологический анализ : дис. ... канд. полит. наук : 23.00.02. Пермь, 2009. 200 с.; Дзякович Е.В. Локальные идентичности в контексте социокультурной динамики российских регионов : дис. ... д-ра культурологии : 24.00.01. М., 2001. 326 с.; Докучаев Д.С. Региональная идентичность российского человека в современных условиях: социально-философский анализ : дис. ... канд. филос. наук : 09.00.11. Иваново, 2011. 181 с.; Черняева Т. Город: производство идентичностей // *Гражданин мира или пленник территории? К проблеме идентичности современного человека*. Сб. материалов второй ежегодной конф. в рамках исслед. проекта «Локальные истории: научный, художественный и образовательный аспекты». М.: Новое литературное обозрение, 2006. С. 116–137; Гриценко А.А. Влияние политических и ландшафтных границ на региональную идентичность в российско-украинском порубежье : дис. ... канд. геогр. наук : 25.00.24. М., 2010. 169 с.; Головнева Е.В. Региональная идентичность как форма коллективной идентичности и ее структура // *Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований*. 2013. № 5. С. 42–50. Качанов Г.З. Горожанин в городе: идентификация с землёй и небом // *Человек*. 2001. № 3–4.; Ахнаева Н.А. Феномен петербургской идентичности: анализ конструирования и функционирования : дис. канд. социол. наук : 22.00.06. Санкт-Петербург, 2004. 126 с.; Богданова Л.П., Щукина А.С. Генетическая структура городского сообщества как основа формирования территориального сознания // *СОЦИС*. 2006. №7. С. 133–136; Котельников Д.С. Социокультурные особенности региональной идентичности населения административного центра Южного Федерального Округа : дис. канд. социол. наук : 22.00.06. Ростов-на-Дону, 2009. 177 с.; Крылов М.П. Региональная идентичность в историческом ядре европейской России // *Социологические исследования*. 2005. № 3. С. 13–23; Смирнягин Л.В. О региональной идентичности // *Пространство и время в мировой политике и международных отношениях: материалы 4 Конвента РАМИ*. М.: МГИМО-Университет, 2007. Т. 2: Идентичность и суверенитет: новые подходы к осмыслению понятий. 116 с.

¹⁵ Барт Р. От произведения к тексту // *Избранные работы: Семиотика: Поэтика*: пер. с фр. / сост., общ. ред. и вступ. ст. Г.К. Косикова. М., 1989. 616 с.; Шоз Ф. Заметки по поводу городской семиологии // *Современная архитектура*. 1971. № 1. С. 5–6; Зебельшанский Г.Б. Город как архетип культуры // *Проблемы истории архитектуры*. М., 1990; Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию / пер. с итал. В. Резник и А. Погоняйло. – СПб., 2006. 544 с.

¹⁶ Лотман Ю.М. Символика Петербурга и проблемы семиотики города // *Учен. Зап. Тарт. Гос. ун-та*. 1984. Вып. 664. С. 30–45; Лотман Ю.М. Символ в системе культуры // *Уч. Зап. Тартусского университета*. Тр. По

большой вклад в рассмотрение знаков «текста города», в описание языка пространства.

Возможности изучения городского пространства посредством обращения к философско-искусствоведческому анализу его репрезентантов – произведений городского искусства – представлены в трудах М.В. Тарасовой, А.А. Ситниковой, М.И. Ильбейкиной, Н.Н. Пименовой¹⁷ и др.

Ценные материалы по изучению социокультурного пространства города Красноярска можно обнаружить в трудах В.Г. Немировского, А.В. Немировской, Е.В. Гевель, Д.Г. и К.Г. Петровых, М.М. Миркес, Н.А. Сергеевой, В.И. и В.В. Царевых¹⁸.

Обзор научных трудов свидетельствует о том, что зарубежной и отечественной наукой накоплен достаточный опыт в изучении города, его социального и культурного пространства. Однако вопросу исследования символической составляющей современного российского городского

знаковым системам. 21. Вып. 754. Тарту, 1987. С. 10–21; Розин В.М. Городская культура, человек, окружающая среда: философско-методологические проблемы градостроительного проектирования // Вопросы философии. 1980. № 1. С. 53–62; Розин В.М. Социокультурное проектирование и программирование. 1998. URL: <http://neapolis.narod.ru/lec/ROSIN2.htm>; Иванов В.В. К семиотическому изучению культурной истории большого города // Ученые записки Тартуского ун-та. Труды по знаковым системам. Вып. 19. «Семиотика пространства и пространство семиотики». Тарту, 1986. С. 7–24; Иконников А.В. Художественный язык архитектуры. М., 1985. 175 с.; Морозов В.К. Роль городского населения в формировании архитектурно-пространственной среды. М., 1989; Беляева Е.Л. Архитектурно-пространственная среда города как объект зрительного восприятия. М., 1977. 126 с.

¹⁷ Тарасова М.В., Григорьева Т.Ю. Архитектура города Красноярска как пространство социальной идентификации. Соотношение космоцентрических и социцентрических идеалов / Новое будущее Сибири: ожидания, вызовы, решения : монография / под общ. ред. О. А. Карловой, Н.П. Копцевой. Красноярск : Сиб. федер. ун-т, 2014. С. 289–300; Ситникова А.А. Образ Сибири в творчестве художника Александра Сурикова / Новое будущее Сибири: ожидания, вызовы, решения : монография / под общ. ред. О. А. Карловой, Н.П. Копцевой. Красноярск : Сиб. федер. ун-т, 2014. С. 308–332; Ильбейкина М.И. Специфика образа Сибири в современных арт-проектах / Новое будущее Сибири: ожидания, вызовы, решения : монография / под общ. ред. О. А. Карловой, Н.П. Копцевой. Красноярск : Сиб. федер. ун-т, 2014. С. 333–356; Pimenova N.N., Marysheva A.V. Wooden Zodchestvo of Krasnoyarsk City as the Space for Forming Territorial and Ethno-Cultural Identity // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. 12. 2011 (4) P. 1784–1793.

¹⁸ Немировский В.Г., Немировская А.В. Социокультурный портрет Красноярского края. Красноярск: РИЦ СибЮИ, 2010. 264 с.; Гевель Е.В. Образ города в Красноярском урочище. Красноярск: Версо, 2012. 230 с.; Gevel K.V. The Role of the Curtain Walls of the Krasnoyarsk Double Enforced Ostrog in the Tradition // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. 2011. 4 (11). P. 1639–1649; Petrov D.G. Urban Planning Regulations in Siberia in the 19th-early 20th Centuries // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. 2012. 5 (5). P. 674–684; Petrov K.G.. Discussions about the Big Krasnoyarsk City Planning Design in 1930s // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. 2012. 5 (5). P. 685–690; Петров К.Г. Архитектурно-градостроительные преобразования Красноярска в 1920-1930-х годах // Journal of Siberian Federal University. Engineering & Technologies. 2013. 6 (5). P. 562–57; Mirkes M.M., Sergeeva N.A. Codification of the Cultural Meanings of the Krasnoyarsk Street Ornaments // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. 2011. 4 (12). P. 1794–1806; Tsarev V.I., Tsarev V.V. The Assembly of Hierarchs in Krasnoyarsk: Historical and Architectural Study // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. 2012. 5 (5). P. 729-741.

пространства через его репрезентанты – культурно-символические места и объекты, влияющие на формирование картины мира его горожан, процессы их идентификации и самоидентификации, – уделено недостаточно внимания. Данное обстоятельство определяет выбор темы исследования, его цели и задачи.

Объектом исследования является социокультурное пространство современного российского города.

Предмет исследования – символические аспекты социокультурного пространства города Красноярска.

Цель исследования заключается в проведении социально-философского анализа символических аспектов социокультурного пространства современного российского города.

Гипотеза данной диссертационной работы заключается в предположении, что исследование социокультурного пространства современного российского города возможно осуществить, обратившись к анализу его символических объектов – произведений архитектуры. Архитектурные сооружения выступают материальными формами закрепления образности и символичности пространства. Данные формы выстраивают не только реальное, но и воображаемое пространство жизни городского общества, повествуют о картине мира его жителей, отражая в своем облике доминирующие концепты, образы и оценки, и при этом позволяют создавать новое видение мира, новые образы и оценки, то есть обладают конструктивистским потенциалом. Адекватно раскрыть символические аспекты социокультурного пространства современного российского города поможет социально-философский подход.

Цель и гипотеза диссертационного исследования предполагают решение ряда **задач**:

1. Выделить изначальные характеристики и сущностные свойства российского города.

2. Осуществить обзор актуальных междисциплинарных исследований города и определить специфику социально-философского подхода.

3. Разработать методологическую стратегию исследования социокультурного пространства современного российского города на основе концептуальных аналогов.

4. Осуществить анализ социокультурного пространства города Красноярска.

Теоретико-методологическим основанием диссертационного исследования выступили неклассические теории Лос-Анджелесской школы урбанистики и постколониальных исследователей. Исходные установки работы были заданы трудами о символическом производстве городского пространства культурных географов А. Лефевра и Э. Соджи.

Исследование понятия «город» опиралось на концептуальный анализ, принципы которого изложены в работах А. Вежбицкой, Ю.С. Степанова, А.А. Семеновой. Также в нем применялись элементы социально-культурного исследования по методике Н.П. Копцевой, философско-искусствоведческого анализа произведений древнерусского искусства по методике В.И. Жуковского.

Изучение теоретических материалов основывалось на аналитико-описательном методе и последующем обобщении полученных данных.

Построение методологической стратегии потребовало обращения к научным исследованиям А.А. Семеновой, Н.М. Либаковой, К.В. Резниковой, В.С. Лузана, Н.Н. Середкиной и др.

Социально-философский анализ социокультурного пространства города базировался на применении: 1) семиотического анализа, представленного в исследованиях Ч.С. Пирса, Р. Арнхейма, Р. Барта, Ю.М. Лотмана, Ф. Шозе, У. Эко и др.; 2) философско-искусствоведческого анализа, разработанного В.И. Жуковским, Д.В. Пивоваровым и Н.П. Копцевой.

В качестве логических процедур в данном диссертационном исследовании применялись анализ, синтез, сравнение, интроспекция, интерпретация.

Эмпирическая база. Для теоретического осмысления исследуемого объекта понадобилось привлечение исторических памятников (публикации «Повести временных лет» и факсимильного издания «Лицевого летописного свода»), архивных материалов, фотографий.

Научная новизна

1. Уточнены базовые семантические и аксиологические значения, культурные смыслы понятия «город» в российской культуре, позволяющие исследовать данный феномен в двух аспектах – и как систему поселения, и как социокультурный конструкт.

2. Предложен новый теоретический способ классификации различных научных подходов к исследованию современного городского пространства, что позволило расширить методологические возможности российской урбанистики.

3. Сформирована социально-философская исследовательская стратегия анализа социокультурного пространства города на основе синтеза теоретических и прикладных методов исследования. Способы репрезентации современного города раскрыты через использование семиотического и философско-искусствоведческого анализа объектов городской архитектуры.

4. Проведен социально-философский анализ пространственной среды города Красноярска посредством обращения к его символическим объектам (архитектурным сооружениям), изучение которых позволило выделить исторические и современные характеристики конструируемого образа городского пространства Красноярска, процессы идентификации и самоидентификации горожан.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. «Город» выступает одним из важнейших национальных концептов, структурирующих представления людей об окружающем мире. Анализ

концепта «город» в российской культуре проводился посредством обращения к вербальным и визуальным текстам, раскрывающим первоначальное понимание его сущности. Рассмотрение дефиниций, представленных в этимологических и толковых словарях, выявило понимание города, во-первых, как некой границы, межи, фиксирующей разрыв двух различных пространств, начала бытия, содержащего в себе определенность, а во-вторых, как полифункционального обжитого пространства. Прделанный анализ памятника литературы «Повесть временных лет» и интерпретация миниатюр «Лицевого летописного свода» расширили и углубили имеющиеся знания. Бесспорна высокая значимость города как точки активности, места принятия важных решений и проведения основных действий. Город конструируется как пространство «родового общества», комфортное место проживания, наделенное комплексом положительных значений. Это место, в котором происходит разделение космоса и хаоса, место культуры, в котором отображены образ государства и эпохи, пространственно-временные характеристики проживающего в нем общества.

2. Систематизация и аналитика современных социально-философских концепций города позволили выявить методологический потенциал концепции производства пространства А. Лефевра и Э. Соджи для исследования пространства современного российского города. В данной теории городское пространство рассматривается не как физическое явление, а социокультурное, вновь и вновь создаваемое людьми, подверженное многочисленным изменениям в процессе своего экономического и культурного функционирования. Его основными характеристиками выступают: конструирование природы, образность и символичность, которые транслируются в культуру и закрепляются в ней посредством конкретных материальных форм-репрезентантов (архитектурных сооружений, скульптурных памятников, объектов ландшафтного дизайна и т.д.). В репрезентантах проявляется двоичность конструкции пространства, ее реальная и воображаемая составляющие. Первая проявляется в чертах

физического, материального, объективного мира, вторая содержит в себе ментальные, концептуальные, субъективные характеристики людей, связанных с этим пространством. Данная позиция отвечает выявленной концептуальной сущности российского города и подходит в качестве концептуальной и методологической базы для исследования его пространства.

3. Система городской репрезентации имеет сложный характер, и ее познание требует особого исследовательского инструментария. Архитектурная застройка, визуализирующая сам город, обладает глубоким смысловым содержанием, это культурный текстовый материал, представленный в предметной реальности. Для его прочтения была разработана специальная методологическая стратегия, опирающаяся на комплексное использование методов семиотического и философско-искусствоведческого анализа. Первый метод направлен на рассмотрение знаковой составляющей городского облика, второй – на познание сформированного художественного образа. Оба метода имеют междисциплинарную природу, синтезирующую в себе приемы практических и теоретических методов. Причем практические методы опережают теоретические изыскания, позволяя сформировать для них устойчивый эмпирический базис. Их применение позволяет не только изучить организующий пространство жизни человека архитектурный облик города как визуальный текст, но и выявить внутреннее наполнение этого пространства.

4. Красноярск является современным российским городом. Одними из наиболее репрезентативных архитектурных сооружений, активно влияющих на формирование образа города и его горожан, являются: часовня Параскевы Пятницы, здание речного вокзала и торгово-деловой центр «Первая башня». Социально-философский анализ данных культурных текстов позволил установить, что каждое из сооружений характеризует городское

пространство с позиции времени своего возведения, но при этом оказывает существенное влияние на современное состояние пространства города.

В досоветский период концептуальное понимание города было связано со следующим содержанием: Красноярск – это стратегически важная, опорная точка взаимодействия цивилизованного центра с дальними территориями, воплощение микро-образа столицы. При этом проявляется самобытность и уникальность формируемого пространства, где Красноярск предстает как город, сформированный очертаниями древних природных форм; Красноярск – город веры: веры в высшие силы, веры в духов природы, в свое общество и свои силы.

В советский период городское пространство отражало новое понимание города, однако, во многом соответствующее российской культуре. Красноярск – центр советской идеологии в Восточной Сибири, центр регионального развития.

В постсоветское время городское пространство продемонстрировало потерю культурного своеобразия, где Красноярск предстает как город международного бизнеса, центр делового сотрудничества.

Полученные результаты позволили увидеть не только историческую динамику социокультурного пространства города Красноярска и его текущее состояние, но и идентифицировать процессы, которые будут определять дальнейшее его развитие в ближайшем будущем. Происходит изменение пространственной структуры города и образа жизни его горожан. Стандартизация пространства, его коммерциализация очень четко демонстрируют проблемы современного мирового урбанизма – город Красноярск теряет свою культурную специфику.

Теоретическая и научно-практическая значимость работы заключается в следующем:

Во-первых, результаты настоящего диссертационного исследования могут быть применены специалистами в области социальной философии, культурной антропологии, культурологии и социологии. Методологическая

стратегия, использованная для социально-философского анализа социокультурного пространства современного города, может представлять интерес для дальнейших опытов изучения конкретных городов.

Во-вторых, теоретические положения настоящей работы могут быть использованы в научно-исследовательской и преподавательской деятельности, а также учтены при разработке учебных программ по теоретическим и прикладным дисциплинам, таким как «Урбанистическая антропология», «Социальная антропология», «Методы культурных исследований» и других.

В-третьих, анализ механизмов конструирования социокультурного пространства г. Красноярска может способствовать формированию интереса к исследованию других городов региона (Ачинска, Назарова, Лесосибирска, Норильска и т.д.) как основе прикладных проектов по развитию этих городов Красноярского края.

Апробация результатов исследования. Основные результаты исследования были представлены на III Всероссийском культурологическом конгрессе с международным участием «Креативность в пространстве традиций и инноваций» (Санкт-Петербург, 2010); III Международной научно-практической конференции «Социальные и гуманитарные науки: образование и общество» (Нижний Новгород, 2011); XIX Международной молодежной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов – 2012», секция «Социальная философия» (Москва, 2012); VIII Всероссийской научно-технической конференции студентов, аспирантов, молодых ученых «Молодежь и наука» (Красноярск, 2012); 50-й Международной научной студенческой конференции «Студент и научно-технический прогресс», секция «Философия» (Новосибирск, 2012); научно-практической конференции «Специфика этнических миграционных процессов на территории Центральной Сибири в XX-XXI веках: опыт и перспективы» (Красноярск, 2012-2013); Всероссийской научной конференции «Художественная культура России в региональном аспекте:

вчера, сегодня, завтра» (Красноярск, 2014); Всероссийской научной конференции с международным участием «Историческая урбанистика: прошлое и настоящее города» (Сургут, 2014); в докладах на семинарах и круглых столах Красноярского регионального отделения научно-образовательного культурологического общества, заседаниях учебно-научно-методического семинара «Теория и практика прикладных культурных исследований» (2009-2013 гг.), а также при организации и участии в социокультурном исследовании культурно-досуговых предпочтений жителей города Красноярска, проведенном в 2010 году в ходе работы над грантом Красноярского краевого фонда поддержки научной и научно-технической деятельности «Система культуры Красноярского края: базовые субъекты культуры и культурные потребности» и аналогичного проекта Федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России 2009-2012».

По теме диссертации опубликовано 20 работ (из них восемь в журналах, включенных ВАК РФ в Перечень рецензируемых научных изданий).

Исследование проведено в соответствии с планом научно-исследовательской работы кафедры культурологии Сибирского федерального университета.

Структура и объем диссертации. Структура диссертационного исследования определена целями и задачами работы, состоит из введения, двух глав (четырёх параграфов), заключения, списка использованной литературы (312 наименований) и 4 приложений. Объем диссертации – 172 страницы.

ГЛАВА 1. СОВРЕМЕННЫЕ КОНЦЕПЦИИ ИССЛЕДОВАНИЯ ГОРОДА: ВОЗМОЖНОСТИ СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКОГО ПОДХОДА

Современная ситуация в российском научном знании демонстрирует повышенный интерес к изучению города и характерных для него явлений и феноменов – неуклонно увеличивается количество публикуемых результатов исследований по данной тематике, защищенных диссертаций, представленных докладов, все чаще разрабатываются и вводятся в учебный процесс программы по дисциплинам «урбанистика», «социология города», «управление пространственным развитием городов», «градоведение» и т.д. Потребность в становлении и развитии данного направления исследований и практической работы непосредственно с городскими пространствами сегодня ни у кого не вызывает сомнений.

Сомнений не вызывает и то, что город как феномен невозможно рассмотреть в русле только одного научного направления или дисциплины, так как его составляющие представлены весьма многогранно. Отсюда следует, что большинство исследований, ориентированных на понимание города, имеют междисциплинарный характер с ярко выраженным уклоном на изучение какой-либо конкретной его стороны (экономика города, политическое пространство города, городская сегрегация и т.д.). В данном диссертационном исследовании главное внимание уделено особенностям социокультурного пространства современного российского города, что определяет необходимость осмысления данного понятия на научно-теоретическом уровне. Для этого структура настоящей главы организуется следующим образом: вначале рассматривается концептуальная составляющая понятия «город» в российской культуре, выделяются его сущностные свойства и изначальные характеристики, затем выявляются основные концепции в изучении городского пространства, где наиболее

эффективным, по мнению автора, представляется социально-философский подход.

1.1. Концепт «город» в российской культуре

Сегодня термин «концепт» широко представлен в научном дискурсе. Несмотря на сравнительно недавнее свое появление, он прочно вошел в обиход таких наук, как когнитивная лингвистика, лингвокультурология, психолингвистика и, более того, стал причиной появления новых научных отраслей: социальной, политической концептологии и т.д.

Распространенность и частое использование данного термина, однако, не свидетельствует о его универсальности. Напротив, устойчивого словарного определения «концепт» не выработано до сих пор, и каждый ученый, занимающийся исследованиями концептов, выбирает толкование, наиболее соответствующее его научным поискам. Выделяя значимые нюансы в понимании концепта, практически все ученые проявляют единодушие в том, что неизменным в нем будет представленность как в вербальном, так и невербальном языке. Также они единогласны в существовании концептов, представляющих особую значимость для общества и культуры. Среди них, например, «мир», «человек», «общество», «город» и т.д.

Концепт «город» представляет особый интерес для настоящего исследования, так как говоря о современном обществе или человеке, чаще всего подразумевают городское общество и человека, проживающего в городе. Уже с давних пор город часто соотносится с целым миром, в котором протекает жизнедеятельность людей, и сегодня это становится очевидным как никогда. В современном зарубежном знании и российской науке интерес к изучению города неизменно возрастает.

Отсюда задача данного параграфа связана, во-первых, с выработкой терминологического консенсуса в определении «концепта», а, во-вторых, с анализом концепта «город» в рамках отечественной культуры.

Термин «концепт» был позаимствован учеными-гуманитариями из логики (как понятие), но в процессе работы с ним приобрел совершенно новые толкования.

Так, исследователь В.З. Демьянков объясняет суть концепта, обратившись к его этимологическому анализу. В статье «Понятие и концепт в художественной литературе и научном языке»¹⁹ он пишет, что происхождение концепта связано с латинским причастием «зачаточный», которое в употреблении часто соотносится с понятием «зародыш». Это указывает на то, что, по сути, концепт и несет в себе смысл «зародыша» в понимании окружающих человека вещей и явлений. Также ученый обращает внимание на то, что термины «концепт» и «понятие» существенно различаются. Понятия формируются людьми намеренно и согласованно, для удобства обсуждений каких-то конкретных вопросов. Концепты же существуют сами по себе, и люди лишь реконструируют с разной степенью полноты изначальный «зачаточный» смысл²⁰.

Другой исследователь – Ю.Е. Прохоров – в книге «В поисках концепта» рассматривает целый спектр пониманий концепта в современном научном знании и искусстве, а также делится своим синтетическим определением термина. Он указывает, что в определениях концепта в различных науках (культурологии, философии, лингвопсихологии и т.д.) есть общие свойства, опираясь на которые можно вывести следующее определение: «Концепт – сложившаяся совокупность правил и оценок организации элементов хаоса картины бытия, детерминированная особенностями деятельности представителей данного лингвокультурного сообщества, закрепленная в их национальной картине мира и транслируемая средствами языка в их общении»²¹. Концепты представляются

¹⁹ Демьянков В.З. Понятие и концепт в художественной литературе и научном языке // Вопросы философии. М., 2001. №1. С. 35–47.

²⁰ Там же. С. 38.

²¹ Прохоров Ю.Е. В поисках концепта. М.: Флинта: Наука, 2008. С. 159.

установленными смыслами, которые замещают реальность и тем самым позволяют человеку взаимодействовать с хаотически устроенным миром.

Работы В.З. Демьянкова и Ю.Е. Прохорова демонстрируют не только два разных подхода в определении концепта, но и в его исследовании. В первом случае, это процесс выявления изначальной сути вещей и явлений, часто не осознаваемой современным обществом, существующей на бессознательном уровне. Во втором, изучение концепта – это попытка выяснить смысл, который замещает истинную реальность в сознании людей.

Первой позиции, в большей степени лингвокультурной, придерживаются исследователи А. Вежбицкая, Ю.С. Степанов и т.д.

Второму подходу симпатизируют представители философского знания: С.С. Неретина²², Ю.В. Суржанская²³, Ю. Бобкова²⁴ и т.д.

Помимо попытки найти точное определение концепту, данные исследователи озадачены определением функциональной значимости концепта, выявлением его характеристик, а также нахождением типов концептов и их классификацией.

Известная исследовательница семантического метаязыка А. Вежбицкая²⁵ обращается к рассмотрению концептов, напрямую не употребляя данный термин. В многочисленных работах она говорит об эффективности исследования культурных феноменов через ключевые слова. Ученый последовательно доказывает положения, в которых говорится о том, что язык полностью воспроизводит образ мышления человека, а национальный язык – мышление целой нации. Отсюда, для понимания национального мышления необходимо обратиться к центральным словам языка. Для познания русской культуры А. Вежбицкая исследует конкретные

²² Неретина С.С. Концепт // Энциклопедия эпистемологии и философии науки. М.: Канон +; РООН «Реабилитация», 2009. С. 387–389.

²³ Суржанская Ю.В. Концепт как философское понятие // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2011. № 2 (14). С. 70–78.

²⁴ Бобкова Ю. Концепт в философских исследованиях, или Штрихи к философскому «портрету» концепта // Научно-методический, культурно-просветительский журнал «Филолог» Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета. 2005. № 7. URL: http://philolog.pspu.ru/module/magazine/do/mpub_6_13.

²⁵ Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков. М., 1999. 791 с.

слова: «свобода», «воля», «дружба» и т.д., отражающие ментальность всего народа. Она говорит о том, что необходимо обнаружить такие слова, которые являются ключевыми, «существенными» для культуры и, проанализировав их, раскрыть важные аспекты культуры, не воспринимаемые в повседневном быте²⁶.

В качестве методики анализа ключевых слов она предлагает обратиться к следующим действиям:

- 1) обратиться к частотным словарям. Данный ход позволит определить степень значимости слова в культуре по частоте их употребления;
- 2) изучить ассоциативные словари, которые помогут выявить ряд идей, имеющих отношение к исследуемому слову;
- 3) применить культурно-сравнительный анализ, который выявит своеобразие слова в конкретной культуре;
- 4) использовать фразеологические словари, где в контексте фразеологических оборотов и пословиц будет отображена дополнительная информация о слове.

По мнению А. Вежбицкой, работа по выявлению и анализу ключевых слов очень важна и показательна для отдельной культуры, ведь они – «универсальные атомы смысла», свойственные всем языкам; то есть, концепты.

Классическим трудом по пониманию концептов и их значения является монография «Константы. Словарь русской культуры» академика Ю.С. Степанова, создателя современной концептологии. Он дает следующее определение концепта: это «основная ячейка культуры в ментальном мире человека»²⁷, которая позволяет взглянуть на картину мира, свойственную той или иной культуре. Также концепт выступает единицей индивидуальной и общественной памяти (исторической, общекультурной и т.д.), в которой

²⁶ Вежбицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов. М.: Языки славянской культуры, 2001. 288 с.

²⁷ Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. С.41.

сохраняется смысл. Соответственно, концепт есть смысл, к которому обращается человек в процессе мышления.

Пытаясь понять природу концепта, Ю.С. Степанов выдвигает тезис о ее сверхиндивидуальности и связи с коллективным бессознательным того или иного общества. Таким образом, в своем словаре концептов ученый отмечает связь, существующую между концептом и архетипом.

Ученый выделяет значимые характеристики концепта. Во-первых, у концепта всегда есть материальное воплощение. Связанное с концептом коллективное бессознательное обязательно должно быть закреплено не только в языке, но и предметах или явлениях действительности. Фактически, концептами являются слова и вещи, существующие в культуре. Во-вторых, концепты не есть что-то ставшее и определенное, они постоянно развиваются, и в своем развитии переживаются индивидом в отдельности и обществом в целом. Они связаны с чувственной сферой человека, поэтому очень часто эмоционально окрашены. В-третьих, концепты можно классифицировать по типу их носителей: есть индивидуальные, национальные и общечеловеческие концепты. По мнению ученого, наиболее эффективным будет исследование национальных концептов, которые являются более доступными для изучения и более актуальными для текущего дня.

Подобное воззрение можно обнаружить и у известного исследователя А.Я. Гуревича²⁸, одного из первых, кто обозначил проблемы культурных констант и концептов и сконцентрировался на нахождении путей их решения. Для него концепты – это «основные универсальные категории культуры». В отличие от общих понятий, они являются формами постижения мира, в которых закреплены и проявлены такие формы бытия культуры, вне которых ее существование невозможно.

Свойственные обществу модель мира, картина мира, образ мира и т.д., формируются на основании сложных взаимосвязей универсальных

²⁸ Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. М., 1972. С. 15–16.

категорий. Эти категории прививаются людям несознательно. Скорее это бессознательное принятие, «впитывание» категорий человеком. Подобные категории культуры можно выявить в языке, науке и искусстве.

Универсальность категорий не связана с тем, что они одинаково употребляются и воспринимаются всем человечеством. Речь идет о конкретных культурах и социальных системах с конкретным восприятием мира. Универсальность указывает на то, что вне зависимости от исторических перемен, данные категории будут всегда присущи человеку – пусть и в немного измененном виде. Концепты культур отражают общественную практику, так как их появление во многом обусловлено опытом и традициями, проявленными в деятельности людей. Помимо этого, они в значительной мере оказывают воздействие на поведение людей и сообществ и тем самым сами воздействуют на общественную практику, на формирование конкретного восприятия мира.

Все вышесказанное подтверждает необходимость исследования подобных категорий – концептов для того, чтобы глубже понимать культуру и общество, в которых живет человек.

Своеобразное понимание концепта дают представители философии постмодернизма. Появление данного термина в подобном ключе связано с опубликованной в 1981 году работой Ж. Делеза и Ф. Гваттари «Что такое философия?»²⁹. Для мыслителей-постмодернистов концепт – это творческий акт порождения новых понятий в философии, который позволяет вносить структуру в пребывающее в хаосе бытие. Свои умозаключения авторы подкрепляют примерами: *cogito* Декарта, монада Лейбница, априори Канта и т.д., все это – философские концепты. Данные примеры есть свидетельства того, что обязательным условием философского концепта является личностное открытие идеи мыслителем, позволяющее осознать хаотичность мира в конкретном историческом времени. Мыслители рассматривают концепт отдельно от языка, понимают под ним акт порождения философских

²⁹ Делез Ж., Гваттари Ф. Что такое философия? М.: Ин-т экспериментальной социологии, 1998. С. 26–47.

идей, которые в свою очередь демонстрируют многосоставность концептов. Также они настаивают на существенном различии философских и научных концептов, заявляя, что их ни в коем случае нельзя отождествлять.

Таким образом, обнаруживается противоречие в понимании и толковании концепта с точки зрения философии и других наук (преимущественно лингвистических). Данное противоречие должно быть снято либо путем разведения понятий и их употребления только применительно к своей отрасли знания, либо путем понимания термина как относящегося к гуманитарным наукам с учетом и лингвистических открытий, и идей философского толка.

Например, С.С. Неретина и А.П. Огурцов выявляют различие между лингвистическим и философским пониманиями концепта. По их мнению, с точки зрения лингвистики, концепт представляется многослойной структурой смысла, устойчиво связанной с языковыми структурами. С точки зрения философии, концепт является инструментом смыслообразования, проявляющегося в процессе обращенности речи к другому³⁰. Авторы предлагают собственный подход к концептам – подход, синтезирующий философское и лингвокультурное понимания концепта.

Единство двух взглядов разделяет и красноярский исследователь А.А. Семенова³¹. По ее мнению, объединение научного и философского подходов соответствует тенденциям развития современных гуманитарных исследований, допускающих плюрализм в определении понятий. Она рассматривает концепт как «изначальную суть явлений культуры, представленную в языке, и творческое создание новых именовании (концептов), отражающих суть актуальных культурных ситуаций и процессов»³².

³⁰ Неретина С.С., Огурцов А.П. Концепт как возможность постижения смысла // Теоретическая культурология. М.: Академический проект, 2005. С. 250.

³¹ Семенова А.А. Модификация древнерусского концепта «государство» в российской культуре XXI века: методологический аспект : дисс ... канд. филос. наук : 24.00.01. Великий Новгород, 2009. 198 с.

³² Там же. С. 55.

Поддерживая данную позицию, можно сказать, что концепт – это ментальная смысловая структура, сформированная в конкретной культуре, посредством которой человек, воспринимая окружающее его хаотичное бытие, упорядочивает его в мир доступной для понимания действительности.

Рассмотренные представления о концепте демонстрируют востребованность подобного рода исследований. И возможно, прав в этом смысле Ю.С. Степанов, заявивший, что концепт на сегодняшний день является главным объектом гуманитарного знания³³.

Теперь обратимся к решению второй задачи данного параграфа.

В современном гуманитарном знании город выступает одним из основополагающих феноменов современной культуры. Город является не только средоточием политических, экономических и культурных связей, но и производителем идей и традиций своего времени. Город является центром, к которому устремлено социальное пространство, и благодаря которому может развиваться общество.

Есть множество определений «города» и каждое из них раскрывает важные его аспекты. Особенно интересны высказывания тех, кто стоял у истоков современных городских исследований (Urban Studies). По их мнению, город – это:

– «пространство социальных контрастов и экономических противоречий» (Ф. Энгельс)³⁴;

– «значительное пространство скопления людей и их жилищ, находящееся в очаге крупных коммуникаций» (Ф. Ратцель)³⁵;

– «поселение, занимающее по протяженности большие масштабы, в котором отсутствует взаимное личное знакомство друг с другом» (М. Вебер)³⁶;

³³ Степанов Ю. Концепты. Тонкая пленка цивилизации. М., 2007. С. 12

³⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2. Т. 2. М.: Политиздат, 1955. С. 231–517.

³⁵ Боже-Гарнье Ж., Шабо Ж. Очерки по географии городов. М.: Прогресс, 1967. 424 с.

³⁶ Вебер М. Город. История хозяйства. М.: КАНОН-пресс-Ц, Кучково поле, 2001. С. 7.

– «наилучшее из всех мест для раскрытия потаенных человеческих сил и для изучения человеческой природы и общества» (Р. Парк)³⁷

– «специфическая форма пространственной организации жизни социально разнородных людей, включающая социально-экономические и политические компоненты» (Л. Вирт)³⁸.

Приведенные определения города относятся к так называемым «классическим представлениям» (по классификации Е. Трубиной)³⁹. Но в последнее время о городе все чаще говорят не как о конкретном и реальном месте, а как о «мыслительном конструкте», «ментальном образе» («неклассические» исследователи Ф. Джеймисон⁴⁰, Э. Соджа⁴¹). Следовательно, становится очевидной потребность современного научного знания в концептуальном осмыслении города.

Концепт «город» уже неоднократно становился объектом изучения в гуманитарном знании. Известны авторы культурологического (В.Г. Ильин), лингвистического (А.Р. Загороднева, С.А. Голева, С.В. Воркачев, Н.Б. Мустафина, О.К. Кириченко, С.Н. Плотникова), психолингвистического (В.А. Ефремов), литературоведческого (Н.А. Белова, Н.В. Володина, А.Н. Семенов, Л.Н. Авдоница, Т.А. Таянова и др.) подходов. В каждом из них концепт «город» рассматривается как феномен духовной жизни людей, в котором отражены как ценности, так и антиценности⁴² всего общества. Его толкование всегда сопряжено со сложными взаимоотношениями души конкретного человека и социальных реалий.

³⁷ Парк Р. Город как социальная лаборатория / пер. С.П. Баньковской // Социологическое обозрение. Т. 2. № 3. 2002. URL: <http://www.urban-club.ru/?p=50>.

³⁸ Вирт Л. Урбанизм как образ жизни // Избранные работы по социологии. М., 2005. С. 93–118.

³⁹ Трубина Е. Город в теории. М.: НЛЮ, 2011. 520 с.

⁴⁰ Джеймисон Ф. Постмодернизм или логика культуры позднего капитализма. Из книги *Postmodernism or The Cultural Logic of Late Capitalism*. Durham, Duke University Press. P. 1–54. URL: <http://do.gendocs.ru/docs/index-107396.html>.

⁴¹ Soja E. *Postmodern Geographies: The Reassertion of Space in Critical Social Theory*. L., N. Y.: Verso, 1989. 266 p.

⁴² Аксиологический подход к толкованию города довольно перспективен, однако в данном исследовании он используется лишь в качестве дополнительного к социально-философскому анализу.

Так, в работе С.А. Голевой⁴³ концепт «город» изучается посредством обращения к русскоязычным и англоязычным текстам, в которых город представлен как главный герой сюжета. Обращая внимание на то, как описывается город, какие слова используются для этого, какую эмоциональную окраску они несут, автор выделяет три компонента данного концепта: понятийный, образный и ценностный. Выявляя в содержании доминирующее положение ценностного компонента, она отмечает, что во многом именно он позволяет указать общие концептуальные характеристики города в русской и английской культурах.

Географ В.Н. Калуцков⁴⁴ обращается к городу как к «геоконцепту». Он отмечает, что геоконцептом может быть любое место вне зависимости от масштаба и территориальной локализации (города, регионы, страны, континенты). Главное, что делает их геоконцептами – это названия в рамках единой культуры, обладание неизменными образами, связь с конкретной территорией. Структуру геоконцепта задают три слоя: информационно-образный, ономастический и территориальный. Образ + топоним + территория = формула геоконцепта, которая показывает, что именно культура определит его своеобразие.

Базисные принципы для исследования концепта «город» можно обнаружить в диссертации «Город как концепт культуры»⁴⁵ и монографии «Город: концепт, образ, реальность» профессора В.Г. Ильина⁴⁶.

Занимаясь рассмотрением города в качестве концепта, В.Г. Ильин обращается к самому понятию «концепт». Он выявляет в нем двойственность. С одной стороны, концепт – это предельно общие категории. С другой стороны, ценности культуры, которые связаны с образным и эмоциональным компонентом. В отличие от «понятия» процесс

⁴³ Голева С.А. Лингвокультурологический и ономастический компоненты концепта «город» в русском и английском языках : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20. Омск, 2006. 198 с.

⁴⁴ Калуцков В.Н. Геоконцепты в географии // Культурная и гуманитарная география. 2012. Т. 1. №1. С. 27–36.

⁴⁵ Ильин В.Г. Город как концепт культуры : дис. ... д-ра социол. наук : 24.00.01 : Ростов н/Д, 2004. 331 с.

⁴⁶ Ильин В.Г. Город: концепт, образ, реальность. Ростов-на-Дону: Изд-во РГУ, 2003. 248 с.

определения концепта оценивается, переживается человеком, а не только рационально осмысливается.

Интерес к изучению концепта «город» ученый объясняет той ролью, которую он играет в жизни современного человека. Город не просто создает и организует реальное социальное пространство, но и во многом определяет мировосприятие индивида и специфику социума. Город является необходимой частью картины мира людей, демонстрирует исторические изменения в духовности его жителей. Автор видит в городе универсальную культурную константу, которая легко обобщается в семантическом плане и отражает все основные характеристики проживающего в нем социума: политические, экономические, религиозные, нравственные и т.д.

Город как культурный концепт обладает собственной структурой. Ее основными компонентами являются: интуитивный, символический и дискурсивный модусы. То есть для социума «город» существует преимущественно в качестве неосознаваемых образов и символов. Эмоциональное восприятие доминирует в основном на уровне индивидуального сознания.

В.Г. Ильин обращается к анализу данного концепта, характерного для традиционного общества. В данном ключе город представляется материализацией сакральных сил в повседневном житейском мире. Посредством архитектурных форм город всегда воплощал особенности взаимосвязи высшего и земного начал в прошлом и настоящем, а также фиксировал то, как они будут представлены в будущем времени. Даже за внешней хаотичностью застройки современной городской среды, по мнению ученого, можно обнаружить идею города – восхождение от земного к небесному. Хотя несомненно и то, что концепт «город» менялся исторически, и в разные эпохи в него вкладывались новые смыслы. Не зря говорят, что у города есть тайна, но задача человека осмыслить ее, прибегая к помощи интеллектуальной рефлексии и воображению ума.

Несомненным достоинством работ В.Г. Ильина является то, что автор рассматривает город и как общекультурную константу, как некий идеальный вариант концепта, и как конкретный национальный вариант (г. Ростов-на-Дону). Понятно, что в различных государствах концепт «город» будет качественно отличаться. В нем будет проявлена национальная составляющая. Российский «город» – это отнюдь не восточный, европейский или американский город, это город со своей историей и традициями. Национальные концепты выступают некими осями социокультурного пространства, которые структурируют бытие этих пространств и определяют их индивидуальность⁴⁷.

Еще одной ценной для настоящего исследования работой выступает книга научного сотрудника Института философии РАН С.Д. Домникова «Мать-земля и Царь-город»⁴⁸. В ней прослеживается попытка раскрыть архетип «город» для отечественной культуры посредством обращения к русской мифологии и фольклору. Это сделано с целью показать, что первоначальные смыслы и традиционные воззрения могут преломляться в историческом развитии.

Несмотря на то, что в работе употребляется термин «архетип», несомненна его близость с концептом. Архетип и концепт находятся в ситуации постоянной преемственности. Как отмечает исследователь А.Ю. Большакова, «архетип – это метаконцепт, представляющий ценностно-иерархический спектр культуры»⁴⁹.

Пытаясь определить роль и значение города для традиционного общества, С.Д. Домников приходит к выводу, что город есть исток цивилизации, центр, стягивающий к себе все пространства, сакрум, к которому тяготеет общественное сознание.

⁴⁷ Ильин В. Г. Город как концепт культуры : дис. ... д-ра социол. наук : 24.00.01 : Ростов н/Д, 2004. С. 98.

⁴⁸ Домников С.Д. Мать-земля и Царь-город. Россия как традиционное общество. М.: Алетейа, 2002. 672 с.

⁴⁹ Большакова А.Ю. Теория архетипа и концептология // Культурологический журнал. 2012. № 1 (7). С.7. URL: http://www.cr-journal.ru/rus/journals/109.html&j_id=9.

Рассматривая русский фольклор, автор выделяет несколько ключевых значений города: «город-мечта», «царство Змея», «город Божий» и т.д., а также сосредотачивает на них свой исследовательский интерес.

Например, образ «города-мечты» очень часто встречается в древнерусских текстах как светлый, возвышенный град – «тридесятое» или «золотое» царство». В городе человек обретает богатство, открывает в себе неведанные силы, находит свое счастье. В городе все его сокровенные желания становятся явью. Только в городе герой способен обрести царственную власть.

Уже в текстах сказок говорится о том, что город выступает центром притяжения героев, он манит к себе и зовет. Герои, никогда не бывавшие в городе, стремятся туда, мечтают оказаться в нем. Попадание в город для них подобно акту чуда. Автор связывает это, во-первых, с тем, что все достижения и открытия возможны преимущественно в городе. А во-вторых, с заложенностью тяготения человека к городу в самой его природе, психогенетической конституции. Домников убежден в том, что городская семантика включена в архетипическую программу личности. Городу уже на ранних этапах истории свойственно уникальное культурообразующее значение. Например, «отгороженность» города, «укрытие» определяют потребности человека в безопасности и защищенности. Автор соотносит это естественное желание человека с бессознательным тяготением младенца восстановить утраченную целостность с материнским лоном. Он видит как итог сакрализацию города как родового чрева. Более того, город наделяется значением Космоса, противодействующего силам хаоса. Социализированное и окультуренное пространство противостоит необжитой, дикой природе.

Изучив необходимые источники, попробуем самостоятельно выявить национальный концепт «город». Для этого представляется должным обратиться к истокам его формирования в российской культуре. Так как концепт – это изначальный смысл, погребенный под толщей новых значений,

то первым делом необходимо определиться с историческим временем, в котором этот смысл мы будем искать.

Можно предположить, что данным временем в истории Российского государства выступает период с XII по XVI вв., от появления и становления княжеств до эпохи их централизации, времени, когда народ стал формироваться как нация, а сама история стала безоговорочно российской.

По этой причине необходимо привлечь ряд работ – вербальных и визуальных, которые раскроют первоначальное понимание города. Это, во-первых, этимологические и толковые словари. Во-вторых, тексты древнерусской литературы. В-третьих, листы древнерусской миниатюры. Так как концепт может быть изучен только посредством обращения к оригинальным текстам и произведениям искусства, для анализа были выбраны «Повесть временных лет» (XII век) и несколько миниатюр из «Лицевого летописного свода» (XVI век).

а) Словарный анализ концепта «город»

В этимологическом словаре русского языка М. Фасмера представлено старославянское толкование «города» или «града». Это – «ограда», «забор», «казарма». Из этого Н.Н. Ярош⁵⁰ делает предположение, что первые города – это скорее площадки для оседлого проживания людей, созданные стихийно и неосознанно.

На наш взгляд, первые два пояснения указывают на то, что изначально город воспринимался как некая граница, межа, фиксирующая разрыв двух различных пространств, начало бытия, содержащее в себе определенность. Это даже не место, а именно переходный элемент. Идти в город – преодолеть ограду, попасть в новое, определенное пространство. Значение «казарма»

⁵⁰ Ярош Н.Н. Влияние происхождений понятий «город» и «хозяйство» на формирование экономической категории «городское хозяйство» // Экономический журнал. № 4 (20). 2010. С. 90. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-proishozhdeniya-ponyatiy-gorod-i-hozyaystvo-na-formirovanie-ekonomicheskoy-kategorii-gorodskoe-hozyaystvo>.

может быть трактовано как место локации силы и ремесла. Город как казарма – это укрепленное поселение, защищенное воинами, заполненное рабочими.

В словаре А.В. Семёнова говорится, что слово «город» широко употребляется в речи с XI в. «Город» происходит от старославянского слова «градъ», которое, в свой черед, истоками восходит к общеславянскому «gordъ»⁵¹. В Древней Руси значение слова «город» было связано с понятиями «забор», «ограда», «огороженное место» (родство со словом «огород»). Данные связи слов повествуют, что город – это особой значимости место, огороженное от врагов, зверей и прочих незваных гостей.

При обращении к толковому словарю В.И. Даля, спектр значений «города» значительно расширяется: к понятиям «забор», «ограда», «тын» добавляются «крепость», «кремль», «селение», «острог», «обнесенное городьбой», «общество», «обыватели города» (весь город собрался). То есть появляются признаки обжитого пространства, укрепленного и обороненного, с разного рода функциями. Лексикограф также приводит примеры устойчивых выражений, которые указывают на более поздние, но также значимые характеристики города. «Иди в город, там с колокольным звоном встречают!». «Где город, тут и вера, где деревня, тут и порядня». «Что город, то норов (то говор), что деревня, то поверье (порядня)». Здесь выявляются значимые черты жизни города. В отличие от деревни, в городе наличествует храм – здесь живет вера, здесь представлена более развитая культурная жизнь.

Также интересно определение русского города, данное первым историографом Российского государства В.Н. Татищевым. Оно было зафиксировано в энциклопедии «Лексикон Российский исторический, географический, политический и гражданский». Итак, «Славянский град – это место, укрепленное или не укрепленное, в котором расположено множество домов для разных чинов: военных и гражданских служителей, купечества, ремесленников и черни. Все они называются гражданами,

⁵¹ Этимологический словарь Семёнова А.В. URL: <http://www.slovorod.ru/etym-semenov/sem-g.htm#go>.

состоят под властью начальства. Город обыкновенно имеет крепости или пригороды»⁵². В данном пояснении указывается еще одно значение города как дифференциального социального пространства. Но так как данное определение относится к Новому времени, оно будет учитываться нами как дополнительное, а не основное.

б) Анализ концепта «город» в древнерусской литературе

Историческими документами, которые могут дать необходимую информацию для исследования концепта «город» в отечественной культуре, выступают летописи. Самые ранние из них датируются XI столетием. Именно с этого времени можно обнаружить записи, связанные с описанием облика и быта древнерусских городов. Так, историк Д.Я. Самоквасов⁵³ для описания древнерусского города предложил обратиться к летописям, так как дефиниция «город» в древнерусском языке имеет большое количество значений, которые во многом утрачены в современном понимании. Среди них исследователь обозначил:

- Город как укрепление, возведенное на местности для защиты от врага.
- Город как пространство мирного проживания людей, огражденное от внешних опасностей и сует.
- Город как крепость, сооружение оборонного типа.
- Город как земля, как волость, как княжество, как государство.

При обращении к более древнему источнику – «Повести временных лет» – можно увидеть, что слово «город» в тексте фигурирует часто, около 270 раз. В основном данное слово встречается в качестве места основных событий (раздоров, сражений, свадеб, пиров, примирений и т.д.) в Древней Руси. Это точка активности, место принятия важных решений и проведения основных действий.

⁵² Татищев В.Н. Лексикон российский исторический, географический, политический и гражданский: в 2 ч. СПб., 1793. Ч. 1. С. 261.

⁵³ Самоквасов Д.Я. Древнерусские города. СПб.: Типография Замысловского, 1873. С. 87–90.

– Город всегда упоминается как княжеская резиденция. Это место, где сосредоточена власть правителя и сила его войска. Отсюда все военные походы совершаются из одних городов на другие. Завоевание сельских поселений – просто разбой. Но когда взят город, то официально завоеваны и все окружающие его территории, все богатство, все люди, установлена новая власть. «Горе городу тому, в котором князь юн»⁵⁴. Городу нужен опытный и сильный правитель, способный своим авторитетом улучшить положение города.

– Возведение городов является весьма важным занятием. Города ставят, строят, рубят, создают из дерева или камня, украшают. Данное действие воспринимается как архиважный процесс. Ставя град, князь вновь демонстрирует свою силу, он подчиняет себе окружающее пространство, упорядочивает его. После принятия христианства, строительство города дополняется значением богоугодного дела: «Видите ли горы эти? На этих горах воссияет благодать Божия, будет город великий, и воздвигнет Бог много церквей»⁵⁵.

– Город ставится в честь события или человека, но чаще всего – на месте чудесного явления и божественного предзнаменования, рядом со святыми местами.

– Города существуют по принципу иерархии. Есть более значимые, более сильные и более богатые города: «И сел Олег, княжа, в Киеве, и сказал Олег: «Да будет это мать городам русским»»⁵⁶. Остальные города находятся у них в подчинении.

– Город имеет обязательные элементы устройства. Город зачастую строится на возвышенности и имеет вокруг себя несколько преград. Основные из них – ров и стены. К городу обязательно ведет главная дорога. Ее начало (или конец) – это храм, расположенный в центре города, рядом с

⁵⁴ Повесть временных лет / Отв. ред. О.А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, Родная страна, 2014. С. 156.

⁵⁵ Там же. С. 60.

⁵⁶ Там же. С. 70.

ним, под сенью святости обычно располагаются княжеские палаты. Большинство жилых и бытовых построек отнесены к стенам, центр всегда остается менее заполненным.

– Величие города и его красота зависят от количества храмов и церквей. «Заложил Ярослав город великий, у того же града Золотые ворота; заложил и церковь святой Софии, митрополюю, и затем церковь на Золотых воротах – святой Богородицы Благовещения, затем монастырь святого Георгия и святой Ирины»⁵⁷.

– Большое значение в «Повести временных лет» придается городским храмам, взведенным в честь Богородицы. Ее широкое почитание – одна из особенностей православия. Первый богородичный праздник – Покров – был установлен в середине XII века князем Андреем Боголюбским. Культ Богородицы оказал огромное воздействие на историю русских городов. Московское царство в XV- XVI вв., например, называлось «уделом пресвятой Богородицы», а многие города России и поныне находятся под ее покровительством.

– В отличие от невежд-деревень, город является сосредоточием разумности, центром учености.

Это говорит о том, что города уже на начальных этапах становления древнерусского государства имели большую ценность для людей. В них разворачивалась основная жизнь: повседневно-трудовая, культурная, духовная.

в) Анализ концепта «город» в древнерусской миниатюре

Еще больший интерес к городу можно обнаружить в менее официальных источниках – книжных миниатюрах. Ознакомимся с работами неизвестных художников XVI века. Именно в этот период времени в книгах нарастает интерес к визуализации многочисленных исторических событий –

⁵⁷ Повесть временных лет / Отв. ред. О.А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, Родная страна, 2014. С. 164.

давнишних и современных, важных для государства или же представляющих обыденную повседневность простых людей.

Книжная миниатюра имеет уплотненное информационное поле. Во-первых, это проявлено в том, что в одной композиции могут быть сгруппированы несколько сюжетов. Во-вторых, на одном листе представлено множество семантически нагруженных элементов.

По художественным приемам и стилистике древнерусская миниатюра связана с мастерством иконописания и фреской. В ней также присутствует условность языка, несомненные черты каноничности, но она значительно реалистичнее в отражении русского быта и мировоззрения, она более склонна к изображению неофициальных сцен. Например, есть миниатюры, представляющие городскую жизнь через разнообразные профессии или праздники⁵⁸. Они воспроизводят повседневность горожанина в Древней Руси. В них видно, что русский средневековый город – это место средоточия ремесла и торговли, крупный политический и культурный центр.

Самые интересные миниатюры для изучения концепта «город» могут быть обнаружены в знаменитом «Лицевом летописном своде»⁵⁹, созданном во второй половине XVI века, в годы, когда правил Иван Грозный. Некоторые миниатюры из него позволяют выявить еще несколько значимых аспектов в понимании города.

В данных миниатюрах (прил. А, рис. 1-5) город выступает одним из главных героев повествовательного сюжета. Несмотря на то, что изображены конкретные города – Москва, Владимир, Новгород (одни из самых значимых на Руси), – во всех изображениях прослеживаются типичные черты города вообще.

Во-первых, во всех изображениях город представлен многолюдным. Здесь можно увидеть все общество, его верхи и низы: князей, бояр, воинов,

⁵⁸ Древнерусская миниатюра в Государственном историческом музее. Выпуск 5. Городская жизнь / Авт.-сост. Ж. Иванова. М.: Изобразительное искусство, 1981.

⁵⁹ Факсимильное издание Лицевого летописного свода на сайте Общества любителей древней письменности. URL: <http://oldp.sterligoff.ru/>.

монахов-чернецов и просто рабочий люд. Город насыщен жизнью, в нем постоянно происходит что-то важное и знаменательное: вокняжение, избрание наместника, установка часомерья, встречи князей, принятие важных решений и т.д. Все люди включены в городскую жизнь, здесь нет места отчуждению. Об этом, несмотря на имеющиеся признаки социального расслоения, указывает внешнее сходство горожан, их рост, изображения лиц и тел, схожесть цветовой гаммы одеяний. Это скорее родовое общество, где все «свои», близкие и родные. Этот город «родной», «родовой». Жизненное пространство города представлено человекоразмерным – архитектурные сооружения компактны и невысоки. Таким образом, город представляется еще и удобным для проживания, наделенным комфортом.

Во-вторых, если обратиться непосредственно к облику города, можно отметить, что он имеет тесную связь с природным ландшафтом. Конечно, по сравнению с извилистыми деревцами и крутыми изгибами гор, он выглядит прямым, упорядоченным и правильным, но ожидаемой дисгармонии здесь не наблюдается. Город вписывается в природный ландшафт и во многом подражает ему. Так, вытянутым вверх зубьям гор вторят вытянутые вверх стрельчатые перекрытия домов, луковичные главки церквей. Сам камень городских стен будто взят с этих горных пород, они будто говорят, что город был не построен, а сама природа его породила. Город возвышен, он уподобляется холму или горе, неприступной и непоколебимой тверди.

В-третьих, изображения демонстрируют преимущественно радиально-концентрическую планировку городов, характерную для «стихийных» городов, не разумно спланированных, предусматривающих жесткую социально-политическую организацию общества, а возведенных скорее по чувственному наитию.

Основными элементами города выступают городские стены, храм и княжеские палаты. Городские стены – это мощная ограда с оборонительными башенками. Город – это крепость, «детинец». Он находится под защитой, в него практически невозможно попасть. Лишь на рисунке 6 (прил. А), где

изображение монастыря полностью воспроизводит вид города, представлены ворота как единственный вход в таинственный мир города. Стены не только определяют городское пространство, задают ему границы, но и «укрывают» город, «защищают» пространство порядка и культуры от неосвоенного и дикого мира природы, от всего чужого и чуждого. Как отмечает С.Д. Домников, «происходит разделение космоса и хаоса»⁶⁰. Преодолевая главные городские ворота, человек оказывался в совершенно ином пространстве, двигаясь к центру города, он шел к самому значимому и священному в нем. Город сам вел его. Основные архитектурные объемы увеличивались от периферии к центру, от стен города к его узловому центру.

Храм обязательно располагается в центре городской композиции. Он приподнят и освящает архитектурный облик города, задает вектор жизни его жителям и гостям. Своим внешним и внутренним устройством, в котором прослеживаются принципы иерархии, город отсылает к прообразу – Небесному Иерусалиму, – тем самым показывая определенную судьбу города, его миссию. Подобное сравнение указывает на то, что христианская концепция города как Иерусалима была воспринята из Византии. Отсюда подчеркивается преемственность культуры. Русский город еще не был центром мировой святости, но он был един со всем христианским миром, занимал место в его истории. Но в то же время, как показывают сами миниатюры, эта преемственность была со временем несколько видоизменена. Дело в том, что на Руси церковь и княжеская власть изначально были нераздельны. Власть была сосредоточена в городах, выступающих центрами религиозной жизни. Именно власть создавала города и распространяла христианскую религию по русской земле. Как итог – город стал обладать исключительным культурным значением, его природа воспринималась как властно-сакральная. Доминанты церквей и княжеских палат являются ключевыми элементами в композиции городского пространства. Это знаки

⁶⁰ Домников С.Д. Мать-земля и Царь-город. Россия как традиционное общество. М.: Алетейа, 2002. С. 221.

исключительности места, в которых объединены божественная власть и княжеская сила.

То, что именно храмы задают вектор жизни горожан, можно обнаружить через анализ пространственного решения изображений. Везде акцентируется вертикаль. Такой прием онтологически связан с предметным миром православного богослужения. Как отмечает О.Г. Ульянов, «на миниатюрах воспроизведены те же самые семантические построения, которые возможно увидеть на иконостасе»⁶¹.

Наличие палат указывает, что город – это своеобразное проявление власти. Сюда с округи (пригородов и окраин) стекаются все ресурсы, и отсюда же на нее оказывается влияние. Все ключевые решения исходят из города. Город занимает верхнюю позицию в иерархии территорий. А самое главное то, что именно городская культура воплощает в себе образ государства и эпохи, пространственно-временные характеристики проживающего в нем общества.

В-четвертых, на миниатюрах представлено изображение сжатого во времени и пространстве действия, четко локализованного за счет персонажей и конкретного города. В отдельных работах (прил. А, рис. 1, 3, 4) информационная емкость еще больше, так как увеличена протяженность действий персонажей во времени. Это поднимает такие вопросы как «временность» и «вечность» в городской среде.

В данных миниатюрах также можно обнаружить взаимосвязь концепта «город» с концептами «мир» и «пространство». Интересно то, что главным связующим звеном здесь выступают не географические параметры, а ментальные. Одно из значений «города» – обжитое пространство или мир. Город – это модель мира, упрощенное отображение всех представлений о мире в культуре Российского государства. Здесь включены представления о пространстве и времени – вечность и бесконечность, причинно-следственные

⁶¹ Ульянов О.Г. Изучение семантики древнерусской миниатюры. URL: http://www.icon-art.info/book_contents.php?book_id=24.

связи исторического процесса (компоновка нескольких сцен в одном изображении). Концепт город несет на себе много семантических и аксиологических значений, культурных смыслов. В городе есть цель – духовное возвышение человека посредством принятия истин церкви и воли князя.

Можно сказать, что город наделен комплексом положительных значений: он светел, красочен, праздничен, изобилен, величественен, красив. В нем нет места скудости, обыденности, хаотичности, как в деревне. Если деревня ближе к земле, то город ближе к небу. Данный концепт ментально расширяется, достигая пределов Космоса. Подобная трансформация возможна, так как отчетливо прослеживается основа концепта, сформированного на границе реального и идеального.

Исходя из рассмотрения образа города в древнерусской миниатюре, можно сделать вывод, что в понимании данного концепта преобладает не индивидуальный взгляд, а «надындивидуальный», связанный с коллективным бессознательным русского народа. Это значит, что русский город изначально обладал качествами, отличающими его от городов других государств, поэтому рассмотрение российского города априори будет предполагать выявление его индивидуального характера, ломающего устоявшиеся представления о данном феномене, существующие за рубежом.

Основные выводы:

1. В конце XX начале XXI столетия особенно востребованными стали концептуальные исследования. Исследования в гуманитарном знании показали, что изначальный смысл многих предметов и явлений оказался утраченным, забытым на сегодняшний день и воспроизводимым в жизни чисто механистически. Поэтому возникает необходимость переосмысления и нахождения истинного смысла предметов и явлений, играющих важную роль в жизни современного человека.

2. Существует два подхода к толкованию концепта. С точки зрения философии, концепт – творческий акт мысли по созданию названий и именовании тем смыслам, которые лежат в основе бытия. С точки зрения науки, концепт – первичный смысл или протосмысл вещей и явлений, встречаемых в жизни человека. Оба этих подхода можно синтезировать в гуманитарном знании, рассматривая «концепт» как ментальную смысловую структуру, сформированную в конкретной культуре, благодаря которой человек, воспринимая окружающее его хаотичное бытие, упорядочивает его в мир доступной для понимания действительности.

3. «Город» выступает одним из важнейших национальных концептов, структурирующих представления людей об окружающем мире. Изучая данный концепт, можно во многом понять философское воззрение на сущность города, и саму культуру, к которой он принадлежит.

4. Посредством обращения к словарному анализу концепта «город» и рассмотрения его вербального и визуального образов на материале «Повести временных лет» и листов «Летописного лицевого свода» был воссоздан концепт «город», характерный для российской культуры. Концепт «город» содержит в себе понимание города как многогранного явления. Это собственно стены, которые опоясывают поселение, культовый центр или пространство, обороненное от неприятеля. Также изначальная смысловая основа «города» связана с местом духовного возвышения человека посредством принятия истин православной церкви и воли русского князя. Базовыми характеристиками города в российской культуре выступают: наличие упорядоченного сакрального центра и естественной застройки вокруг, вписанность в природные очертания ландшафта. Важным представляется в целом позитивный взгляд на город.

5. Анализ концепта «город» обозначил многоаспектность изучаемого феномена, заключающего потенциальную возможность своего рассмотрения с разных точек зрения: экономической, искусствоведческой,

социологической, географической и т.д. Данные выводы позволяют совершить переход к содержанию следующего параграфа.

1.2. Городское пространство как предмет междисциплинарных исследований. Проблема города в социальной философии

Аналитическое рассмотрение источниковой базы позволяет выявить целый спектр представлений о городе, разнообразие которых обусловлено существованием сразу нескольких дисциплинарных подходов к изучению данного феномена. Город может быть рассмотрен в качестве совокупности целого ряда аспектов – материального и ментального, социального и культурного и т.д.

Изучение города долгое время концентрировалось вокруг вопросов генезиса и дальнейшей истории его развития. Важными представлялись политические аспекты жизни города, его экономика и культура. Только в начале XX столетия практически полностью игнорируемые пространственные аспекты города стали вызывать научный интерес, а спустя столетие стало совершенно очевидно, что пространственное изучение является одним из наиболее перспективных для городских исследований.

Так как основное внимание в данном диссертационном исследовании сосредоточено на изучении пространства современных российских городов, то неизбежным становится появление ряда ключевых вопросов, нуждающихся в осмыслении: Что из себя представляет городское пространство? Как оно устроено? Чем обусловлено? и т.д.

В России урбанистика как научное направление сформировалась в последнем десятилетии XX столетия в результате активного интереса социологов, культурологов и философов к западным теориям города, поэтому перед отечественными исследователями была поставлена сложная задача – ликвидировать отставание от мировой науки путем освоения передовых исследовательских методик и практик. Поскольку российские

ученые продолжают развивать исследовательские направления, обозначенные на западе, адаптируя их под конкретные задачи российской действительности, то логичным представляется наше обращение к рассмотрению именно зарубежных концепций и теорий городского пространства как первоисточников в рассмотрении городской проблематики.

Как было выяснено в предыдущем параграфе, концепт «город» многослоен, он включает в себя множество разнообразных аспектов, таких как средоточие власти и силы, пространство концентрации веры, место порождения культуры и т.д. Представители разнообразных научных отраслей занимаются их изучением, пытаясь достичь более глубокого понимания данного феномена. В отдельную область исследования можно объединить источники, содержание которых направлено на изучение пространства города. Значительная часть подобных работ написана в рамках разных предметных областей: социологии, экономики, политологии, культурной антропологии, искусствоведения и т.д., требующих определенного аналитического обобщения.

Социологический подход

Именно социологи впервые поставили вопрос о том, в каком на самом деле пространстве существует городской социум – только ли физическая географическая протяженность имеет здесь место либо существует качественно иное пространство, обладающее своей специфической мерностью?

В социологии содержится обширный материал для изучения города, его образа, его роли в жизни общества. Применительно к проблемному полю данного исследования наиболее важными выступают теоретические положения ученых-классиков: М. Вебера, Г. Зиммеля, – к которым сегодня активно обращаются отечественные ученые.

Так, известный родоначальник социологии М. Вебер выделил в определении города ряд позиций, которые стали весьма принципиальными

для современной урбанистики. Для него город есть поселение, занимающее по протяженности большие масштабы, в котором «взаимное личное знакомство друг с другом, характерное для соседских отношений в сельском поселении, отсутствует»⁶². То есть М. Вебер обратился к онтологическому пониманию города как социального пространства, обладающего определенным набором качеств и свойств. Он отметил, что городская среда отлична от сельской зоны, она более замкнута и более враждебна к своим представителям. Данный подход не был широко освещен, но он дал своеобразный толчок, побудив дальнейшее изучение природы города.

Самостоятельность города, по Веберу, связана с политикой. В результате чего природа города предстает в виде «сообщества» со специальными институтами политического и административного характеров. Так, город включается в длительный исторический процесс, в котором социум создает различные институты, помогающие ему обрести как политическую, так и экономическую власть. Его конечным итогом является бюрократическая администрация. Поэтому можно сказать, что город превращается в символ общих исторических процессов территориального преобладания и государственного строительства, а также является основным, реально существующим местом, в котором эти процессы осуществляются.

Г. Зиммель в своей работе «Большие города и духовная жизнь»⁶³ отмечает, что город способен оказывать определенного рода психологические воздействия на человека. В отличие от сел и деревень, считает ученый, жизнь в городе более интенсивна и наполнена темпом. Город буквально бомбардирует жителя всевозможными знаками и звуками, сказываясь на его душевном состоянии. Индивид становится более восприимчивым, но в то же время его чуткость притупляется. Таким образом, горожане в интеллектуальном плане более развиты по сравнению с селянами, однако эмоционально более скудны. При этом мыслитель придерживается

⁶² Вебер М. Город. История хозяйства. М.: КАНОН-пресс-Ц, Кучково поле, 2001. С. 7.

⁶³ Зиммель Г. Большие города и духовная жизнь. М.: Изд-во «Логос», 2002. № 3–4. URL: <http://magazines.russ.ru/logos/2002/3/zim.html>.

позиции, что изменить суть городского пространства человек не в состоянии, его участь заключается в пассивном наблюдении за его исторический развитием, обусловленным преимущественно внешними факторами.

Высшей точкой развития городской социологии принято считать работы социологов Чикагской школы: Р. Парка⁶⁴, Э. Берджесса⁶⁵, Л. Вирта⁶⁶, провозгласивших важность прикладных исследований.

Так, Р. Парк в основе концепции города отметил идеи теории эволюции Ч. Дарвина. В развитии города он просматривал экологическую взаимосвязь, наблюдаемую в обществе. Парк отметил разницу, существовавшую в факторах, которые оказывают важное влияние на «социальную экологию» города: биотических и культурных. Биотические факторы обусловлены базисными потребностями человека (например, в пище, в воде, в сохранении тепла и т.д.), поэтому они определяют численность людей, проживающих в конкретном месте (ареале расселения). Отношения в обществе выстраиваются по подобию отношений в животном мире: происходят столкновения за право обладания ресурсами, некая борьба за выживание. Поэтому в городах наличествуют разные социальные группы, занимающие определенные районы или «естественные ареалы». Культурные факторы Р. Парк отмечает как вышестоящие. Они выстраиваются над биотическим уровнем и проявляются в форме принятых обществом обычаев, норм, законов. Все это создает неповторимые черты городского сообщества, которые необходимо изучать для познания социальных законов. Исследователь отмечает, что «город усиливает, простирает и выставляет напоказ человеческую природу во всех ее разнообразных проявлениях. Именно это и привлекает, или даже притягивает, в город. И именно это

⁶⁴ Парк Р. Город как социальная лаборатория / пер. С.П. Баньковской // Социологическое обозрение. Т. 2. № 3. 2002. URL: <http://www.urban-club.ru/?p=50>.

⁶⁵ Берджесс Э. Рост города: введение в исследовательский проект / пер. с англ. В.Г. Николаева. 2002. Т. 4. В.1–2 (11–12).

⁶⁶ Вирт Л. Урбанизм как образ жизни // Избранные работы по социологии / Пер. с англ. В.Г. Николаева. М., 2005. С. 93–118.

делает его наилучшим из всех мест для раскрытия потаенных человеческих сил и для изучения человеческой природы и общества»⁶⁷.

Исследователи Чикагской школы фиксировали социально-пространственные структуры города, применяя так называемые «социальные карты». Устойчивых показателей для карт не было. Э. Берджесс в построении карт отталкивался от мысли, что в Чикаго социальные сообщества характеризуются показателями расовой напряженности, преступности в районе, а также наличием разного рода досуговых заведений (кинотеатров, ресторанов и т.д.). В работе ученый чаще использовал качественные методы исследования, такие как интервью, анализ документов, биографий, лишь иногда обращаясь к статистике.

Понимание города Р. Парком и Э. Берджессом нашло свое отражение в многочисленных публикациях их учеников: Р.Д. МакКензи⁶⁸, Н. Андерсона, Э. Морера, Р. Кейвена, Ф. Трэшера, Ф. Фрейзера, Г. МакКея, Дж. Ландеско и др., продолживших воспринимать город как «социальную лабораторию».

Представители Чикагской школы урбанистики верили в объективность своих исследований, перенося знания, полученные в результате исследования Чикаго, на все другие города. Видя в городе не уникальный, а скорее типичный индустриальный город западной цивилизации, развивающийся и линейно прогрессирующий, главное внимание чикагцы уделяли центру города, указывая, что остальные районы всегда будут тяготеть к нему, а жизнь социума разворачиваться вокруг него.

Современные городские социологи проявляют тяготение к синтетическим подходам в рассмотрении многочисленных феноменов, касающихся взаимодействия общества и городского пространства: от процессов сегрегации пространства и их влияния на поведение горожан до

⁶⁷ Парк Р. Город как социальная лаборатория / пер. С.П. Баньковской // Социологическое обозрение. Т. 2. № 3. 2002. URL: <http://www.urban-club.ru/?p=50>.

⁶⁸ МакКензи Р.Д. Экологический подход к изучению человеческого сообщества // Личность. Культура. Общество. 2001. № 4 (10).

исследования моральной паники, которую люди испытывают в городской среде⁶⁹.

Экономический подход

Западные социально-экономические исследования города получили свое развитие благодаря проявлению общественных практических потребностей⁷⁰. Экономическая составляющая городских исследований была логичным продолжением социологической проблематики. Именно представители Чикагской школы заложили основы эмпирических исследований города и существующих в нем проблем и выявили закономерность, что в большинстве случаев проблемы города связаны с социально-экономическими факторами, нежели его территориальными особенностями.

Начиная с 1960-х годов городские исследования стали осуществляться в русле «антагонистических» программ. Первую программу реализовывали последователи М. Вебера, вторую – К. Маркса и его работ⁷¹. Ориентация на учение Маркса прослеживается в трудах Лефевра. Он отмечает, что веберовская школа социологии не способна ответить на вопрос, как и с помощью чего создается и распределяется пространство в условиях западного рынка как дефицитный товар.

В целом, марксистская традиция направлена на анализ значения и статуса городов в формировании капиталистических отношений. Город рассматривается как эпицентр социально-классовых противоречий, преодолеть которые возможно путем пересмотрения планового развития города, осуществляемого его коллективным собственником. Отсюда возникает вера в то, что плановое переустройство городской территории приведет к изменению образа жизни населения.

⁶⁹ Cooper A.E., Boulay E., Kilroy E. Moral panic(s) in the 21st century. City: analysis of urban trends, culture, theory, policy, action. 18 (2). 2014. P. 160–166.

⁷⁰ Нещадин А., Горин Н. Феномен города: социально-экономический анализ. М.: Изограф. 2001. 239 с.

⁷¹ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Издание 2. Том 2. М.: Политиздат, 1955. С. 231–517.

Ярчайшим представителем экономических исследований является М. Кастельс⁷², проанализировавший роль городской системы в способе производства. Выступая изначально за коллективизацию потребления в городском пространстве, ученый постепенно переходит к концепции информационного общества. В качестве основы городской экономики он видит возрастание информационной стоимости.

В западных экономических исследованиях большое место принадлежит изучению проблемы городского образа жизни, его качества и уровня. В 60-70 годах XX века приверженцы линии Маркса взяли курс на разработку методов прогнозного моделирования, которое предполагало формирование моделей возможных состояний города. Представители Массачусетского технологического института А. Слоун и Дж. Форрестер⁷³ разработали компьютерную методологию прогнозирования и стратегического планирования развития города, которая была признана в мире.

Для современной урбанистики характерны разработки концепций «города-предпринимателя»⁷⁴, «города – машины роста»⁷⁵, которые призваны повышать экономическую стоимость городских пространств. К городу начинают применяться модифицированные теории менеджмента и маркетинга⁷⁶, которые сегодня реализованы в ряде конкретных западноевропейских городов (Лионе, Мюнхене, Кливленде и др.)⁷⁷.

Антропологический подход

Как самостоятельное направление исследований городская антропология появилась в Европе и США в середине XX века. Она предложила два подхода к изучению города. Первый подход был ориентирован на изучение археологии города и его древней истории. Второй

⁷² Castells M. The Informational City: Information Technology, Economic Restructuring, and the Urban Regional Process. Oxford, 1989. 470 p.

⁷³ Форрестер Дж. Динамика развития города. М., 1974. 286 с.

⁷⁴ Паркинсон М. Города-предприниматели и местное финансирование // Евро-град, 1998. № 10. С. 15–23.

⁷⁵ Lefebvre H. The Production of Space. Oxford: Blackwell, 1991. P. 345.

⁷⁶ Kotler Ph, Hainer D. H., Rein I. Marketing places. New York: The Free Press, 1993. P. 346

⁷⁷ Лэндри Ч., Грин Л., Матарассо Ф., Бьянчини Ф. Возрождение городов через культуру. СПб.: Нотабене, 1999. 86 с.

подход был направлен на сопоставление исторических феноменов города с современными изменениями в нем. Представитель второго подхода Р. Редфилд, например, рассматривал роль города, не только опираясь на своеобразие территории и общества, но и обращая внимание на его особый статус, существующий в культуре.

Данные подходы относятся к классическому этапу антропологии, в котором в качестве основы для методологии исследований выступал функционализм. Из методов применялся метод включенного наблюдения. Основное внимание классических подходов привлекало изучение окраин, трущоб, этнических анклавов. Большой вклад классическая городская антропология внесла, изменив представление об изучаемом объекте. Если раньше все, что происходило на окраинах и зонах, объяснялось хаосом и несовершенством, отдаленностью от центра цивилизации, то теперь жизнь маргинальных сообществ рассматривалась с позиций культурного отличия. Занимаясь во многом районами мигрантов и беженцев, антропологи настаивали на «культурной релятивации».

Антропологические исследования города характеризуются тем, что для анализа берутся небольшие сообщества, группы людей, и через жизнь этих сообществ, их ценности, распорядок жизни описываются городские районы и кварталы. По мнению антропологов, только понимание фрагментов городской среды способно дать представление о городском пространстве в целом.

В 1980-х годах городская антропология стала более интегрированной в дискурс других социальных наук. Она во многом слилась с географией, экологией, социологией. Наряду с теоретическими интересами и концептуализацией городского пространства возникла потребность практического решения городских проблем с жильем, транспортом,

использованием пространства, обращением с отходами и управлением инфраструктурой⁷⁸.

Примером изучения пространства города в антропологии выступают труды К. Линча⁷⁹, М. де Серто⁸⁰, М. Оже⁸¹, призывающие горожан к активным практикам (смотреть, гулять, называть, планировать, создавать городское пространство).

Политологический подход

Город, по мнению представителей данной научной сферы, является, прежде всего, пространственным сосредоточением власти, в котором наиболее полно осуществляется воспроизводство и распределение качественных характеристик территории.

Наиболее широко представленным в исследованиях видится социально-экономический аспект городской политики. Он сосредоточен на выявлении и решении ряда городских проблем: от преодоления дисбаланса, существующего между доходами местных бюджетов и расходами органов муниципалитета, до обеспечения благоприятной атмосферы в районах города.

В рамках политологических исследований интересны работы М. Де Франц⁸², Я.Р. Кука⁸³. Ученые-политологи рассматривают пространство города в большей степени как чисто психическое явление, а задачи городской политики видят в формировании позитивных представлений горожан о территории своего проживания. Для этого, по мнению исследователей, политика должна обращаться к историографии города и его

⁷⁸ Levinson D., Ember M. Encyclopedia of Cultural Anthropology. Vol. 4. N.Y.: Henry Holt and Company. URL: http://faculty.smu.edu/rkemper/publications/Kemper-Rollwagen_Urban_Anthropology_Encyclopedia_of_Cultural%20Anthropology.pdf.

⁷⁹ Линч К. Образ города / в пер. В.Л. Глазычева. М.: Стройиздат, 1982. URL: http://www.glazychev.ru/books/translations/Linch/Linch_1.htm.

⁸⁰ Де Серто М. По городу пешком / в пер. А.А. Космарского // Социологическое обозрение, 2008. Т. 7. № 2. С. 24–38. URL: <http://sociologica.hse.ru/2008-7-2/28122457.html>.

⁸¹ Auge M. Non-places: Introduction to an Anthropology of Supermodernity. Verso, 1995. 122 p. URL: http://monoskop.org/images/3/3c/Auge_Marc_Non-Places_Introduction_to_an_Anthropology_of_Supermodernity.pdf.

⁸² De Frantz M. Contemporary Political Theories of the European City: Questioning Institutions. European Journal of Social Theory, 2008. Vol. 11 (4). P. 465–485.

⁸³ Cook I.R., Swyngedouw E. Cities, Social Cohesion and the Environment: Towards a Future Research Agenda. Urban Studies, 2012. Vol. 49 (9). P. 1959–1979.

искусству. Так, история городских легенд способна оказать влияние на формирование исторической памяти, образа города, мифологических представлений горожан. Чтобы грамотно выстраивать политику города, очень важно заниматься исследованием параллелей между реальным городским пространством и представлениями о нем.

Искусствоведческий подход

Исследователи, представляющие искусствоведение (М.Х. Богарт, Ч. Брок, Р. Зурьер и т.д.⁸⁴), изучают пространство города через образы, созданные представителями художественного сообщества и зафиксированные в произведениях искусства. Авторы-искусствоведы скорее пытаются выявить виденье художников, а не содержание образа пространства конкретного города. Данные работы позволяют осмыслить технические и художественные особенности создания пространства города. В них отмечено, что архитектура и стрит-арт создают потенциал для формирования брендинга города и значительно влияют на экономику и политику городского пространства, повышая его стоимость.

Географический подход в исследовании городского пространства

Основной интерес географов по отношению к городу проявлялся в изучении особенностей окружающей его территории и климатических условий, способствующих его возникновению в конкретном месте.

В истории географического исследования городской территории можно выделить два этапа. Первый этап доминировал в исследованиях до середины XX века и был связан с формальным описанием территории и выявлением внешних факторов ее развития. Со второй половины XX столетия городская география, ее подходы к городу, методы исследования и т.д., стала меняться. Исследовательский инструментарий пополнили количественные (математические) методы и принципы моделирования. А приоритетные направления были определены в новых задачах, которые существенно

⁸⁴ Shkuda A. Review Essay: Art, Artists, and the Image of the Twentieth-Century City. *Journal of Urban History*, 2011. Vol. 3 (37). P. 444–450.

изменили представление о географии. Первая ее задача определялась поиском законов, по которым пространства земли приобретали те или иные очертания. Вторая задача заключалась в базовой перестройке общих оснований науки. Новым фундаментом должны были выступать проверенные опытным путем данные. Данная тенденция обновления городской географии была связана с трудами именитых географов: Ф.К. Шефера, У. Тоблера⁸⁵, У. Гаррисона, У. Бунге⁸⁶ и т.д. Но, несмотря на их деятельность, более влиятельной оказалась радикальная география, которая появилась в 1970-х и 1980-х годах вследствие обращения исследователей к теории марксизма. Ее основные представители – Д. Харви и Э. Соджа – обратились к изучению человекоразмерной географии. Их подходы в изучении городской среды отличались синтетичностью, ориентацией на постмодернистские и постструктуралистские теории философии. Благодаря ученым появились новые отрасли – «культурная география» и «феминистская география».

Сегодня географов интересуют эволюция, морфология, пространственная структура и классификация городских районов. География имеет множество точек пересечения с культурной антропологией и городской социологией, о чем свидетельствуют новейшие публикации авторитетного журнала «Urban Geography»⁸⁷ и британского издания «Transactions of the Institute of British Geographers»⁸⁸.

История развития выше обозначенных научных направлений в изучении города демонстрирует схожие черты: начальный интерес к конкретным темам (городская территория, городское общество, человек и

⁸⁵ Tobler W. *Ma Vie: Growing Up in America and Europe*, in *Geographical Voices*, W. Pitts and P. Gould, eds., University of Syracuse Press; Syracuse, 2002. P. 292–322.

⁸⁶ Goodchild M.F. *Theoretical Geography: William Bunge*. In P. Hubbard, R. Kitchin, and G. Valentine. *Key Texts in Human Geography*. Los Angeles: SAGE, 2008. P. 9–16. URL: <http://www.geog.ucsb.edu/~good/papers/450.pdf>.

⁸⁷ Mathews V., Picton R.M. *Intoxifying gentrification: brew pubs and the geography of post-industrial heritage pages*. *Urban Geography*. 35 (3), 2014. P. 337–356. URL: <http://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/02723638.2014.887298>.

⁸⁸ Thrift N., French S. *The automatic production of space*. *Transactions of the Institute of British Geographers*, 27, 2002. P. 309–335. URL: www.dourish.com/classes/.../ThriftFrench-AutomaticProductionSpace.pdf.

культура в городе) сменился многообразием изучаемых феноменов и явлений города. Во всех подходах проявлено тяготение к синтетичности, расширению методологических возможностей, опора на философские идеи и т.д.

Все это свидетельствует о том, что городские исследования относятся к типу интегративного знания, сформировавшегося на пересечении различных социогуманитарных дисциплин. Данный факт выступает несомненным преимуществом для изучения пространства города, так как позволяет обращаться к методам и подходам различных дисциплин в решении исследовательских задач.

Обращая внимание на то, что в настоящем времени город воспринимается не только как физическая мерность или тип социальной организации, но и метафорическая сущность, связанная в единое целое с помощью символов и структур, наиболее эффективным его рассмотрение представляется с точки зрения социально-философского подхода. Город – это дискурс, который необходимо рассмотреть с разных точек зрения, осмыслить, понять; и у философии для этого есть все средства. Более того, социальная философия сегодня активно настроена на решение прикладных задач, что еще раз доказывает правомочность обращения именно к данному подходу.

Сторонница философского подхода в рассмотрении города Ш.М. Мэгхер указывает на то, что «общественные науки внесли большой вклад в анализ городских проблем, но только философия может и должна взять на себя главенствующую роль в истинном понимании процессов, протекающих в городе. Анализ тенденции городского развития, городская культура, наука, политика, социальные действия... нуждаются в философской рефлексии. Философия родилась в городе, и ей ли не знать, что он из себя представляет»⁸⁹.

⁸⁹ Meagher S.M. Philosophy and the city: classic to contemporary writings. State University of New York Press, 2008. URL: <http://www.philosophyandthecity.org/coursematerials/exercisesandresources.html>.

Социально-философский подход, направленный главным образом на осмысление городского пространства, апеллирует разнообразными концепциями и методами, помогая найти наиболее верный курс.

Социально-философский подход в исследовании городского пространства

Проблема изучения пространства конкретного города может быть решена в рамках актуальных социально-философских теорий постмодернизма. Данное утверждение может быть обосновано через сравнение двух парадигм: модернизма и постмодернизма.

Представленное в статье Ю. Хабермаса⁹⁰ понятие «модерн» трактуется как «сознание эпохи», осмысливающее и признающее себя соответствующим обновляющемуся «духу времени». Это значит, что модернизм был изначально наполнен темпоральной логикой, в нем прослеживалась идея прогресса, движения к определенной точке саморазвития. Постмодернизм же поставил данные принципы под сомнение. Фундаментом, на котором возникло данное течение мысли, выступали пространственные воззрения. «...Сегодня, пожалуй, скорее пространство, чем время, оказывается тем, в чём таятся для нас причины происходящего, а «сотворенная география» даёт нам основную часть свидетельств насчёт и мира повседневности, и мира теорий. Таков обет географий эпохи постмодерна»⁹¹.

Поглотив модерн, постмодерн проявился в умонастроении, в стиле жизни, в системах идей, в пространственной композиции современного города. Даже язык философии подвергся пространственным изменениям: возникло новое, географическое восприятие мира и осмысление его, появилась архитектурность мысли. Пространственное охватило человеческую жизнь и культуру: «...В нашей повседневной жизни, нашем психологическом опыте, наших культурных языках сегодня доминируют

⁹⁰ Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне / пер. с нем. М.М. Беляева и др. М.: Весь мир, 2003. URL: <http://lib.co.ua/philosophy/habermasyrgen/filosofskiydiskursomoderne.fine.jsp#1>.

⁹¹ Soja E. Postmodern Geographies: The Reassertion of Space in Critical Social Theory. L., NY., 1989. 266 p.

скорее категории пространства, чем времени, как это было в предшествующий период модернизма»⁹².

Современный город – это постмодернистическое пространство. В его архитектурной застройке прослеживаются как регулярная градостроительная сетка плана, так и наполняющая его фрагменты спонтанная архитектура. Современный город создает впечатление одновременного контраста и органичности.

У исследователей городского пространства есть разное понимание значений постмодернизма. Например, Ф. Кук, обращаясь к сравнению модерна и постмодерна в городе,⁹³ обнаруживает критическую позицию. По мнению ученого, модерн обладал собственной «пространственной парадигмой». В данную эпоху было сформировано особое социоэкономическое пространство города, проявляющее в себе знаки рыночных императивов. Целые кварталы, отдельные здания отразили в своем облике стремление выравнивания социальных страт, возвышение квалифицированного рабочего класса. Городское пространство модернизма характеризовалось, во-первых, достаточно равномерным прохождением модернизационных перемен на разных территориях города: в его центре, на окраинах. Во-вторых, курсом уравнивания доходов различных классов и регионов. В-третьих, развитием экономики, ориентированной на «коллективное потребление».

Постмодернизм в городе проявил себя, прежде всего, в качестве идеологии и в виде суммы практик пространственных преобразований. Его импульсом выступили процессы возвышения частной собственности в вопросах культурного и социального обеспечения города над общественным решением. Особенности социопространственной формы постмодернизма выступили:

⁹² Jameson F. Postmodernism, or The Cultural Logic of Late Capitalism. Durham, NC, 1991. P. 155.

⁹³ Кук Ф. Модерн, постмодерн и город / пер. с англ. Н. Эдельмана. Логос, 2002, № 3–4. URL: <http://magazines.russ.ru/logos/2002/3/kuk.html>.

- Неравномерность постмодернистических перемен в разных частях городского пространства.
- Очевидное расслоение классов и регионов по уровню доходов.
- Курс экономики разнообразия, ориентированной на индивидуального потребителя.
- Ненадежность и ограничения рынка труда (неполная занятость, неофициальный заработок и т.д.).

В качестве модели для описания постмодернизма Кук предложил обратиться к форме песочных часов, в которой можно усмотреть расширяющийся класс служащих, столь же широкий класс безработных или низкооплачиваемых трудящихся и очень узкий рабочий класс между ними.

В представлении ученого, модернизм и постмодернизм являются крайними противоположностями. Первый можно рассматривать как выражение культурного сознания и саморазвития личности в архитектурной застройке городского пространства, второй – как деформированную разновидность модернизма – сверхпотребительскую форму культуры, которая выражается в создании изолированных от города пространственных структур, четком разграничении комфортабельного элитного жилья и старых, разрушающихся зданий. В качестве вывода Ф. Кук заключает, что постмодернизм в пространстве города – это сам город, претерпевающий процессы деградации. Данное воззрение характерно для многих мыслителей-урбанистов.

Однако новые социально-философские концепции в исследовании города демонстрируют неизбежный переход от модернизма к постмодернизму. Если в модернизме приоритетными были теории, направленные на изучение причинно-следственных связей в городе, его структуры (циклической, стадийной) и ориентация на усовершенствование города (классические социологи города: Г. Зиммель, М. Вебер, Р. Парк, Э. Берджесс), то в постмодернизме универсальность концепций и их идеологический настрой отрицается, выявляется необходимость синтетических

подходов, рассматривающих разнообразные формы исследования как достойные внимания.

Рассмотрение свежих публикаций, посвященных городам и городским пространствам, выявило тот факт, что во всех современных исследованиях (кроме, наверное, теории интегрального города⁹⁴) ученые опираются на теоретические труды сорокалетней давности. Начиная с 1970-х годов в Америке и Европе появились концепции, которые оказались самыми востребованными и, более того, эффективными в изучении городских пространств: *теории глобальных городов, концепции городов-бунтарей, теории городской плоти, подходы производства пространства*. Данные названия групп условны и связаны с авторскими названиями книг. Возможность их систематизации связана с близкими идеями или концептуальными положениями авторов и общим эмоциональным настроем по отношению к будущему городов.

1. *Теории глобальных городов* обозначены в трудах С. Сассен⁹⁵, Э. Мандьета⁹⁶. Данные авторы уверены, что город перестает быть связанным с государством, он обособливается от его территории за счет развития информационного общества. В глобальных городах пространство мест замещается пространством потоков, а наиболее значимыми становятся центры потребления. Центры производства, напротив, перестают развиваться и привлекать к себе интерес. Глобальные города – это явления современного мира, поэтому многим городам лучше существовать автономно, без границ и без государств.

Данная теория интересна для ознакомления с общим направлением зарубежных городских исследований, но не более. Под характеристики глобального города в России попадает только Москва. Остальные же

⁹⁴ Веб-сайт интегрального городского развития М. Хэмилтон. URL: www.integralcity.com.

⁹⁵ Sassen S. *The Global City: New York, London, Tokyo* (Princeton: Princeton University Press, 1991).

⁹⁶ Mendieta E. *Invisible cities. A phenomenology of globalization from below*. CITY, 5 (1), 2001. P. 8–26. URL: <http://www.kas.de/upload/dokumente/megacities/megacities1/allgemein/mendietal.pdf>.

проявляют тесную связь с государством и концентрируются на поиске культурного и исторического своеобразия.

2. *Концепции городов-бунтарей*. К ним относятся работы Норберга-Шульца⁹⁷, С. Бикфорд⁹⁸, Д. Харви⁹⁹, близки воззрения М. Дэвиса¹⁰⁰. В программной книге «Города-бунтари: от права на город к урбанистической революции»¹⁰¹ нью-йоркский профессор Д. Харви исследует весьма актуальную для современности тему «городских восстаний». По его мнению, природа данных явлений, вне зависимости от города, всегда заключается в недовольстве людей условиями жизни и окружающим пространством, пренебрежением отдельных сообществ. Харви уверен, город выступает местом классовой борьбы и итоговой целью противостояния, которую хотят заполучить в свои руки восставшие классы.

Причиной бунта выступают современные процессы накопления капитала. Идеалом всегда выступал город, принадлежащий людям, город, комфортный для жизни, работы и творчества. Однако современный город не может принадлежать горожанам, обладание пространством концентрируется в руках небольшой группы людей-олигархов, обладающих большим капиталом и частной собственностью. Горожане оказываются отстраненными и отчужденными от городских благ, они не могут влиять на происходящие в нем процессы планировки и застройки пространства. Облик городов коммерциализируется, строится то, что может приносить деньги. С приходом инвестиций культурные особенности и исторические памятники перекрываются новыми постройками, теряя возможность полноценно функционировать в пространстве. Происходит «диснеефикация».

⁹⁷ Норберг-Шульц К. Жизнь имеет место // Архитектон: известия вузов. 2012. № 39. URL: http://archvuz.ru/2012_33/16.

⁹⁸ Bickford S. 'Constructing Inequality: City Spaces and the Architecture of Citizenship'. Political Theory. 2000. P. 355–376.

⁹⁹ Харви Д. Право на город. Международный журнал городских и региональных исследований. 2003. 27 (4). P. 939–941.

¹⁰⁰ Дэвис М. Планета трущоб // Логос. 2008. №. 3. С. 66. URL: http://www.intelros.ru/pdf/logos_03_2008/06.pdf.

¹⁰¹ Harvey D. Rebel cities: from the right to the city to the urban revolution. Verso. 208 p.

Поэтому исследователь поддерживает «право на город» – требование, выражающее сопротивление горожан капиталу, требование, напрямую связанное с качеством жизни людей. Это право на сохранение культурной уникальности города, его культурного пространства, а, соответственно, и право на уникальное самосознание. Ведь от того, каким будет город, зависит то, какими будут ценности его горожан, каким будет их поведение.

Данные работы являются базовыми для изучения городской сегрегации, но несмотря на то, что они представляют огромную ценность для современной урбанистики, в настоящем исследовании использоваться не будут.

3. *Теории городской плоти*. В статье «Городская плоть»¹⁰² профессор философии Университета им. Дж. Вашингтона Г. Вэйс рассматривает город с точки зрения философии феминизма и феноменологии. По ее мнению, два подхода взаимосвязаны и всегда соприкасаются, утверждая примат жизненного опыта и пытаясь выявить его скрытые предпосылки. Город, по ее мнению, выступает великолепным примером богатейшей «фабрики значений». Город производит множество значений, которые человек способен выявить в его архитектурной плоти. Например, американские города в своем теле демонстрируют бинарную связь «либерального и оппозиционного», они порождают и сами же опровергают идеи расизма, нетрадиционной сексуальной ориентации, политической индифферентности и т.д.

Феминистская философия представляет собой весьма ценный инструмент в анализе городской плоти, она предлагает всестороннее описание данного явления, заставляя нас задуматься о феноменах современных социальных и политических проблем. В этом есть несомненная близость социальному конструктивизму, который наиболее ярко представлен в следующих концепциях.

¹⁰² Gail Weiss *Urban Flesh: The Fragility of Dwelling Philosophy and the City: Classic to Contemporary Writings*. Ed. Sharon M. Meagher. SUNY Press, 2008. P. 225–230.

4. *Концепции производства пространства* французского и американского философов А. Лефевра и Э. Соджи. Так как воззрения данных мыслителей идейно близки авторской позиции, остановимся на их рассмотрении более подробно.

Самой значительной работой А. Лефевра является написанный им в 1974 году труд «Производство пространства»¹⁰³. Здесь ученый акцентировал внимание на том, что пространство – это не столько физическое явление, сколько культурное, не появившееся вдруг и получившее после этого устойчивые неизменные черты и характеристики, а вновь и вновь создаваемое людьми, подверженное многочисленным изменениям в процессе своего экономического и культурного функционирования. Своеобразной организацией данного пространства у А. Лефевра рассматривается город.

«В истории и в обществе нет ничего, что не было бы приобретено и произведено. Сама «природа», какой она предстает органам чувств в общественной жизни, модифицируется, то есть производится. Люди производят юридические, политические, религиозные, художественные, философские и идеологические формы. Следовательно, производство в широком значении включает в себя многочисленные творения и различные формы, даже если эти формы не несут на себе клейма производителя или производственного процесса»¹⁰⁴. Как существа общественные люди формируют свою жизнь, окружающий мир и особое отношение к этому миру, то есть пространство вокруг себя.

Учитывая положения и идеи марксизма, но несколько их переосмысливая и дорабатывая, Лефевр приходит к мнению, что любое производство пространства содержит в себе определенный набор пространственных практик, совмещающий типы распределения капитала, человеческих ресурсов, а также способы организации в пространстве какого-либо места или населенного пункта личной и общественной жизни.

¹⁰³ Лефевр А. Социальное пространство // Неприкосновенный запас. 2010. № 2 (70). С. 3–14. URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2010/2/le1.html>.

¹⁰⁴ Там же. С. 3–14.

Обусловленные различными факторами общественного развития пространственные практики могут меняться или менять при этом сами факторы.

Помимо производства пространства, ученый обращает внимание на понятие «репрезентации пространства», того, каким образом и в каких формах оно может себя представлять. Репрезентация пространства, по мнению А. Лефевра, воплощается посредством образного языка знаков и символов. Подобную кодификацию окружающего социум пространства разрабатывают и воплощают в жизнь профессионалы, владеющие этим языком (культурным кодом), – архитекторы, планировщики, скульпторы, художники, ученые. Затем эти коды начинают считывать все остальные, и репрезентация начинает воплощаться уже посредством восприятия этих созданных знаков и символов обывателями, повседневная жизнь которых неотъемлемо связана с этим сконструированным пространством. Лефевр даже определил пейзаж городской улицы как «социальный текст», в котором заключена подробная информация о социуме, взаимодействующем с этим пространством.

И производство, и репрезентацию соединяет и синтезирует в себе, собственно говоря, само пространство – репрезентированное и представленное в качестве естественной среды обитания социума, пространства повседневности, но на самом деле, произведенное и созданное через культурные практики и знаковую работу специалистов.

Получившаяся трилогия (производство – репрезентация – пространство) у А. Лефевра получает дальнейшее развитие. Исследователь пишет, что все три составляющие сильно взаимообусловлены и взаимосвязаны, и зачастую переходят друг в друга. «Пространство – результат последовательности или комплекса операций, оно несводимо к простому объекту. Являясь результатом действий, совершенных в прошлом, оно само позволяет действиям происходить, побуждая их или запрещая. Среди этих действий одни связаны с производством, другие – с

потреблением, то есть с использованием результатов производства. Социальное пространство включает в себе многообразие знаний»¹⁰⁵.

Так, репрезентация сконструированного пространства становится для рядовых жителей своего рода производством этого пространства. Говорить о наличии пространства, не воспринимая его в качестве представленного нечто, – не имеет смысла. Только в процессе своего восприятия и приятия пространство обретает статус своего существования, становится обозначенным и наполненным. Этот процесс разворачивается следующим образом: вначале индивид становится реципиентом, воспринимающим представленное ему пространство посредством органов чувств. Он наблюдает, прислушивается к нему, чувствует его запах, устанавливает тактильную связь, начинает ощущать его присутствие. Затем он начинает осмысливать свои чувства, пытаться понять значение увиденных им знаков и символов. Проводя своеобразную рефлексию над воспринятым, он выстраивает в голове определенные умозаключения. Пространство наполняется неким смыслом, становится определенного рода понятием для человека. Далее, он начинает непосредственно проживать пространство, чувствовать себя неотъемлемой его частью, а пространство частью себя. Однако в этом процессе нельзя усмотреть последовательное развитие линейного типа. Процесс производства пространства скорее замкнут и образует циклическую структуру, так как вовсе не значит, что проживание пространства – это закономерный итог. Ведь в зависимости от многочисленных условий может меняться восприятие пространства и его ощущение. На одно и то же место человек в отдельности или социум в целом могут смотреть по-разному в разные моменты своей жизни, неоднозначно понимать и воспринимать знаки и коды, в нем зашифрованные. Поэтому производство пространства: восприятие – осмысление – проживание (the

¹⁰⁵ Лефевр А. Социальное пространство // Неприкосновенный запас. 2010. № 2 (70). С. 3–14. URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2010/2/le1.html>.

perceived – conceived – lived spaces) – процесс достаточно динамичный и изменчивый.

Обращаясь к новым способам производства, профессионалы создают и новые типы пространства, заключающие в себе основанный на старом новый преобразованный пространственный код. Этот код устанавливает новую знаковую систему в пространстве, новый язык, новые правила его восприятия. Приводя в пример знаменитые итальянские города – Венецию и Тоскану, полевые исследования в которых он проводил совместно с учениками (Д. Галеви, Л. Шевалье и Р. Дюмоном), А. Лефевр отмечает, что они полностью отражали в своем устройстве все самые важные изменения, происходившие в экономике и культуре. Так, при смене феодальной системы ранним торговым капитализмом средневековая Тоскана превратилась в ренессансный город, значительно сменив облик своего пространства. Изменилась планировка городских улиц, появились новые типы зданий, значительно изменился их внешний и внутренний вид, появились новые районы, некоторые, напротив, навсегда исчезли с карты Тосканы. В совокупности все эти знаки породили новый пространственный код города, который могли считывать как жители Тосканы, так и приезжие из других регионов граждане. «На всех уровнях – от частных жилищ до монументальных сооружений Тосканы, от «приватных» сфер до ее территории как целого – элементы этого пространства были размещены и ранжированы в манере, которая была одновременно знакомой и поражающей воображение, так что даже еще в двадцатом столетии последняя не потеряла своей привлекательности. Ясно поэтому, что пространственный код – это не просто способ чтения и интерпретации пространства, это скорее способ жизни в этом пространстве и также способ производства его»¹⁰⁶.

Помимо «производства пространства» А. Лефевр особое значение придает и категории «места». Посредством нее, отмечает исследователь,

¹⁰⁶ Лефевр А. Социальное пространство // Неприкосновенный запас. 2010. № 2 (70). С. 3–14. URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2010/2/le1.html>. Там же.

возможно осмыслить проблемы и решить задачи, которые стоят перед культурным географом – проблемы смыслообразования «места», «аутентичности» и «репрезентирования» в пространстве. Данная категория дает также инструментарий, необходимый для анализа актуальных экономических и культурных пространств, позволяя получать информацию о том, чьи именно интересы учитываются при создании культурного ландшафта, будь то город в целом, его отдельный район, конкретное здание или памятник, какая используется система репрезентации, посредством каких знаков и кодов это происходит.

Последователь А. Лефевра и его коллега – американский культурный географ Э. Соджа – в своих научных трудах также постулировал идею «производства пространства» города. Самой значительной и выдающейся работой ученого стала монография «Постмодерные географии: восстановление пространства в критической социальной теории», опубликованная в конце 1980-х годов. В ней он неоднократно заявляет о важности пространственного мышления в гуманитарных и социальных науках и призывает к тому, чтобы заново пересмотреть работы А. Лефевра, которого многие стали критиковать (В. Ледюк, Ж.-П. Вернант, Х. Пармелин, Э. Пигнон и др.). Даже описывая свое время, он оперирует понятиями пространства, говоря о том, что современная эпоха – эпоха одновременности, эпоха близкого и далекого соседства, рассеивания и рассредоточивания нашей жизни¹⁰⁷.

В своей работе Э. Соджа рассматривает и внимательно изучает особенности производства пространства, приводя многочисленные примеры из истории развития поселков и городов. Время капитализма, например, исследователь называет неравномерной дисгармоничной эпохой для городов и стран или же «неравномерно развернутой пространственностью», создающей рассогласованность экономически развитых и отсталых регионов.

¹⁰⁷ Soja E.. Postmodern Geographies: The Reassertion of Space in Critical Social Theory. L., N. Y.: Verso, 1989. P. 17. URL: <http://isites.harvard.edu/fs/docs/icb.topic844613.files/week2/soja%20-%20postmodern%20geographies.pdf>.

Это несколько болезненное состояние пространства, его развитие подобно спазмам и судорогам, так как для нормального своего развития, считает Э. Соджа, необходимо учитывать и отсталые в экономическом и культурном плане регионы, ибо в них также задействованы необходимые им экономические составляющие – рабочая сила и рынки сбыта.

Вслед за А. Лефевром, Э. Соджа показывает то, как в связи с распределением экономических ресурсов меняется географический облик городов, как неравномерное развитие капитала сказывается на качестве формирования пространственных кодов и их содержания. Для этого он берет типы городов, сформированные на протяжении всей истории: раннекапиталистический город, рыночно-индустриальный город и город корпоративно-монополистический. В них он находит и подробно анализирует специфические схемы распределения капитала, материального достатка и бедности, жилого и производственного секторов, придя к выводу о сильной их взаимозависимости.

Он выводит заключение, что совершенно очевидно – план города и его визуальный облик напрямую связаны с классовым, этническим, религиозным и прочим составом его жителей, с его так называемой «спатIALIZацией» (дословно «опространивание» – форма пространства, в которой объективируется социальное бытие). В то же время все классы, этнические группы и религиозные общины также подвержены влиянию городской среды, занимая в ней конкретное место. То есть они влияют на конструирование пространства, а оно на них.

От восприятия той или иной группой населения того, является ли благоприятным или неблагоприятным это пространство, зависит его облик и его стоимость. «Все больше затрат уходит на формирование «хорошего» и «безопасного» пространства в условиях города, пространство становится

дорогим»¹⁰⁸. Поэтому очевидно, что пространство города становится еще одной причиной социального расслоения.

Уделяя огромное внимание зависимостям, существующим в городских пространствах, Э. Соджа не столь внимателен к культурным практикам производства пространства. Напрямую они не рассматриваются, но основания для их анализа в его работе, несомненно, есть.

Помимо особенностей производства пространства, важным в культурной географии А. Лефевра и Э. Соджа является вопрос «двоичной конструкции пространства, включающей реальное и воображаемое пространство». «Воображаемое» пространство содержит в себе ментальные, концептуальные, субъективные характеристики; реальное – характеристики физического, материального, объективного мира. Э. Соджа отмечает, что пространства нельзя считать только реальными или только воображаемыми, они всегда «реальные-и-воображаемые» и даже больше. «Люди живут и работают одновременно в конкретном пространстве и в абстрактной конструкции общества. Поэтому будет неправильно отрицать постмодернизм как подход, существующий по нашему выбору. Он представляет собой совокупность условий, которые затрагивают практически все аспекты жизни современного человека. Поэтому постмодернизм вносит изменения не только во время и пространство, но и в наше восприятие мира». Также он усматривает существование совместно с реальным и воображаемым третьего пространства, которое не просто синтезирует в себе качества и характеристики первого и второго, но и является пространством Другого, взаимосвязанным и взаимозависимым с «реальным-и-воображаемым».

Трехсоставная конструкция социокультурного пространства города, с одной стороны, говорит о сложности данного феномена, с другой – позволяет в зависимости от задач исследования сконцентрироваться на какой-либо одной из его составляющих. Для гуманитарных наук подход А.

¹⁰⁸ Soja E. Postmodern Geographies: The Reassertion of Space in Critical Social Theory. L., N. Y.: Verso, 1989. P. 97. URL: <http://isites.harvard.edu/fs/docs/icb.topic844613.files/week2/soja%20-%20postmodern%20geographies.pdf>.

Лефевра и Э. Соджи очень важен. Особенно если дело касается исследования пространства конкретного города либо другого населенного пункта и конкретных их символических значений. Здесь применение «двойной иллюзии» будет достаточно эффективным, так как учитывая и реальное, и воображаемое пространства, выстраивается концептуальное пространство жизни социума.

Таким образом, можно отметить схожесть основных положений трактовок городского пространства в трудах А. Лефевра и Э. Соджи, которые предполагают, что пространство воспроизводимо людьми и его конструкция подвержена изменениям. Придерживаясь схожего мнения, мы считаем возможным апеллировать к данным теориям в качестве методологической базы настоящего исследования пространства города Красноярска.

Основные выводы:

1. На сегодняшний день изучение пространства является одним из наиболее перспективных и востребованных направлений городских исследований. Однако обращение к пространственному рассмотрению российского города вызывает ряд проблем: Что следует понимать под городским пространством? В чем оно проявляется? Их разрешение возможно через определение исследовательской концепции, в рамках которой будет возможно ответить на данные вопросы.

2. Обращение к зарубежным концепциям и теориям города позволило выявить основополагающие исследовательские дисциплинарные направления, работающие с городской проблематикой: географическое, социологическое, культурно-антропологическое, политологическое, искусствоведческое. Их рассмотрение позволило сделать вывод, что в ходе своего развития данные научные подходы постепенно преодолевали изначальную односторонность в исследованиях (где география изучала территорию и ландшафт, социология – городские сообщества, а культурная антропология – ценности человека), переходя к исследованию

многообразных городских феноменов и явлений, существующих на стыке дисциплин. Сегодня для них характерны: тяготение к синтетичности, расширение методологических возможностей, опора на актуальные философские воззрения и т.д.

3. Интегративность городских исследований обращает к социально-философскому подходу, в котором обращение к разнообразным концепциям и методам позволяет осмыслить городское пространство и его уникальные составляющие. Проблема изучения пространства конкретного города может быть решена в рамках актуальных социально-философских теорий постмодернизма. Данное утверждение было обосновано через сравнение двух парадигм: модернизма и постмодернизма, – где первая опирается на темпоральную логику, вторая порождает пространственное мышление.

4. В настоящем исследовании было предложено систематизировать передовые социально-философские концепции постмодернизма на: *теории глобальных городов, концепции городов-бунтарей, теории городской плотности, подходы производства пространства*. Возможность систематизации связана с близкими идеями или концептуальными положениями авторов и общим видением тенденций развития городского пространства.

5. В обозначенном ряду концепций *подход производства пространства* оказался наиболее близким авторской позиции, так как в трудах его представителей содержатся ответы на некоторые из исследовательских вопросов. Так, было выявлено, что городское пространство – это, прежде всего, социокультурное образование, которое постоянно выстраивается людьми и в процессе своего функционирования претерпевает разного рода трансформации. Его характеристиками выступают: сконструированность природы и конструктивный потенциал, процессуальность и изменчивость, иерархичность, образность, знаковость и символичность. Последние характеристики проявляются в репрезентации городского пространства через конкретные формы (архитектура, скульптурные композиции и памятники и т.д.). Культурный механизм

производства пространства города раскрывается через триаду «восприятие – осмысление – проживание» – не просто как способ наблюдения и интерпретации пространства, а способ жизни в нем.

Еще одной важной характеристикой выступает двоичность конструкции пространства, выстраивающая концептуальное пространство жизни городского общества. Она включает реальное и воображаемое пространства. Первое проявляется в чертах физического, материального, объективного мира, второе содержит в себе ментальные, субъективные характеристики людей, связанных с этим пространством.

В «Постметрополисе»¹⁰⁹ Э. Соджа написал, что современность – это период наихудший и одновременно наилучший для изучения городов. Мы оказались лицом к лицу с новыми, весьма сложными тенденциями их развития, очень трудно понять то, каким способом теоретически и практически осмыслить создаваемые нами городские пространства. Соджа указывает путь для их преодоления – остановиться и заново взглянуть на теоретические концепции и традиции, выработанные ранее, и попытаться обнаружить в них эффективные методологические стратегии. В данном диссертационном исследовании в качестве основополагающих выбраны концепции А. Лефевра и Э. Соджи. По мнению диссертанта, именно в рамках их учений возможно выстроить методологическую стратегию и осуществить прикладное исследование конкретного городского социокультурного пространства.

¹⁰⁹ Soja E.W. Postmetropolis. Critical Studies of Cities and Regions. Oxford, 2000. P. 397.

ГЛАВА 2. СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА ГОРОДА КРАСНОЯРСКА

Изучать пространство конкретного российского города можно как с позиций определенных узконаправленных исследований (социологических, географических, искусствоведческих и т.п.), так и междисциплинарных – социально-философских. Вторая глава настоящего исследования посвящена анализу пространственной среды г. Красноярска через ее репрезентанты – ключевые произведения архитектуры. Посредством использования социально-философского анализа выявляется образ города Красноярска, воплощенный в символических и культурных кодах – архитектурных произведениях, – влияющих на формирование представлений и действий горожан, конструирующих определенный городской образ жизни. Итогом данной части исследования выступит сравнение образов исторического и современного города с особым вниманием к выявлению специфики актуального пространства краевого центра и прогнозу его дальнейшего развития.

2.1. Методологические позиции урбанистической антропологии

Содержание данного параграфа определяется решением сложной задачи, решение которой подразумевает ряд этапов. Во-первых, необходимо обратиться к рассмотрению методов, используемых для изучения городского пространства с точки зрения двойственности его природы (искусственно произведенной), во-вторых, видится должным выстроить собственную методологическую стратегию исследования городского пространства. В-третьих, рассмотреть существующий опыт современных исследований городских пространств, проводимых за рубежом и в России, для подтверждения правильности выбранного методологического инструментария.

В предыдущей главе было выявлено, что городское пространство одновременно выступает и материальной средой обитания человека, и абстрактным конструктом его сознания. Его сущность представляется двоичной, реально-иллюзорной, чувственно-сверхчувственной. Специфику пространства конкретного города, по мнению А. Лефевра, можно определить, обратившись к рассмотрению его производства и репрезентации. Причем, если производство является процессом достаточно сложным для наблюдения и анализа, то с его продуктами (репрезентантами) дело обстоит куда проще.

Репрезентация как промежуточный элемент производства и потребления пространства в снятом виде содержит в себе всю основную информацию о крайних точках лефеврской триады. Вследствие этого наиболее эффективным путем познания пространства, на наш взгляд, выступает исследование именно его репрезентантов.

Понятие «репрезентация» предполагает существование разных значений и трактовок. Так, в английском языке глагол «to represent»¹¹⁰ означает «располагать перед», что позволяет сделать предположение о понимании репрезентации как о постановке и наблюдении некой противоположающей вещи. Французское слово «representatif» переводится на русский язык как «характерный», «показательный», «представление», то есть как некое явление сущности оригинала-первообраза, учитывающее его основные свойства и характеристики.

Репрезентация или «ре-презентация» может быть рассмотрена как нечто, замещающее оригинал, делающее его доступным для понимания, разъясняющее, воспроизводящее представление. То есть можно сказать, что данный термин употребим в том случае, когда дается информация о целом через посредника-представителя, который связан с этим целым причинными связями. Как отмечают исследователи В.И. Жуковский и Н.П. Копцева,

¹¹⁰ Websters Desk Dictionary of the English language. New-York: Portland House, 1990. P. 1078.

«репрезентация является способом освоения человеком сверхчувственного мира посредством оперирования чувственным материалом»¹¹¹.

В качестве эталонных репрезентантов, сочетающих в материальном воплощении чувственно-явленную сущность, ряд исследователей (М.А. Лифшиц, Э.В. Ильенков, А.Я. Пономарев, А.В. Соколов, В.И. Жуковский¹¹², Н.П. Копцева и т.д.) видит произведения искусства. Поэтому социально-философский анализ городского пространства будет базироваться на рассмотрении его репрезентантов – произведений архитектуры. Именно от них, по мнению диссертанта, во многом зависит специфика городского пространства, в котором можно обнаружить как универсальные закономерности, так и значительное своеобразие рассматриваемой среды.

Система городской репрезентации достаточна сложна. Уже А. Лефевр упоминал, что ее можно рассматривать как своего рода текст. Восприятие репрезентантов города сопряжено со столкновением человека с множеством разнообразных сообщений, транслируемых архитектурными сооружениями, памятниками, улицами, скверами и прочими объектами городской среды. Репрезентанты городского пространства повествуют о картине мира его жителей, отражая в своем облике доминирующие концепты, образы и оценки, и при этом позволяют создавать новое видение мира, новые образы и оценки. Именно репрезентанты ответственны за создание воображаемого наполнения пространства. З.И. Резанова, например, пишет, что архитектурные сооружения всегда наделяются статусом языковых средств и выступают материальными носителями мифов, которые влияют на построение текста города¹¹³. Архитектурная застройка обладает смысловым содержанием, это определенного рода текстовый материал¹¹⁴, информационная система, представленная в предметной реальности.

¹¹¹ Жуковский В.И., Копцева Н.П. Пропозиции теории изобразительного искусства: Учебное пособие. Краснояр. гос. ун-т. Красноярск, 2004. С. 26.

¹¹² Жуковский В.И. Теория изобразительного искусства: тексты лекций. Ч. 1. Красноярск: Краснояр. гос. ун-т, 2004. С.6.

¹¹³ Резанова З.И. Семиотическая репрезентация национально-культурной идентичности в тексте города // Вестник Томского государственного университета. № 3(7), 2012. С. 19.

¹¹⁴ Пирогов С.В. Социология города. Томск. 2003. С. 57.

Таким образом, город можно «читать», осуществлять «прогулку по тексту»¹¹⁵, погружаться в его письмена, интерпретировать его содержание. И подобная интерпретация может осуществляться с различных позиций, с нескольких разнообразных точек зрения¹¹⁶. Констатация данного факта требует выработки собственной методологической стратегии прочитывания текста городского пространства, стратегии, которую возможно применить на практике.

2.1.1. Методологическая стратегия исследования городского пространства

Понятие «методологическая стратегия», введенное в научный оборот исследователем А.А. Семеновой¹¹⁷, и успешно примененное в ряде других гуманитарных исследований (Н.М. Либаковой, К.В. Резниковой, В.С. Лузаном, Н.Н. Середкиной и др.) подразумевает под собой схему действий, которая будет эффективна при достижении цели исследования. Это процесс обращения к специально отобраным междисциплинарным методам и подходам. Продуктивность использования методологической стратегии во многом определяется возможностью увидеть новые грани предмета исследования или по-иному подойти к работе с методами.

Исследование городского пространства может быть осуществлено благодаря правильному выбору рабочего инструментария. Предельно обобщая, можно говорить о трех типах методов городского исследования: *теоретических, прикладных и синтетических.*

Теоретические методы изучения городского пространства связаны с обобщением и систематизацией научных идей социологов, географов, философов и т.д., повлиявших на формирование современной урбанологии.

¹¹⁵ Барт Р. Избранные работы : Семиотика. Поэтика / пер. с фр. ; сост., общ. ред. и вступ.ст. Г.К. Косикова. М.: Прогресс, 1989. 616 с.

¹¹⁶ Пирогов С.В. Феноменологическая социология и урбанистика // Вестник Томского государственного университета. Серия «Философия. Культурология. Филология». 2004. № 282. С.97–103.

¹¹⁷ Семенова А.А. Модификация древнерусского концепта «государство» в российской культуре XXI века (методологический аспект) : дис. ... канд. филос. наук : 24.00.01. Великий Новгород, 2009. 198 с.

Данные методы ориентированы преимущественно на выработку категориального аппарата учения о городе, направлены на определение объекта и предмета изучения, постановку исследовательских задач, формулировку гипотез, разработку научных концепций. Исследовательский поиск осуществляется путем публикации научных статей и через участие в научных дискуссиях. Апофеозом применения теоретических методов является разработка теории города с четким и логичным изложением мыслей ученого.

Построение учения о городе представляется очень важным для развития научного знания, однако стоит отметить, что сегодня теоретические открытия значительно уступают прикладным исследованиям как по своему количеству, так и по придаваемому им значению.

Прикладные методы в городских исследованиях задействуются для сбора конкретной информации и ее использования для внесения возможных корректив в реальное состояние городского пространства. Практические методы позволяют изучить город в конкретике его качеств и свойств, а также спрогнозировать дальнейшее его развитие. В городских исследованиях данные методы очень часто опираются на методологию смежных научных дисциплин.

1) Так, например, активно используемыми в городских исследованиях выступают методы социологического исследования – *анкетирование* и *интервью*¹¹⁸. Стандартный социологический опрос предполагает несколько этапов: 1) постановку цели исследования, составление вопросов с вариантами ответов и системы выборки; 2) пилотный опрос ограниченного количества человек (около 20 респондентов); 3) масштабное проведение анкетирования; 4) обработку данных, полученных в результате исследования, и грамотное построение выводов¹¹⁹. В отличие от анкетирования, интервью является целенаправленной беседой, обменом

¹¹⁸ Линч К. Образ города / пер. с англ. В.Л. Глазычева. М.: Стройиздат, 1982. С. 113.

¹¹⁹ Ядов В.А. Стратегия социологического исследования. М.: Омега-Л, 2007. 568 с.

взглядами между собеседниками (интервьюером и респондентом) по интересующей теме. Интервью менее формализовано и предполагает получение более качественной информации от небольшого количества человек.

Данные методы предполагают изучение города через призму мнений его жителей, через их пользовательскую оценку качества городского пространства.

2) Близким к социологическим методам является *go-along* – метод изучения восприятия жителями города путем их пешего передвижения в его пространстве¹²⁰. Данный метод заключается в том, что исследователь вместе с респондентом совершает движение по городу и задает вопросы о том, куда они идут и почему, что видит респондент, как ощущает себя в том или ином месте городской среды. Во время передвижения по городу восприятие пространства обостряется, вскрываются эмоции респондента, его реакция на город и чувства к нему.

3) Анализ восприятия городской среды человеком осуществляется также методом *ментального картирования*. Данный метод предполагает большую самостоятельность респондента, нежели предыдущий. Человек самостоятельно, по памяти, рисует карту той или иной части городского пространства. Изучая ее, исследователь может понять, какие объекты городского пространства являются более значимыми для жителей, где они чаще всего расположены, а какие места являются «пустыми»¹²¹.

Методом ментального картирования можно изучать своеобразие восприятия городского пространства разными группами людей (разных возрастных категорий, пола, этноса, статуса и т.д.) или фиксировать изменения восприятия пространства во времени путем лонгитюдного анализа.

¹²⁰ Kusenbach M. Street phenomenology : the go-along as ethnographic research tool // *Ethnography*. 2003. Vol. 4. № 4. P.455–485.

¹²¹ Tuan Y. Images and mental maps // *Annals of the Association of American Geographers*. 1975. Vol. 65 № 2. P. 205–213.

4) *Морфологический анализ*, напротив, направлен на изучение предметного мира городского пространства. Он включает в себя три основных этапа: определение объекта изучения; сбор фактического материала о выбранном объекте через натурное обследование и фотофиксацию; его систематизацию с построением графической модели¹²². Морфологический анализ позволяет выявить функциональные зоны в городской среде и сделать выводы о качестве организации пространства. Как отмечает исследователь М.В. Рагулина, морфологический метод позволяет создать пространственный «портрет»¹²³ города, максимально воспроизвести его существенные черты. В отличие от приведенных выше способов изучения городской среды, морфологический анализ претендует на роль более объективного метода.

5) Все большую популярность в последнее время приобретают методы *визуальной антропологии* и *социологии*, прежде всего, направленные на изучение и осмысление визуального образа предмета исследования. Исторически образы городов складывались еще задолго до современности. Внешний облик, который создавался архитектурой, и внутренние отношения в городском обществе различались не только в зависимости от географии, но и от времени. Р. Сеннет¹²⁴, например, исследовал изменения городской культуры, начиная с древнегреческих Афин и завершая современными мегаполисами. В труде «Плоть и камень»¹²⁵ он рассматривает то, как со временем менялась идентичность городского жителя. Он отмечает, что раньше существовала четкая коллективная идентичность, горожане осознавали себя частью единого целого, так как обладали возможностью постоянно контактировать друг с другом в местах общих собраний (агоре,

¹²² Петунина Т.Ю., Шипицына О.А. Методика исследования предметно-пространственных качеств открытых общественных городских пространств / Вопросы теории и истории в градостроительстве, архитектуре и дизайне. Т.1., 2014. С. 287–292.

¹²³ Рагулина М.В. Морфологические исследования культурного ландшафта: интегральный взгляд / Общество. Среда. Развитие (Тerra Humana). 2012. № 3. С. 204–209.

¹²⁴ Сеннет Р. Плоть гражданственности. Мультикультурный Нью-Йорк // Неприкосновенный запас. 2010, № 2 (70). URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2010/2/se16.html>.

¹²⁵ Sennett R. Fleisch und Stein. Frankfurt/Main: Suhrkamp, 1997.

церкви, рынке и т.д.). В современном мире это вызывает ряд затруднений. Города разрослись и стали более дифференцированными центрами всеобщего притяжения. Города приобрели индивидуалистский вид. Места общения стали местами смотрения. Их функции изменились. Непосредственное, личное общение заменилось искусственными посредниками. Современная городская культура приобрела визуальный характер. Поэтому, как считает исследователь А. Желнина: «ее нужно наблюдать, а не расспрашивать»¹²⁶.

В связи с этим изменились и методы исследования городского пространства и городской идентичности. Они стали визуальными.

Для исследования города современные ученые-урбанисты (Б. Латур, М. Оже и т.д.) предлагают обращаться либо к визуальной социологии, либо к визуальной антропологии. Первая ориентирована на изучение и анализ уже имеющихся материалов (литературных источников, фотографий, фильмов), которые были сделаны без участия исследователя. Вторая, напротив, предполагает непосредственное нахождение исследователя в поле, его взаимодействие с объектом изучения. Все это делается с применением так называемой «двойной перспективы» анализа. Сперва анализу подлежит первичная информация, связанная с содержанием материальной стороны источника. Рассматриваются вопросы авторства, проводится описание источника. И только затем внимание должно быть направлено на другую его сторону содержания. Это делается через постепенный ответ на вопросы: почему автор выбрал именно этот объект, на кого должна быть направлена информация и т.д.

В городских исследованиях возможно выделить и примеры использования *синтетических методов*, которые сочетают в себе возможности одновременного рассмотрения изучаемого объекта теоретическими и прикладными способами; где обращение к практическим

¹²⁶ Желнина А. Образ города и визуальные методы социологического исследования // Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев. № 6, 2004. С. 1–6.

методам позволяет проводить сбор и анализ существующего городского материала, а применение теоретических методов способствует глубокому осмыслению полученной информации. Возможности использования синтетических методов обширны, они позволяют познавать современное городское пространство даже через обращение к его историческому наследию.

В данном исследовании синтетические методы рассматриваются как наиболее эффективные и перспективные в вопросах изучения городского пространства. Ибо стремительно развивающиеся сегодня городские исследования призваны не столько изучить историческую составляющую города, сколько получить возможность понимать и преобразовать его современное состояние, конструируя будущее.

Среди синтетических методов можно выделить несколько интересных вариантов:

1) Рассмотреть проблемы понимания города и его среды возможно в рамках *герменевтики*. В первой главе настоящего исследования было выявлено, что создавая город и проживая в нем, человек постоянно обращается к его интерпретации – главному герменевтическому методу. Герменевтика способна дать понимание пространственной организации города, выявить его взаимосвязь и взаимодействие с человеком.

Традиционно герменевтика предстает как искусство, мастерство толкования и понимания текстов. Город и его пространство также можно рассматривать в качестве текста. Например, Г.-Г. Гадамер в своих герменевтических изысканиях значительное внимание уделил интерпретации архитектуры. Для философа данный вид искусства представляется самым интересным и самым благодатным материалом для изучения проблем понимания. Он писал, что произведение архитектуры «определяется целью, которой должно служить, и в равной степени местом, которое должно занять

в совокупности пространственных связей»¹²⁷. Выявленный им двойственный характер архитектурного сооружения и делает его текстом для интерпретации.

Сегодня изучение города посредством герменевтических методов встречается крайне редко и точечно (например, работы Ю.Ц. Тыхеевой¹²⁸ и И.В. Тулигановой¹²⁹), но их применение может расширить возможности исследования городского пространства. Так, исследователь П.В. Гольдин¹³⁰, обратившись к герменевтическим принципам, рассмотрел малые улицы. Для этого он поэтапно изучил их через обращение к градостроительной истории, затем к литературному описанию городских феноменов, далее осуществил личный осмотр изучаемого объекта и подверг его рефлексивному анализу. Процедура понимания по расширяющимся кругам позволила автору найти более глубокие смыслы малых городских улиц, однако финальное прочтение данного текста так и не было достигнуто.

2) Достаточно продуктивным, по мнению некоторых из современных отечественных исследователей (Е.Г. Фень¹³¹, С.В. Пирогов¹³²), в изучении особенностей городского пространства может оказаться *феноменологический анализ*. Как отмечают приверженцы данного метода, необходимость в нем возникает при обращении к возникшим в ходе урбанизации проблемам в сфере социальных отношений и личного существования. Феноменологический анализ, таким образом, ориентирован на рассмотрение лично-смыслового поля обитания человека, на понимание того, как человек воспринимает город и себя в нем.

¹²⁷ Гадамер Г.-Х. Истина и метод. М., 1988. С. 133.

¹²⁸ Тыхеева Ю.Ц. Человек в городском пространстве (Философско-антропологические основания урбанографии) : дис. ... д-ра филос. наук : 09.00.13 : Санкт-Петербург, 2003. 335 с.

¹²⁹ Тулиганова И.В. Социокультурное пространство современного города : дис. ... к. филос. н. : 09.00.11. Саратов, 2009. 166 с.

¹³⁰ Гольдин П.З. Изучение малых улиц методами герменевтики // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. № 3 (29). С. 72–76.

¹³¹ Фень Е.Г. Основные категории феноменологической философии пространства в современных исследованиях города : дис. ... канд. филос. наук : 09.00.01. Москва, 2012. 142 с.

¹³² Пирогов С.В. Феноменологическая социология и урбанистика // Вестник Томского государственного университета. Серия «Философия. Культурология. Филология». 2004. № 282, С. 97–103.

В феноменологическом понимании городское пространство есть феномен, конструктивная природа которого обусловлена субъективным сознанием горожан. Отсюда возникает особый взгляд на город, особое к нему отношение. А значит, объектом анализа должно выступать поведение горожан, в основе которого лежит личностный смысл.

Каждый индивид конструирует свое особое социальное и физическое пространство и, собственно, на него реагирует. Поэтому для того, чтобы выявить отношение человека к феномену городского пространства, исследователь может обратиться: во-первых, к специфическому социологическому опросу, а во-вторых, к феноменологическому анализу полученных результатов.

Особенность анкеты должна заключаться в формулировке вопросов, направленных на раскрытие двух аспектов: прагматического, который выявит отношение к пространству жизни с точки зрения удобства, пользы и т.д.; и аксиологического, ориентированного на обнаружение отношения к пространству с позиции структуры личности, ее ценностей и интересов. Подобное исследование предполагает «вчувствование» ученого в значения города, присущие другим людям (Дж. Мид, Р. Парк, А. Шюц).

По мнению представителей феноменологического подхода, интерес ученых должен быть направлен на выявление механизмов восприятия и поведения человека в его отношении с социокультурным пространством города, а конкретнее – на образ города, который их порождает.

В данном исследовании методы герменевтической интерпретации и феноменологического анализа применяться не будут. Первый – по причине слабой разработанности, второй – из-за несоответствия поставленным задачам в рамках выбранной теории А. Лефевра. По мнению диссертанта, наиболее подходящими являются следующие методы: семиотический анализ и философско-искусствоведческий анализ, которые были задействованы еще

в первой главе при выявлении концепта «город». Обратимся к их рассмотрению более подробно.

3) Представители так называемой новой «визуальной парадигмы»: М.Э. Холли, Н. Брайсен, К. Мокси¹³³ и др. – придерживаются позиции, что одним из самых эффективных путей исследования городского пространства выступает *семиотический анализ*, направленный на рассмотрение его знаков и символов.

Базовые теоретические положения семиотики и методологические разработки в ней оформились относительно недавно, в конце 19 столетия. Но сегодня к ней обращаются многие исследователи, поскольку данный подход оперирует единым языком описания, чей потенциал можно применить практически к любой знаковой системе¹³⁴.

В пространстве города встреча с семиотическими системами происходит повсеместно. Архитектурные сооружения содержат в себе разнообразные знаки и символы. Будучи возведенными в разное время, они, например, способны воспроизвести все социально-культурные изменения, произошедшие в городе.

Семиотический подход в исследовании пространственной организации города широко рассматривался У. Эко¹³⁵. Его позиция заключается в том, что архитектура является той областью, где семиология может быть больше всего востребованной временем и жизнью. В архитектурных памятниках можно отчетливо (более чем в других областях) увидеть противоречивость семиотики, которая имеет огромное значение в организации пространства существования человека, культуры и в целом цивилизации.

Знаки являются не только отображением объектов действительности, также они способны создавать некий знаковый мир, значение которого будет

¹³³ Усманова А. Визуальные исследования как исследовательская парадигма: Лекции. URL: <http://viscult.ehu.lt/article.php?id=108>.

¹³⁴ Фещенко В.В. *Autopoiesis* как опыт и метод, или о новых горизонтах семиотики // Семиотика и авангард: Антология. М.: Академический проект, 2006. С. 54–122.

¹³⁵ Эко У. *Отсутствующая структура. Введение в семиологию* / пер. с итал. В. Резник и А. Погоняло. СПб. 2006. С. 13–34.

гораздо шире и глубже по своему содержанию, а иногда и совсем другим. Человек может находить и читать семиотические шифры городского пространства. Знаки города, часто представленные архитектурными, скульптурными и другими памятниками, отображают восприятие и понимание человеком (личного) пространства своей жизни, (публичного) пространства окружающей его среды.

Семиотическим анализом занимался Р. Барт, применяя его к явлениям повседневности, а также Л. Витгенштейн, Р. Монтегю, Ч. Морисс, Р. Карнап и др.

В отечественной науке город с позиции семиотического анализа рассматривали Н.П. Анциферов, Ю.М. Лотман и т.д.

Одним из первых, кто сосредоточил свой исследовательский интерес на городском пространстве, был Н.П. Анциферов. Ученый рассматривал город как живой организм, который возможно изучать только комплексными методами. По его мнению, город состоит из совокупности знаков, символов и кодов, аккумулирующих представления о его культурном потенциале, меняющемся с течением времени. Данная совокупность образует «язык» города, его «душу». Поэтому для того, чтобы проникнуть в самую суть города, исследователю необходимо выявить знаки городского пространства, расшифровать их и проинтерпретировать¹³⁶.

Городское пространство является культурным текстом, несущем в себе богатое историей содержание. Необходимо очень внимательно и разносторонне изучать город¹³⁷. В отечественном знании Н.П. Анциферов заложил основы исследования городского пространства с точки зрения его знаковости, разработал методiku изучения города, а на основании полученных результатов сделал вывод, что город представляет собой феномен, который несет в себе слепок общественно-исторического развития, а также отражает мироощущение многих поколений населяющих его людей.

¹³⁶ Культурное пространство города как предмет исследования и объект познания: междисциплинарный подход // Петербургские исследования: Сборник научных статей, Вып. 3. СПб. 2011. С. 128–147.

¹³⁷ Анциферов Н.П. Пути изучения города как социального организма. Л. 1926. С.9

С точки зрения семиотики город рассматривался и Ю.М. Лотманом. Ученый полагал, что идя по пути рассмотрения знаковых систем, исследователь обретает возможность обращаться к абсолютно любой совокупности знаков естественного или искусственного происхождения и находить в них изначальные смыслы. С данной позиции город выступает пространственным объектом, который возможно рассматривать как текст. Его пространственные формы воспринимаются как знаки, транслирующие информационные сообщения, а современная культура реинтерпретирует их. Лотман говорит, что современное городское пространство демонстрирует множество исторически повторяющихся мотивов, указывающих на их универсальность либо для конкретной культуры, либо для человечества в целом¹³⁸. Историческое развитие городского пространства всегда сопровождается знаковой репрезентацией. Городское сообщество постоянно производит вокруг себя пространство, в котором наличествует своя структура, и вкладывает в него определенную семантику. Данное пространство помогает определить человеку свое окружение, бытие. Поэтому в семиотических знаках города зашифрованы восприятие и понимание человеком его действительности, смыслы, которыми он эту действительность наделяет.

Помимо того, что знаки городского пространства являются отражением уже существующих явлений, выявление и осмысление данных знаков способствует конструированию новой действительности и нового ее понимания.

П. Смит – исследователь динамики урбанизма, не только определил значимость семиотического подхода в исследовании городских пространств, но и выявил уровни символизации при восприятии объектов городской среды¹³⁹:

- ассоциативный символизм;

¹³⁸ Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – культура. М., 1999. С. 25.

¹³⁹ Smith P.F. The Dynamics of Urbanism. 2007. P.78–98.

- окультуренный символизм;
- символизм известного;
- символизм «архетипа».

Данные уровни демонстрируют степень проникновения и понимания пространства от простого к сложному. Например, ассоциативный символизм – это уровень простейших индивидуальных ассоциаций в процессе восприятия человеком городского пространства. Это сугубо субъективная оценка места или объекта, связанная с эмоциональными ощущениями реципиента, личностным отношением к городу.

Окультуренный символизм предполагает наличие знаний о культуре и ее истории. Например, элементарное знание о том, почему некоторые общественные или культовые здания имеют отличительные знаки.

Уровень символизма известного – понимание окружающего пространства как исторически сложившегося, выделение зданий и улиц разных эпох. Этот уровень, по мнению Смита, предполагает более сложную умственную работу над теми смыслами, которые транслирует город.

Самый сложный и самый последний уровень – символизм архетипа. На данном этапе человек постигает более глубокие идеи объектов городского пространства, связанные с визуализацией чего-то вневременного и архиважного. Объекты городского пространства, которые обладают символизмом архетипа, наиболее значимы для города, страны и мировой культуры в целом.

В символе как сложнейшем знаке всегда присутствуют признаки архетипа. Природа символов отсылает к древнейшим представлениям о ценностях и культурных нормах. По настоящее время символы содержат в себе емкие тексты, представляющие весомую значимость для человека¹⁴⁰. Именно символы передают культурные образцы, основополагающие и смыслообразующие знания о системе «человек-общество-мир».

¹⁴⁰ Лотман Ю.М. Избранные статьи в трех томах: Статьи по семиотике и топологии культуры. Таллинн: Александра, 1992. Т. 1. С. 32–56.

Даже сегодня очевидным признан тот факт, что городские символы выступают в качестве регуляторов в социальной политике. Символы выступают визуальными доминантами городской среды, задающими координаты, с помощью которых человек ориентируется в городском пространстве. Сами объекты городского пространства зачастую выступают символами, они способны репрезентировать не только исторические идеи города, но и идеологические послы. Подобные объекты порождают в сознании горожан образ города, рисуют его облик – самобытный и уникальный.

Символика города, выраженная посредством архитектуры, выполняет функции социокультурной системы (государственную, религиозную, гражданскую и т.д.).

А.В. Иконников¹⁴¹, например, отмечал, что система организации архитектурных форм в городе выполняет коммуникативную функцию, на основании чего можно предположить, что архитектура выступает языковой системой, искусственно созданной человеком. Сами архитектурные формы, объемы, декор выполняют как минимум две функции, где одна из них связана с воплощением художественного содержания, вторая – с передачей этого содержания аудитории¹⁴².

Данный метод безусловно должен быть отмечен в данном исследовании. Несмотря на существующие недостатки (например, некоторая ограниченность, связанная с тем, что не существует конкретных, устойчивых значений, закрепленных за знаками городского пространства), все-таки семиотика ориентирована на человека и претендует на адекватное выражение сущности визуальных знаков городского пространства.

¹⁴¹ Иконников А. В. Художественный язык архитектуры. М., 1985. С. 78.

¹⁴² Головина Н.А. Символика архитектурного ландшафта московского кремля и острова сите (париж) в восприятии представителей российских и французских субкультур XIX – начала XX вв : автореф. дис. ... канд. культ. наук : 24.00.01. М., 2005. С. 25.

4) Интерес к городскому пространству, его основным узловым точкам, специфическим качествам его населения проявляли и исследователи в области теории и истории искусства. Город в искусстве изучается в основном с позиций его художественного изображения в пространственных и словесных видах искусства. Например, излюбленными приемами изучения городского пространства в классическом искусствознании выступают описания изображений «утопических» ренессансных городов и архитектурной графики XIX-XX столетий. Городское пространство здесь зачастую понималось как целостный объект, демонстрирующий какой-либо устоявшийся образ (город-крепость, город-сад, город тоски и т.д.).

Помимо традиционного в искусствознании описания и толкования изображенных образов, существуют современные подходы к рассмотрению произведения искусства (в том числе городского). Наиболее интересной представляется *методика философско-искусствоведческого анализа*, разработанная на базе Красноярской искусствоведческой школы под руководством исследователей Н.П. Копцевой, В.И. Жуковского¹⁴³, Д.В. Пивоварова.

Основные положения современной теории искусства:

- Являясь чувственно явленным продуктом деятельности мастера, произведение искусства несет в себе информационное сообщение – художественную идею, адресованную зрителю.

- Произведение как вещь – это потенциальная «знаковая» структура, существующая сама по себе в возможности и сокрытости. Без человека и его взаимодействия с художественным предметом произведение предстает только как элемент материального бытия, последовательность каменной кладки в архитектурном сооружении.

- При появлении человека произведение искусства начинает раскрываться как искусно созданный языковой текст, сплетенный из

¹⁴³ Жуковский В.И., Копцева Н.П. Пропозиции изобразительного искусства: учеб. пособие. Красноярск. 2004. 266с.

множества знаков. Язык произведения искусства отличается ярко выраженным визуальным характером. Подобно вербальному тексту визуальный текст произведения искусства можно прочесть, выявив скрытый смысл. Понять его содержание возможно посредством обращения к философско-искусствоведческому анализу, который основан на комплексном применении ряда общенаучных исследовательских методов (наблюдения, измерения, анализа, синтеза, аналогии, экстраполяции, интерпретации и некоторых других). Данный подход к исследованию произведения искусства позволяет достаточно объективно прочесть визуальный текст и выявить его содержание.

- Итогом прочтения произведения искусства как визуального текста является художественный образ. Он не возникает вдруг, а последовательно раскрывается в процессе философско-искусствоведческого анализа. Этапами формирования и становления художественного образа являются индексный, иконический, символический статусы, которые своеобразными витками развивают его, доводя до полноты и завершенности.

Поэтапный анализ знаков и смыслов произведения искусства дает возможность прочесть его как целостный языковой текст, понять заложенные в нем идеи и смыслы.

Философско-искусствоведческий анализ позволяет рассматривать городское пространство посредством обращения к произведениям искусства: архитектурным сооружениям, скульптурным памятникам, паблик-арту. Познавать город можно с помощью исследования художественных образов, материалом для которых являются сюжеты города, представленные в живописных и графических произведениях искусства, малой пластике, декоративно-прикладном творчестве. Многочисленные публикации сотрудников кафедры культурологии Сибирского федерального университета доказали эффективность данного метода не только применительно к произведениям искусства Красноярского региона и России, но и других стран.

Так, исследование М.В. Тарасовой и Т.Ю. Григорьевой¹⁴⁴ посвящено рассмотрению произведений архитектуры как эталонов, формирующих мироотношение жителей Красноярска. А.А. Ситникова¹⁴⁵ рассматривала городскую тему в рамках творчества живописца А. Сурикова. Было выявлено, что изображения городских улиц и дорожных пробок способны достаточно четко ответить на вопрос: «каковы проблемы современного города?». Специфику города, по мнению М.И. Ильбейкиной¹⁴⁶, раскрывают и арт-проекты. В них город предстает как образ пространства концептуального и контекстуального, образ, наполненный как позитивным, так и негативным содержанием. По мнению данных исследователей, произведения искусства не только конструируют своеобразный образ городского пространства, но и влияют на формирование геокультурной идентичности.

Исследования, проведенные с помощью философско-искусствоведческого анализа, демонстрируют, что в произведениях искусства воспроизводится не столько авторский индивидуализм, сколько общекультурные и общечеловеческие устремления всего общества. Данный факт является важным в рассмотрении города, своим архитектурным обликом визуализирующего представление о людях, которые его населяют.

Данное исследование опирается на точку зрения, что наиболее эффективными в исследовании репрезентантов городского пространства будут методы искусствоведческо-философского анализа и семиотического анализа. При их подробном рассмотрении стала очевидной их междисциплинарная природа, синтезирующая в себе приемы практических и

¹⁴⁴ Тарасова М.В., Григорьева Т.Ю. Архитектура города Красноярска как пространство социальной идентификации. Соотношение космоцентрических и социоцентрических идеалов / Новое будущее Сибири: ожидания, вызовы, решения : монография / под общ. ред. О. А. Карловой, Н.П. Копцевой. Красноярск : Сиб. федер. ун-т, 2014. С. 289–300.

¹⁴⁵ Ситникова А.А. Образ Сибири в творчестве художника Александра Сурикова / Новое будущее Сибири: ожидания, вызовы, решения : монография / под общ. ред. О. А. Карловой, Н.П. Копцевой. Красноярск : Сиб. федер. ун-т, 2014. С. 308–332.

¹⁴⁶ Ильбейкина М.И. Специфика образа Сибири в современных арт-проектах / Новое будущее Сибири: ожидания, вызовы, решения : монография / под общ. ред. О. А. Карловой, Н.П. Копцевой. Красноярск : Сиб. федер. ун-т, 2014. С. 333–356.

теоретических методов. Причем практические методы опережают теоретические изыскания, позволяя сформировать для них устойчивый эмпирический базис. Сегодня подобного рода исследования перспективны. Поэтому совершенно очевидной представляется возможность использования совокупности данных методов как социально-философской методологической стратегии, направленной на выявление своеобразия социокультурного пространства г. Красноярска, которое на сегодняшний день испытывает потребность в самопознании и самооценке. Средства искусства позволят сделать это, выявив не только видовое и типическое, но и индивидуальное своеобразие города и его горожан.

Обозначенный вариант методологической стратегии не является единственно верным или единственно возможным. Выбранные методы могут быть вполне заменены другими, например, исследование социокультурного пространства города может быть проведено с помощью методов визуальной антропологии или ментального картирования.

2.1.2. Аналогии исследования городского пространства

В современном научном знании интерес к городским исследованиям возрастает с каждым годом, а сфера ориентиров в изучении городской тематики, напротив, начинает приобретать все более ясные очертания. Наиболее актуальными сегодня представляются исследования в аспектах изучения:

- городского управления и планирования;
- социальных проблем в городском пространстве;
- социальных сообществ и движений, существующих в рамках города;
- качества жизни в городской среде;
- образа жизни городского человека;
- городской идентификации;

- культурно-символического пространства города.

Наибольшее количество трудов по направлению Urban Study ориентированы на изучение города методами структурно-функционального анализа, тем самым проявляя несомненно существующий в исследованиях прагматизм. Подобный устоявшийся методологический подход демонстрирует сегодня свои слабые стороны. Пространство города делится на ряд подсистем и изучается фрагментарно, хотя очевидно, что их количество постоянно меняется (увеличивается или уменьшается) и зачастую можно обнаружить точки пересечения между ними. В данном направлении исследования становится невозможным выявление специфики конкретного городского пространства и своеобразных проблем, в нем существующих.

Последний пункт в ряду выше обозначенных направлений для данного исследования представляется наиболее интересным. Дело в том, что символические объекты во многом можно рассматривать не только как основу формирования идентичностей в социуме, но и как фактор, оказывающий влияние и на качество, и на образ жизни горожан. От особенностей культурно-символического пространства зависят городское планирование и городская экономика.

Сосредоточим внимание на том, как изучаются вопросы символического пространства города в исследованиях зарубежных и отечественных ученых-урбанистов.

Процессы урбанизации и глобализации, характерные для настоящего времени, послужили причиной стремительного изменения не только физического пространства как такового, но и представлений о нем. Как отмечает турецкий исследователь И. Каумаз¹⁴⁷, значение городского пространства резко увеличилось в обществе, так как «чувство места»,

¹⁴⁷ Kaymaz I. Urban Landscapes and Identity. Advances in Landscape Architecture/ book edited by M. Özyavuz, 2013. URL: <http://www.intechopen.com/books/advances-in-landscape-architecture/urban-landscapes-and-identity/>.

чувство причастности к месту порождает важные «смыслы» для жизни индивида и общества, определяет их.

«Пространство» – абстрактный термин, а «место» – указание на весьма конкретные пространственные точки¹⁴⁸. Можно сказать, что место – это пространство, которому было придано значение и смысл. Поэтому смысл – это символический инструмент, который связывает человека с физической средой. Согласно М. Наджафи¹⁴⁹, место является результатом взаимодействия трех компонентов: физического пространства (ландшафта), деятельности человека и смысловых значений.

Автор знаменитой книги «Города и самоидентификация» Х. Прошански¹⁵⁰ указывает на то, что физический облик города (здания, парки, улицы и др.) формируется под влиянием горожан, но последние испытывают его воздействие как при формировании стиля жизни, так и идентичности на протяжении всего времени. Благодаря этому некоторые места в пространстве города приобретают значение культурного наследия.

Например, А. Господини¹⁵¹ несколько лет назад провел исследование идентичности в Бильбао, где городской пейзаж представляет собой сочетание современной и исторической архитектуры. Результаты социологического исследования показали, что инновационный дизайн в равной степени с историческим наследием способствовал формированию образа города и личности горожан. А музей Соломона Гуггенхайма в Бильбао – один из ярких примеров того, как инновационный дизайн единичного сооружения может способствовать конструированию образа города в целом.

Все это говорит о том, что городское пространство – это сложная структура, которая является результатом взаимодействия человека и окружающей его среды. Оно включает в себя социальные аспекты,

¹⁴⁸ Tuan Y.F. Space and Place: The perspective of experience // University of Minnesota Press, Minneapolis, 1977. 248 p. URL: <http://ru.scribd.com/doc/166536890/Yi-Fu-Tuan-Space-and-Place-The-Perspective-of-Experience>.

¹⁴⁹ Najafi M., Shariff M.K. The concept of a place and sense of place in architectural studies // International Journal of Human and Social Sciences. 2011.

¹⁵⁰ Proshansky H.M. The city and self-identity // Environment and Behavior, 1978. P. 57–83.

¹⁵¹ Gospodini A. Urban morphology and place identity in European cities: built heritage and innovative design // Journal of Urban Design, 2004. 9 (2). P. 225–248.

культурные аспекты и экономическое измерения. Образ городского пространства формируется в основном под влиянием деятельности человека. Поэтому он наследует общественные ценности, убеждения, символические значения, которые возникают и изменяются в течение времени. Образ города является физическим отражением городской идентичности.

Ценными исследованиями для понимания символического пространства представляются труды ученых, относящихся к первому поколению урбанистов, начинавших свою научную деятельность еще в первой половине XX столетия. Так, Р. Парк один из первых установил, что символическое пространство города во многом связано с базисными потребностями людей. Впоследствии эта мысль была продолжена в изысканиях учеников Р. Парка – Г. Беккера, М. Яновитца и т.д. Социологи пришли к пониманию того, что значительная часть аскриптивных социальных характеристик человека зависит от его территориального окружения. Г. Беккер, например, увлекался изучением фотографий американских городов с целью выявления эволюции создания в них архитектурных «символов» и установления их значимости.

Вторая половина XX столетия несколько иначе подошла к изучению символического пространства в городе. Постмодернизм как направление подошел к изучению вопроса радикально. Один из основоположников постмодернизма Ж. Бодрийяр¹⁵² считал архитектурный облик города социальной иллюзией. Он не видел в нем символического содержания, часто скрывающегося от глаз человека. Для ученого архитектура утратила загадку и стала простой видимостью после того, как из воплощения таланта мастера превратилась в техническую возможность компьютерного проектирования.

Достаточно критического взгляда на современный архитектурный облик города как форму выражения социального пространства

¹⁵² Бодрийяр Ж. Город и ненависть // Логос, 1997. № 9. С. 107–116.

придерживается и П. Бурдьё¹⁵³. Подробно проанализировав архитектурные формы современного жилья, ученый выявил, что логика его рассмотрения должна разворачиваться в соответствии с мужскими потребностями и ценностями, так как в обществе налицо признаки мужского господства.

М. Кастельс¹⁵⁴, изучая постмодернистический архитектурный облик города, сделал ряд важных открытий. Для него пространство представляется отражением уровня общественного развития. Поэтому через архитектурные формы городского пространства возможно рассмотреть базовые ценности, характерные для его населения. Однако в отличие от архитектуры предшествующих эпох, современная архитектура постмодерна разрывает связь с обществом, становится пространством потоков, а не мест. Архитектурная среда постмодернизма безмолвна. Человек, проживающий в ней, становится ей подобным.

Несмотря на несколько пессимистическое воззрение на современные архитектурные формы, труды П. Бурдьё и М. Кастельса сориентировали науку на изучение города как физического пространства, в котором рождается социальная идентификация. Многие ученые впоследствии опирались на их труды.

Наиболее важный вклад в изучение культурных репрезентаций города внесли представители Лос-Анджелесской школы, пытавшиеся через внешний образ городского пространства перейти к его внутреннему содержанию. Яркий тому пример – анализ Э. Соджа и Ф. Джеймисоном¹⁵⁵ архитектурных сооружений Лос-Анджелеса, материала, из которых они выстроены, форм и внешнего облика. На примере отеля «Вестин Бонавентура» урбанисты продемонстрировали, как капитал и технологии влияют на образ строений, и как образ строений влияет на капитал и технологии, как начинает меняться

¹⁵³ Бурдьё П. Практический смысл / пер. с франц. А.Т. Бикбов, К.Д. Вознесенская, С.Н. Зенкин, Н.А. Шматко. СПб.: Алетейя, 2001. 562 с.

¹⁵⁴ Кастельс М. Информационный город. Информационная технология, экономическое реструктурирование и регионально-городской процесс / пер. В.В. Вагина. URL: <http://www.urban-club.ru/?p=100>.

¹⁵⁵ Jameson F. Postmodernism, or, the Cultural Logic of Late Capitalism. Durham, Duke University Press, 1991. P. 1–54. URL: <http://www.marxists.org/reference/subject/philosophy/works/us/jameson.htm>.

образ города и жизнь человека в нем. Так, Джеймисон усмотрел в зеркальной башне отеля выражение единства экономики, технологии и эстетики, характерное для современной жизни в эпохе постмодернизма. В отличие от него, другой теоретик урбанизма – М. Дэвис – увидел в облике отеля идею пространственной сегрегации. Подобное противоречие в исследовательских оценках не является большой редкостью и отсылает к вопросу о так называемой «исследовательской оптике». Данная методологическая проблема, связанная с тем, что и как анализировать в городском пространстве, может быть разрешена при условии обращения к конкретному исследовательскому подходу с четким обоснованием позиции автора.

Среди современных исследователей в данном направлении можно отметить представителей американской и немецкой социологических школ.

Совместные разработки американских ученых Р. Смита и В. Бани выражены в нескольких программных статьях, наибольшую значимость из которых представляют «Социология архитектуры и постмодернистские архитектурные формы»¹⁵⁶ (2002 г.) и «Теория символического интеракционизма и архитектура»¹⁵⁷ (2006 г.). Первая статья посвящена анализу роли архитектуры постмодернизма в создании облика современного Лас-Вегаса. Опираясь на позиции Ж. Бодрийера и Ф. Джеймисона, исследователи выявляют черты постмодернизма в архитектурном облике мегаполиса: «зрелищность», «мозаичность», «множество архитектурных цитат», «чрезмерная искусственность», «товарный вид» и т.д. В итоге авторы заключают, что постмодернизм явлен в городе через уникальные архитектурные формы, которые акцентируют внимание на игорном бизнесе как главной индустрии, составляющей суть самого города.

¹⁵⁶ Смит Р., Бани В. Искусственно созданное материальное окружение по отношению к людям, символам и социальной действительности: предложение по изменению архитектурного подхода // Человечество и общество, 2002. № 4. С. 293–311.

¹⁵⁷ Smith R.W., Bugni V. Symbolic interaction theory and architecture. 2006. URL: http://digitalscholarship.unlv.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1004&context=sociology_pubs/.

Вторая статья раскрывает теоретическую принадлежность исследователей. Р. Смит и В. Бани считают, что символический интеракционизм как никакой другой подход способен объяснить тесные взаимосвязи архитектуры и поведения человека, его мыслей и эмоционального состояния. Они выделяют три направления, на которые направлена данная теория. Во-первых, она указывает на взаимное влияние между архитектурой и индивидуумом; во-вторых, раскрывает то, как архитектура воплощает в себе представления человека о мире, его окружающем; в-третьих, позволяет обнаружить влияние архитектуры на наши мысли и действия, на возможность самовыражения.

Данные исследователи также обращаются к анализу архитектурных объектов, которые способны выразить внутреннюю сущность человека. Среди них главный символ еврейского народа – знаменитая Стена Плача – и современный проект М. Арада и П. Уокера «Отражение отсутствия», одержавший победу на конкурсе проектов для мемориала Всемирного торгового центра. По мнению авторов, данные сооружения способны установить взаимосвязь с внутренним «Я» человека и с социумом в целом, раскрывая важные аспекты религиозности и гуманности. Рассуждая об архитектуре в целом, авторы приходят к выводу, что архитектурные сооружения ориентированы на передачу разнообразных смысловых значений, встречаясь с ними, человек способен легко их считать: развлечение и радость (отель Мандалай Бэй в Лас-Вегасе), отдых и добрососедство (Сан-Сити в Аризоне), религиозность и мистицизм (Шартрский собор).

Можно сказать, что статьи данных исследователей очень типичны в общем потоке американских исследований городского архитектурного пространства. Большинство из них признают символический интеракционизм в качестве ведущей теории и, соответственно, используют устоявшуюся в ней методологию для анализа облика города и его горожан.

Помимо американских исследователей в русле интереса к культурно-символическому облику городов работают представители немецкой социологической школы, возникнувшей во второй половине XX века под влиянием школы урбанистики в г. Чикаго.

Одна из первых ее представительниц – Г. Фелдюссен – считала, что существующую общественную структуру можно проследить в архитектурных формах, которые ее закрепляют. Эта позиция стала развиваться и дополняться новыми исследователями. Современными учеными-приверженцами школы выступают Й. Фишер, Х. Боденшатц, Х. Делиц, Х. Шуберт, Б. Шефер, Х. Хойсерман, В. Зибель и т.д.

Интересна совместная работа Й. Фишера и Х. Делиц «Архитектура общества: теории социологии архитектуры»¹⁵⁸, объединившая в себе замечания не только двух ярких ученых, но и высказывания многих коллег-соотечественников.

Й. Фишер в архитектурном облике городского пространства усматривает «средство коммуникации» социума. Автор придерживается позиции, что изучение архитектуры как специфического языка в скором времени займет центральное положение в социальных науках. По мнению Фишера, архитектура выступает не только сложным средством коммуникации, но и благодаря своей ярко выраженной материальности является логическим средством познания мира и себя. Обратившись к философской антропологии, Фишер предложил ограниченно-теоретический анализ архитектуры: «Как архитектура модерна была охвачена рационалистическими стратегиями Тейлора и Форда, так и архитектура деконструктивизма охвачена постфордистским сокращением иерархий, усилением коммуникаций, гибкостью, креативностью и собственной ответственностью. Этой новой картине капитализма соответствует

¹⁵⁸ Fischer J. Delitz H. Die Architektur der Gesellschaft. Theorien für die Architektursoziologie. Bielefeld, 2009. 415 p.

изменившееся представление об обществе, которое больше не описывается как «классовое общество»¹⁵⁹.

Х. Делиц¹⁶⁰ посредством обращения к архитектуре выявляет структуру общества и механизмы его социализации. Главной своей задачей ученый видит анализ современного общества через облик (а не структуру) города. В ее теории городские здания понимаются в качестве «выражения», «символа» или «зеркала» общества и его культуры. Именно они отражают, делают очевидными социальные процессы в городском пространстве. Делиц прописывает даже то, как изменения в материалах и технологиях способны повлиять на изменение мировосприятия, общественных ценностей и т.д.

Исходя из рассмотренных умозаключений ученых немецкой школы, можно сделать вывод о согласованности их взглядов с американскими коллегами. Обращение внимания на внешний облик сооружения, выделение в нем знаковых составляющих и последующая интерпретация – основные этапы работы с культурно-символическим содержанием городского пространства.

Таким образом, можно сделать вывод, что в современных зарубежных исследованиях основное внимание в изучении культурно-символического содержания городского пространства уделяется не столько архитектуре и ее художественному смыслу, сколько рассмотрению общества и его устройства посредством архитектурных форм. Обратная сторона процесса в отношении «город – общество» исследователей интересует в меньшей степени. Однако количество исследований и частота обращения к произведениям архитектуры и их знаковому наполнению в качестве анализа городского пространства указывают на правильность выбранной стратегии и возможность получения качественных результатов исследования.

¹⁵⁹ Fischer J. Delitz H. Die Architektur der Gesellschaft. Theorien für die Architektursoziologie. Bielefeld, 2009. 415 p.

¹⁶⁰ Делиц Х. Архитектура в социальном измерении / пер. нем. Вильковский М.Б., Воробьева А.Г. // Социологические исследования, 2008. № 10. С. 113–120.

Современный этап городских исследований в отечественной науке отличается наличием незначительного количества подходов в анализе социокультурного пространства города через призму символики места. В основном, наблюдаются либо полные заимствования теоретических положений и методологических установок западных исследователей, либо переосмысленные и переработанные концепции.

В российской науке взгляд на городское пространство реализуется в основном через призму социокультурного подхода, который ставит акцент на изучение социальных отношений и культурных смыслов в их нерасторжимом единстве. Данный подход проявлен в трудах теоретиков В.Л. Глазычева¹⁶¹, Т.М. Дридзе¹⁶², В.Г. Ильина¹⁶³, И.В. Тулигановой¹⁶⁴ и др.

Например, данный подход отчетливо прослеживается в исследовании С.Б. Смирнова¹⁶⁵, посвященном изучению взаимодействия двух крупнейших городов России – Москвы и Санкт-Петербурга. В публикациях автора города рассматриваются в качестве сложных семиотических механизмов и генераторов культуры, городские пространства – как поля многочисленных семиотических образований в виде социальных, национальных, стилевых кодов и текстов, а также образований диахронических: архитектурных сооружений, наименований улиц и скверов и т.д. Важной характеристикой городского пространства выступает возможность постоянно возрождать свое историческое прошлое и сопоставлять его с настоящим. И чем диалогичней предстает внутренняя природа города, тем лучше он реализует свои культурные функции. Чем более неоднозначны тексты, создаваемые пространством города, тем сильнее его влияние на культуру.

¹⁶¹ Глазычев В.Л. Урбанистика. М.: Европа, 2008. 220 с.

¹⁶² Дридзе Т.М. Коммуникативные механизмы культуры и прогнозно-проектный подход к выработке стратегии развития городской среды // Город как социокультурное явление исторического процесса / Отв. ред. Э.В. Сайко. М., 1995. 369 с.

¹⁶³ Ильин В.Г. Город: концепт, образ, реальность. Ростов-на-Дону: Изд-во РГУ, 2003. 248 с.

¹⁶⁴ Тулиганова И.В. Социокультурное пространство современного города: дис....канд. филос. наук: 09.00.11. Саратов, 2009. 166 с.

¹⁶⁵ Смирнов С. Б. Московско-петербургское взаимодействие в контексте современных подходов к изучению города // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. 2005. № 11. С. 6–14.

Обращаясь преимущественно к семиотическому анализу городского пространства, С.Б. Смирнов отметил важность исторического метода и сравнительного анализа, указывая на то, что сопоставление городов позволяет четко обозначить специфику изучаемого пространства.

Помимо исследований столиц, число которых превалирует над всеми остальными, сегодня все больше внимания уделяется изучению и других российских городов.

С точки зрения изучения культурно-символического содержания городского пространства интересны публикации, связанные с исследованием г. Перми. В 2013 году там был реализован проект ««Город как стиль - Пермь как стиль: формирование современной городской идентичности», направленный на анализ содержания, механизмов продвижения локальных и региональных идентичностей. В статье О.В. Лысенко «Образ жителя провинциального города (по материалам социологических опросов пермяков)¹⁶⁶» приведены результаты анализа содержания качеств и характеристик, которыми себя наделяют жители Перми. В них проявляется как схожесть пермяков с другими россиянами, так и их особенности (самообраз), например, локальный фундаментализм, амбициозность.

Исходя из понимания, что культурно-символическое пространство значимо для формирования идентичности и образа жизни горожан, актуальными в России становятся вопросы по разработке имиджа городов. Зачастую при его создании креативная команда (созданная из числа архитекторов, дизайнеров, социологов и т.д.) опирается именно на символические места или объекты, внося в них необходимые коррективы или пытаясь полностью изменить их значение. В данном ключе работают исследователи Е.Н. Богданов, В.Г. Зазыкин, Г.Г. Почепцов и другие. Их деятельность в большей степени направлена на создание позитивного имиджа регионов. Что же касается непосредственно городов, то

¹⁶⁶ Лысенко О.В. Образ жителя провинциального города (по материалам социологических опросов пермяков) // Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований. 2013. № 3. С. 69–87.

рассмотрение имиджевой составляющей и активная работа по изменению образа сегодня ведется в Санкт-Петербурге, Москве, Перми, Екатеринбурге, Хабаровске и т.д.

Исследования, в рамках которых рассматривается формирование имиджа сквозь призму символического пространства современного города, развиваются не везде, ярким исключением представляется северная столица России.

Однако опыт со сменой имиджа не всегда может быть позитивным. Например, известный мексиканский архитектор и урбанист М. Робле-Дюран¹⁶⁷ проанализировал процессы, связанные с формированием привлекательного имиджа Москвы. Он отметил, что в российской столице были нарушены все правила урбанистики, наработанные за многие годы. Самая главная ошибка, которую здесь совершили – это пренебрежение наследием прошлого, уничтожение исторических построек. Важно сохранить коллективную память, иначе ничего не получится, город быстрее потеряет уникальность и перестанет быть интересным. Развитие городского пространства не должно основываться только на экономической составляющей. Каждый горожанин должен принимать участие в разработке образа города, постоянно задаваясь вопросами: «Какой образ города мы хотим наблюдать?» и «Какую жизнь в городе он должен порождать?». Мысль урбаниста сводится к тому, что необходимо дать городу самостоятельное развитие, подобно тому, как в естественной среде развивается живой организм, без насильственного вмешательства в его телесные и ментальные составляющие.

В интервью М. Робле-Дюран отметил важность исторического прошлого для городского пространства. В качестве художественного и политического направления регионализм, желания которого также

¹⁶⁷ Робле-Дюран М. Неолиберализм оказывает на города разрушительное действие. URL: <http://www.business-gazeta.ru/article/74393/>.

направлены на выявление особенностей конкретного места, у которого есть конкретная история, во многом характеризует развитие культуры.

Регионализм может быть выражен в разных формах¹⁶⁸, включая архитектурный облик города. К проявлению регионализма в архитектурном пространстве обращались теоретики архитектуры и за рубежом, и в России. Они отмечают, что региональная идентичность формировалась естественным путем в результате культурных связей с другими регионами. Первая проба искусственного выражения региональной уникальности относится ко времени рубежа XIX-XX веков, когда господствующий в культуре модерн стал ориентироваться на национальное начало. Цитирование архитектурных элементов прошлого постепенно перешло в глубокую осмысленность места, демонстрируя новое качество регионализма. Установление взаимосвязи архитектуры и местного ландшафта, обращение к историческим образам, применение традиционных материалов и технологий строительства и, в конечном итоге, воплощение «духа места» – важные проявления регионализма как культурного феномена.

Регионализм в современных архитектурных постройках города практически отсутствует, хотя важность сохранения культурных традиций в городе, а следовательно, и обращение к направлению, очевидны.

Несмотря на точечное рассмотрение существующих исследований, можно сделать вывод, что зарубежной и отечественной наукой накоплен достаточный опыт в изучении некоторых аспектов социокультурного пространства города, представленного в качестве культурно-символических мест и объектов, влияющих на картину мира его горожан. Однако стоит отметить, что в массиве работ, посвященных изучению поставленных вопросов, преобладают источники, в которых отражено изучение конкретного городского сообщества, а не физической составляющей городского пространства. Также очевидной становится недостаточность

¹⁶⁸ Таймулин А.В. Глобализация и регионализация как варианты развития современного общества : социально-философский анализ : дис. ... канд. филос. наук : 09.00.11. Красноярск, 2011. 181 с.

внимания значению культурных традиций в образе современного города, а это становится своего рода пробелом в исследовательском поле.

Основные выводы:

1. Изучать социокультурное пространство города возможно через репрезентанты (знаково-символические формы). Образцовыми репрезентантами городского пространства выступают произведения городского искусства, которые способны определить как универсальные закономерности, так и значительное своеобразие облика и образа города. Репрезентанты городского пространства повествуют о картине мира его жителей, отражая в своем облике доминирующие концепты, образы и оценки, и при этом позволяют создавать новое видение мира, новые образы и новые оценки. Они создают воображаемое наполнение пространства.

2. Систему городской репрезентации можно рассматривать как информационно насыщенный текст. Соответственно, его можно читать и интерпретировать.

3. Прочтение текста городского пространства осуществляется посредством обращения к исследовательскому инструментарию. В современных городских исследованиях возможно обнаружить использование теоретических, практических и синтетических методов. *Теоретические методы* изучения городского пространства направлены на выработку категориального аппарата учения о городе и разработку научных концепций, *прикладные методы* ориентированы на изучение города в конкретике его качеств и свойств, а *синтетические методы* объединяют в себе возможности теоретического и прикладного способов.

4. Наиболее перспективными методами для изучения городского социокультурного пространства видятся синтетические методы: *семиотический анализ* и *философско-искусствоведческий анализ*. При их подробном рассмотрении стала очевидной их междисциплинарная природа, синтезирующая в себе приемы практических и теоретических методов. Причем практические методы опережают теоретические изыскания, позволяя

сформировать для них устойчивый эмпирический базис. Совокупность данных методов возможно использовать как социально-философскую методологическую стратегию, направленную на выявление своеобразия социокультурного пространства города. Ее применение позволит не только изучить организующий пространство жизни человека архитектурный облик города как визуальный текст, но и выявить внутреннее наполнение этого пространства.

5. Выбранная методологическая стратегия имеет свою логику в современном социально-философском знании. Обращение к исследовательскому опыту зарубежных и отечественных ученых подтвердило жизнеспособность выбранного методологического инструментария, что позволяет осуществить переход к прикладному исследованию пространства современного российского города (на примере г. Красноярск).

2.2. Социально-философский анализ социокультурного пространства города Красноярск

В первой главе настоящего исследования было обозначено, что одними из базовых характеристик городского пространства выступают сконструированность его природы и конструктивный потенциал, образность и символичность, которые транслируются в культуру и закрепляются в ней посредством конкретных материальных форм (архитектурных, скульптурных и т.д.). Данные формы выстраивают не только реальное, но и воображаемое пространство жизни городского общества, создают в сознании социума специфический образ города и облик горожан. Поэтому изучение визуализации образа Красноярск очень важно для установления смыслов социокультурного пространства города.

Красноярск – один из крупнейших городов Центральной Сибири, административный центр Красноярского края, расположенный на обоих берегах реки Енисей. Основанный в 1628 г. малый острог Красный Яр, названный по красному цвету мергеля левого берега реки Качи, в 1690 г. получил статус города. После чего стал разрастаться и интенсивно развиваться. На сегодняшний день площадь города составляет 353,9 км², население Красноярска – более миллиона человек (1 016 385)¹⁶⁹.

Как и любой другой город России, Красноярск имеет множество видов типовой застройки и типичных архитектурных проектов. Но, несмотря на это, каждый город обладает своими уникальными культурными реалиями, особенностями планировки и т.д., что приводит к формированию своего собственного исключительного образа и неповторимых черт облика. «Примечательные метаморфозы происходят у нас на глазах с современными городами – независимо от их размеров, актуального месторасположения или предыстории. Все они, так или иначе, обречены на поиск собственного неповторимого лица»¹⁷⁰. «Подобно произведению архитектуры, город представляет собой конструкцию в пространстве, но гигантского масштаба, нечто такое, что можно воспринять только за продолжительное время»,¹⁷¹ – пишет в своей книге профессор Массачусетского технологического института К. Линч. Таким образом, проводя аналогию с произведением искусства, город как идеал направлен на формирование определенных культурных ценностей человека, его образа жизни; и от того, как спроектирован город, зависит качество жизни горожанина. Структура города, схема его улиц, дорог, построек являет собой репрезентант связи человека с окружающим пространством, социумом, самим собой. И каждый день, выбирая маршрут своих действий и перемещений, человек анализирует то

¹⁶⁹ Численность населения г. Красноярска на 1.07.2013 / Официальный сайт Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Красноярскому краю. URL: http://www.krasstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/krasstat/ru/statistics/population.

¹⁷⁰ Согомонов А. Современный город: стратегия идентичности // Неприкосновенный запас. 2010, № 2 (70) URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2010/2/so21.html>.

¹⁷¹ Линч К. Образ города / пер В.Л. Глазычева. М.: Стройиздат, 1982. URL: http://www.glazychev.ru/books/translations/Linch/Linch_1.htm.

пространство, в котором он будет находиться и встречаться с другими людьми. Соответственно, городское пространство обладает влиянием на повседневность индивида, оно создает определенные условия для его жизнедеятельности, и человек находится в зависимости от своего окружения, с одной стороны. С другой стороны, не кто иной, как сам человек, занимается проектированием той городской среды, в которой ему предстоит жить. И данное занятие – своего рода тоже ремесло, тоже вид искусства. Только в отличие от вечных произведений живописи, скульптуры или музыки, произведения данного вида искусства несут чаще всего в себе незаконченный характер и регулярное видоизменение в связи с постоянным ростом и расширением пространственных границ. «Город не только объект, воспринимаемый миллионами людей, различающихся социальной позицией и характером. Это еще и продукт деятельности множества застройщиков, постоянно изменяющих его структуру на основе собственных соображений. Будучи в общих очертаниях какое-то время стабильной, эта структура вечно изменяется в деталях, а ее рост и форма поддаются контролю только частично»¹⁷². В связи со стабильными преобразованиями и дополнениями структуры города, отдельные районы увеличиваются в размерах и дополняются новыми деталями, элементами города – сооружениями, зданиями, дорогами и т.д. Тем самым вносится разнообразие в детали, иногда гармонично вписанных в пространство, но чаще всего сильно отличающихся от созданного образа и ярко выделяющихся на общем фоне. Для того чтобы у человека сформировалось четкое и индивидуальное представление о городе, ему необходимо достаточно длительное время для ознакомления с окружающими его элементами, ведь их огромное множество и в любой момент местонахождения индивида его органы чувств способны уловить и различить далеко не все то количество визуальных, звуковых и др. знаков, предлагаемых городом. Следует вывод, что восприятие города у

¹⁷² Линч К. Образ города / пер В.Л. Глазычева. М.: Стройиздат, 1982. URL: http://www.glazychev.ru/books/translations/Linch/Linch_1.htm.

человека фрагментарно, горожанин схватывает и выделяет из окружающего пространства только самые яркие и запоминающиеся сооружения и постройки, ежедневно сталкиваясь с огромным пластом городской архитектуры. Со временем человек накапливает определенное количество городских знаков, элементов для того, чтобы сложить все части, которые он выделил из всего пространства, в целостную картину города, его образ.

Визуальное пространство каждого отдельного города представляет собой неповторимый феномен. Так, в общей организации пространства города Красноярска, в его архитектурном облике можно обнаружить наличие объектов, принадлежащих к трем историческим периодам. Это архитектура старого города, советского и постсоветского Красноярска. Сооружения, репрезентирующие данные эпохи, отражают определенные установки своего времени и при этом создают специфический образ города.

В структуре каждого отдельного города наличествует множество элементов – разнообразных сооружений, притягательных по своим способам функционирования, виду, типу планировки и т.д. Но в сознании его жителей образ города будет, прежде всего, представлен через его центр. Это вполне естественно, учитывая тот факт, что именно центр города всегда представлен наиболее значимыми и красивыми архитектурными сооружениями, скульптурными памятниками, садово-парковыми композициями. Центр – это ядро, своего рода «сердце» города, устойчивое в сознании горожан.

Однако улицам или проспектам сложно быть центром, так как само понятие центра отсылает к некоторой символической «точке», а не линии. Эта точка визуально задается конкретными материальными телами – большими и значимыми сооружениями, ориентирами. Ориентационными ключами в городе выступают достопримечательности в виде архитектурных объектов. Но стоит помнить, что ориентир может быть материализован в виде архитектурного сооружения, а символический центр – не совсем. Он порожден в сознании как главная духовная ценность общества, связанная с

пространством архитектурного ориентира, но имеющая гораздо более обширное понимание. Узнавание и признание этого символического центра – возможность вхождения в городское сообщество.

Обратимся к рассмотрению наиболее значимого в системе городского социокультурного пространства ориентира, являющегося символом города (связанным с его символическим центром) и обладающего высокой притягательностью как для горожан, так и для его гостей. Это – часовня Параскевы Пятницы, демонстрирующая глубокие смыслы и проецирующая культурные коды.

Визуализация образа города и горожан в часовне Параскевы Пятницы

Выбор архитектурного сооружения для исследования социокультурного пространства города Красноярска, выраженного с помощью визуального языка, обусловлен тем, что часовня Параскевы Пятницы на Караульной горе (архитекторы Я. Набалов и Я. Алфеев) является уникальным памятником архитектуры как для города, так и края в целом (прил. Б, рис. 1-2).

Описание. Данное религиозное сооружение относится к православным архитектурным памятникам типа «часовни». Оно представляет собой возведенную на высоком цоколе небольшую восьмигранную кирпичную постройку, увенчанную шатровым перекрытием с луковичной главкой. Тело часовни облицовано белой штукатуркой. На ее четырех стенах имеются окна, три из которых функциональны и прикрыты коваными решетками, одно окно является ложным (на восточной грани). Ребра стен подчеркнуты пилястрами, выполняющими как конструктивную, так и декоративную роль. Переход стен к шатровому перекрытию оформлен обрамляющими дугами в форме кокошников, которые встречаются и в оформлении оконных проемов. Перекрытие шатра завершается четырехгранным барабаном, который выступает основанием для увенчанного крестом купола.

Размеры. Сооружение часовни очень компактно. Имея высоту 15 м и диаметр 7 м, часовня при этом выглядит достаточно монументально и величественно.

Месторасположение. Часовня Параскевы Пятницы располагается в ключевой, символической точке города Красноярска.

Во-первых, часовня возведена на возвышенности, на яру – в месте, где соединяются небо и земля. Именно в связи с подобного рода природным ландшафтом Красноярск и получил свое именование – «Красный Яр». Где «красный» несет значение не только цвета, но и говорит о таких качествах и характеристиках возвышенной земли, как «прекрасная» и «красивая».

Во-вторых, данное место издревле наделено сакральным значением. Еще до прихода русских покорителей гора именовалась Кум-Тэгей (песчаная сопка) и на ней располагалось языческое капище, посредством которого древние татары-качинцы общались с духами природы.

В-третьих, территория, на которой расположена часовня, является одним из «начал» города. Основание Красноярска происходило на левом берегу Енисея, поэтому на горе, названной впоследствии Караульной, в XVII веке была сооружена смотровая вышка, откуда казаки несли дозор, охраняя землю от набегов неприятелей. Открывавшаяся широкая панорама с этой точки давала такую возможность. Здесь же был водружен крест, возле которого служили первые молебны, благословляя зарождающийся город и миссию казаков по освоению новых территорий. Затем на этом месте была воздвигнута первая деревянная часовня, символизирующая победу над врагами, что и предопределило закрепление архитектурным объектом пространственной точки города как сакрального места объединения российского государства с сибирскими землями.

В середине XIX века на этом же месте была построена новая, уже каменная часовня, которая сохранилась до наших дней. Как и прежде, она имеет обособленное расположение, являясь единственным сооружением на холме. Вкупе с природным ландшафтом часовня образует мощную

архитектурно-пространственную доминанту с очень выразительным и запоминающимся силуэтом. Сегодня это место называется микрорайоном Покровка и входит в состав Центрального района города.

С большой долей уверенности можно предположить, что само по себе место возведения часовни имеет большое значение для понимания сути города Красноярска, моделируемой визуальным образом.

По характеру первичных построек часовню можно рассматривать двояко: и как несомненную фиксацию святого места, и как наблюдательный пункт. Как религиозный объект, часовня обладает сакральной функцией, обеспечивая связь человеческого мира с миром божественным. Как ясная вертикаль, как посредник, она выступает не только ориентиром человека в пространстве, но и является ориентиром для его души. Расположение на горе, на священном месте, символизирующем собой Горний мир, превозносит постройку над всем городом, распластанным у ее подножия. Как узловая точка между миром земным и миром небесным часовня собирает в себе божественную энергию и через эманационное движение распространяет божественный диктат на весь город. Ещё в древности люди стремились возвести храм, жилище Бога на возвышенности, на горе, на самой высокой точке ландшафта, чтобы все жители осенялись благим светом. Гора всегда несла в себе сакральный смысл; люди, чьи души искали умиротворение и покой, уходили в горы, чтобы обрести гармонию человеческого духа с духом божьим. Также часовня Параскевы Пятницы является оберегающим символом, амулетом для каждого жителя города. Будучи расположенной на месте смотровой башни, она выступает воплощением всевидящего ока святой силы, под присмотром которой находится весь город. Часовня – защитник духовного мира человека.

Именованье. Святая сила обозначена в данном памятнике достаточно определенно. Параскева Пятница – одна из популярнейших святых на русской земле, целительница душевных и телесных недугов, избавительница от хвори и дьявольского наваждения.

Ее двойное имя отсылает к объединению православной мученицы с образом языческой богини Мокоши, поклонение которой совершалось обычно по пятничным дням. В древние времена на перекрестках дорог часто устанавливали столбы с изображением святой. Эти места считались священными, так как заблудший путник всегда мог найти правильный путь, как в физическом, так и духовном планах. Единение государственной православной и языческой составляющих в имени и функциях святой воспринималось более естественно для новых осваиваемых территорий.

Как и сама Параскева, часовня выполняет функцию посредничества между божественным и человеческим мирами. Город находится под защитой и покровом святой великомученицы, а значит, и сама красноярская земля наполнена благом.

Строительный материал часовни не однороден. Фундамент сооружения выложен из больших квадров камня, основными свойствами которого являются твердость, устойчивость, опорность. Это можно интерпретировать следующим образом – часовня является основанием и твердью города, она собирает его вокруг себя и в тоже время является его началом и источником. Сама часовня построена из кирпича и сверху облицована плотным слоем штукатурки. Подобный тип кладки не случаен, в архитектурном произведении он несет в себе символику построения социальной целостности, где значимой является жизнь каждого отдельного человека. Белоснежная штукатурка, нанесенная на кирпичные стены, свидетельствует о покровительстве божественных сил над жителями города.

Таким образом, техника строительства сооружения символизировала собой значимость каждого горожанина, значимость единства народа, проживающего на данной территории.

Символическое значение архитектурных объемов часовни Параскевы Пятницы.

Самыми важными в часовне выступают элементы ее конструкции. Восьмерик в основании часовни весьма символичен, он отсылает к

бесконечному началу, к значению мироздания, в котором правят согласие и гармония. Восьмерик несет в себе идею целостной системы существования, в которой для человека уделено свое конкретное место.

Интересно то, что восьмерик и венчающее его шатровое перекрытие являются характерными формами для древнерусского деревянного и каменного зодчества, распространенного на севере и северо-западе России в XVI веке. В период правления Ивана IV был выработан своеобразный архитектурный стиль, визуально фиксирующий новую русскую государственность¹⁷³, ориентированную на сплочение и соборность территорий вокруг сакрального центра – Москвы.

Этот отсыл не случаен, таким образом указывается пространственно-временная связь между часовней и другими культовыми сооружениями России. Связь с русским зодчеством подчеркнута и украшением фасада аркатурными поясками, полукружиями закомар, оживляющими белые стены пилястрами, арочными поясами и узкими конусовидными нишами. Посредством обращения к подобным строительным решениям часовня как архитектурное сооружение пытается воссоздать преемственную связь города с государством в целом, продемонстрировать преемственность традиций. Это означает, что Красноярск как город может функционировать только в рамках Российского государства и никак иначе.

Символическое значение архитектурного облика часовни Параскевы Пятницы.

Как уже было сказано в теоретической главе исследования, архитектурные сооружения преобладают над другими коммуникативными средствами социокультурного пространства, являясь постоянным окружением человека. В своих конструкциях они воплощают сам социум, демонстрируя специфику отдельных его поколений и условий их жизни.

¹⁷³ Семенова А.А. Модификация древнерусского концепта «государство» в российской культуре XXI века (методологический аспект) : дисс. ... канд. филос. наук : 24.00.01. Великий Новгород, 2009. 198 с.

В часовне Параскевы Пятницы (в ее истории и ее облике (прил. Б, рис. 3-4)) можно заметить подобные изменения. Известно, что во время правления Советской власти, когда довлела идеология атеизма, часовня была запущена и заброшена. Конструкция сооружения порядком обветшала. Потеряв значимость, символический центр города сместился с часовни на проспект Мира, застроенный в середине XX века административными и культурно-образовательными сооружениями в стиле «сталинский ампи́р». Центральный райком КПСС, Краевой Дом Советов, Отделение Госбанка, здание речного вокзала, здание драматического театра им. А.С. Пушкина и прочие сооружения стали формировать образ города, конструировать идентичность красноярцев. Социоцентрическое качество городской застройки осталось, но теперь сплочение общества происходило не путем веры в Бога и божественную предопределенность, а путем веры в политического лидера и программный курс коммунистического будущего. Красноярск в данный период стал очень типичным советским городом.

В 1990-х годах, с приходом новой власти и установлением новой политики, у города вновь появляется потребность восстановить утраченный уникальный облик через духовные ориентиры в пространстве. В 1996 году часовня была реконструирована с учетом новых потребностей горожан. Был изменен внешний и внутренний ее облик.

- Часовня вновь стала вздыматься над массивами городской застройки.
- Пространство вокруг часовни было оформлено в качестве торжественного подступа к памятнику в виде лесенок и дорожек из брусчатки. Появился ранее не обозначенный мотив пути к часовне с ярко проявленным вектором движения.
- Часовня обрела более четко обозначенный фундамент.
- В нише ложного окна появился наглядный образ святой Параскевы.
- Акцент сместился на маковку купола, которая стала большей в размерах и обрела золоченый вид.

- Интерьер обрел живописный вид, на стены были нанесены фрески.

Подобные изменения могут свидетельствовать о следующем: если первоначальный облик часовни преимущественно визуализировал город в качестве пространства, продолжающего Российское государство, опирающегося на принципы веры в Бога и царскую власть, зависимость от центра (изначально диктатная направленность композиции сооружения), то новый ее вид скорее говорит о стремлении горожан к уникальному выражению города, с его специфическим характером и неповторимым обликом (энтузиазная направленность композиции). Недаром акцент смещается именно на изображение святой – покровительнице Красноярска.

Сегодня часовня озаряет своим свечением весь город, так как ее видно из многих точек Красноярска. Ее сияние, подчеркнутое золотым куполом, видно не только днем, но и ночью, когда с помощью установленных фонарей создается особенная теплая атмосфера вокруг часовни, таким образом, она является своеобразным спутником и в светлое, и в темное время суток.

Визуализация образа горожанина в архитектуре часовни Параскевы Пятницы.

Исходя из анализа архитектурного произведения часовни Параскевы Пятницы, можно выявить и конструируемый образ жителя Красноярска. Красноярец – это человек духовный, ищущий взаимодействия с природой, высшими силами. Часовня помогает ему в духовном становлении.

Часовня Параскевы уникальна, в Красноярске больше нет подобного рода культовых сооружений. Эта часовня является узловой точкой притяжения и собирания городского пространства на протяжении нескольких веков. Благодаря часовне горожане могут обернуться к историческим истокам города и жизни региона в целом. Посредством архитектурных форм она объединяет социум в духовном стремлении, а также демонстрирует природное, священное покровительство над городом. Часовня выступает эталоном гармоничного отношения человека со сверхчувственным началом. Архитектурный объем часовни как элемент социальной идентификации в

пространстве предлагает горожанам ценностные ориентиры: веру в высшие силы, которые присутствуют повсеместно; важность духовной составляющей в жизни; необходимость встраивания своей жизни в структуру Российского государства и мира в целом.

Как магнит, часовня Параскевы Пятницы притягивает к себе внимание и взоры всех людей. Многие известные люди приходили на Караульную гору для созерцания и вдохновения. Известно, что русский живописец В.И. Суриков часто работал на этом месте, ученый-изобретатель А. Попов наблюдал с этой горы солнечное затмение. Каждый человек стремится хотя бы раз оказаться на этой вершине, дотронуться до стен данного сооружения, почувствовать себя путником, добравшимся до храма спасения. Перед оказавшимся там человеком открывается панорама всего города, он словно стелется под ногами, позволяя ступить туда. Можно наблюдать, как гармонично город вписывается в окружающее его природное пространство, как ласково огибает реки и горы, как поднимается на возвышенности и спускается в низины, точно повторяя контуры земли. Сам город, словно река, наполняет все пространство, где жизнь людей и является тем самым течением, иногда бурным, порою плавным, но всегда движущимся вперед.

Кроме этого, рядом с часовней находится пушка, сигнализирующая каждый день о наступлении полудня в городе. Можно определить, что часовня является не только ориентиром человека в пространстве, но и позволяет ориентироваться во времени. Таким образом, часовня Параскевы Пятницы является памятником, содержащим в себе качество идеального защитника, обороняющего человеческие души, качество связующего столпа, религиозного стержня, способствующего к восстановлению связи конечного человека и бесконечного начала, и обладает качеством пространственного и временного ориентира.

Часовня, как и многие другие религиозные сооружения, определяла специфику социокультурного пространства г. Красноярска в досоветский

период. Исходя из анализа, можно говорить, что данное сооружение является собой концептуальное понимание русского города.

В советское же время была актуализирована идея доминирования общественного над индивидуальным, мысль примата материи над духом. Поэтому основное внимание в городской застройке уделялось масштабным проектам, связанным с формированием общественного пространства, строительством общественных сооружений, в функциональности которых нуждалось государство.

Визуализация образа города и горожан в здании речного вокзала.

Здание красноярского речного вокзала (архитектор А.М. Голубев), построенное в период с 1948 по 1952 гг., можно рассмотреть в качестве еще одной узловой точки в городе (прил. В, рис. 1-2). Его выбор связан с тем, что данное здание формирует еще одно важное определение Красноярска как города на великой реке.

Описание. Здание речного вокзала является крупным транспортным сооружением типа «блок-галерея». Оно представляет собой возведенную на высоком рустованном цоколе постройку, состоящую из трех объемов – центрального павильона и боковых ризалитов. Трехчастная структура характерна и для оформления фасадов.

Главный фасад здания обращен к Енисею. Центральный павильон оформлен в виде арочного портика со сдвоенными колоннами, имеющими в сечении круглую форму. Карниз портика выступает основанием для небольшой, квадратной в плане башни, окруженной колоннадой. Башня увенчана высоким шпилем со звездой, который в основании напоминает обелиск. В целом, композиция павильона, будучи противопоставленной более низким боковым корпусам, господствует в ансамбле.

Крылья сооружения представлены как галерея, оформленная колоннадой большого ордера, колонны имеют в сечении форму квадрата. Для оформления фасада со стороны города использованы пилястры.

Размеры. Сооружение монументально и величественно, что позволяет ему быть легко обозримым. Специально разработанный подход к вокзалу в виде парадной лестницы как бы приподнимает здание, дополнительно выделяя его в пространстве городского ландшафта.

Месторасположение. Здание речного вокзала расположено в Центральном районе города по адресу ул. Дубровинского, 1, перпендикулярно ул. Парижской Коммуны и параллельно центральным улицам города и реке. Оно является точкой отсчета для береговой улицы.

Оформление и благоустройство набережной, запланированное городскими властями еще в начале XX века, – только одна из составляющих идеи места возведения данного сооружения. При внимательном рассмотрении можно выявить еще одну значимую идею расположения данного архитектурного сооружения – неотъемлемую связь с рекой. Енисей считается самой полноводной рекой в России и по праву называется великим и могучим Енисеем-батюшкой. Данная река выступает не только водной артерией, которая формирует город, но и транспортной линией, которая связывает Красноярск с другими населенными пунктами региона, делая его краевым центром. Здание речного вокзала наделяется качеством узловой точки, становится символом пути, знаком регионального развития.

Строительным материалом речного вокзала, в основном, выступает железобетон – основной материал «сталинского ампира». Данный материал должен был демонстрировать идею технического прогресса, который был неотъемлемой частью политики нового государства.

Символическое значение архитектурных объемов здания речного вокзала.

План здания речного вокзала имеет протяженный вид. Все объемы здания взаимосвязаны между собой. В нем можно усмотреть визуализацию обширного сибирского пространства и его освоения человеком, который упорядочивает его, внося четкий ритм колонн и оконных проемов.

Несмотря на свою горизонтальную протяженность, в речном вокзале преобладает вертикальная ось. Она задает симметрию сооружению, демонстрируя четкие, правильные объемы вокзала, а вместе с тем придает ему характеристики плотности и устойчивости, твердую опору идей государственности. Эту идею подчеркивает венчающая шпиль красная звезда – символ Красной армии и диктатуры пролетариата, базовых составляющих Советского Союза.

Символическое значение архитектурного облика здания речного вокзала.

Архитектурно-художественный облик здания речного вокзала в Красноярске, как и многие другие сооружения данного типа в Советском Союзе, во многом напоминает ансамбль Химкинского речного вокзала в Москве. Сооружение, послужившее образцом для анализируемого памятника, было возведено в 1937 году и воплощало «величие и красоту социалистической эпохи», соответствующие постановлению Центрального комитета ВКП(б) «О генеральном плане реконструкции города Москвы». Главные заимствования прослеживаются в плане здания и стиле постройки. «Сталинский ампи́р» – разновидность классицизма, призванного демонстрировать величие страны, ее имперские качества. Основной упор был сделан на применении ордерного строя, который создавал новую систему – структурированную, упорядоченную, правильную.

То, что у здания есть столичный прототип, говорит о преемственности центральной линии, перенесении государственных решений на локальный уровень.

Так как строительство речного вокзала было реализовано только после окончания войны, в его художественном образе был запечатлен пафос победы советского народа в Великой Отечественной войне, а также идея строительства новой жизни. Везде считывается традиция советской архитектуры послевоенного времени.

Еще один важный момент – речной вокзал не является одиночным зданием, а представляет комплексное сооружение, куда входят привокзальная площадь и благоустроенная набережная. Архитектурное сооружение замечательно включено в окружающую среду, поэтому качества величия и мощи здания накладываются и на сам город.

Здание речного вокзала удачно вписалось в планировочную ткань города, став одним из знаковых сооружений Красноярска. Его символичность несомненна не только для жителей города, но и для его гостей. Об этом свидетельствует тот факт, что в 1958 году макет речного вокзала был отмечен серебряной медалью на международной выставке в Брюсселе.

Визуализация образа горожанина в здании речного вокзала.

Помимо формирования образа Красноярска как советского города, здание речного вокзала демонстрирует и идеал советского человека – стойкого, открывающего перед собой новые пути. Житель Красноярска моделируется как личность, впитывающая идеалы советского образа жизни, личность, не знающая социальных различий, входящая в мировой пролетариат.

К сожалению, градостроительное значение речного вокзала заметно снизилось в настоящее время. Здание перестало функционировать. Однако его фасады по-прежнему являют собой хоть и устаревшее, но все еще отчетливое лицо города.

Визуализация образа города и горожан в торгово-деловом центре «Первая башня».

Еще одна символическая точка, к анализу которой необходимо обратиться в данном исследовании, – это небоскреб «Первая башня», возведенный по адресу ул. 78 Добровольческой Бригады, 15. Данное архитектурное сооружение выбрано как третий отчетливый ориентир в городе, во многом определяющий современное пространство Красноярска.

Обращение к данному архитектурному сооружению в диссертационном исследовании определено тем фактом, что возведенная в 2009 году «Первая башня» (архитекторы А.Н. Добролюбов, С.Н. Добролюбов, П.А. Жабин) демонстрирует современную архитектуру, образ города и горожан, актуальные в условиях сегодняшнего дня (прил. Г, рис. 1-2).

Описание. «Первая башня» – объект высотного строительства. Она представляет собой сооружение башенного типа, которое как доминанта ясно и отчетливо считывается в городском архитектурном ландшафте.

Сооружение нельзя назвать целостным и компактным, оно скорее представляет собой набор отдельных разновысотных архитектурных объемов: массивного прямоугольного здания-постаменты, в котором расположен трехэтажный торговый центр; круглой в плане башни, облегченной за счет использования большого количества стекла; и здания-пристройки прямоугольной формы, которое в свою очередь также указывает на сборный характер и сочетает в себе использование стекла и облицовки в равном объеме. Связность элементов друг с другом осуществляется за счет единообразного, сдержанного оформления, выраженного лишь в сочетании геометрии архитектурных объемов и чередовании отделочных плит с оконными проемами. Все декоративные элементы функциональны и подчеркивают конструктивную особенность сооружения.

Перекрытие здания завершается круглой вертолетной площадкой и примыкающей к ней стреловидной в очертании частью башни.

Размеры. На текущий день «Первая башня» является самым высоким сооружением России, построенным за Уралом. Высота наивысшей точки конструктивных элементов башни – 134 м. С высоты верхних этажей бизнес-центра открываются панорамные виды всего города. Площадь всего здания в целом составляет 53 216 кв. м. Данные размеры весьма внушительны и масштабны, сооружение выглядит впечатляющим как с дальнего, так и близкого расстояния. Подобные размеры говорят об амбициозности проекта,

о том, что данное сооружение стремится преобладать над окружающим пространством, определять его дальнейшие преобразования.

Месторасположение. Торгово-деловой центр располагается в центре деловой жизни региональной столицы – микрорайоне Взлетка, вблизи ключевых транспортных развязок (Новосибирск, Иркутск, аэропорт Емельяново). При этом он находится достаточно близко к историческому центру города.

Место строительства «Первой башни» выбрано неслучайно. Взлетка – молодой район, возведенный на территории бывшего аэропорта «Красноярск», он постоянно демонстрирует свойственные ему качества: мобильность, изменчивость, рост. Об этом свидетельствуют многочисленные жилые комплексы высокой этажности, построенные по индивидуальным планам на Взлетке, а также обилие торгово-развлекательных и деловых центров. Домов, характерных для привычных типовых спальных районов, здесь очень мало. Здесь все чаще реализуются одни из самых дорогостоящих проектов.

Можно сказать, что даже месторасположение постройки оказывает влияние на моделируемый ею образ городского пространства. Она представляет Красноярск как место притяжения большого бизнеса, богатых и энергичных людей. Недаром «Первая башня» возглавляет рейтинг самых востребованных центров и является площадкой для работы крупнейших российских компаний и прочих статусных арендаторов¹⁷⁴, таких как ЗАО «Ванкорнефть», международная нефтесервисная компания «Шлюмберже», ООО «Монолитстрой» и т.д.

Именование. Даже название свидетельствует о вышесказанном. Первоначально здание торгово-делового центра должно было называться «Monolit-Gold», что сразу же говорило о высоком классе данной постройки и должно было вызывать ассоциации с элитарностью, статусностью, дороговизной. Затем название решили изменить. «Первая башня» стало

¹⁷⁴ Рейтинг составлен журналом «ДК-Красноярск» №20 от 14 октября 2013 г.

зданием номер один, зданием, которое первым открывает новые перспективы перед городом, создает новый образ города и его жителя. «Первая башня» – имя лидера, демонстрирующего значительный потенциал развития и роста, это показатель прогресса экономики и престижа преуспевающих фирм.

Основным *строительным материалом* в данном торгово-деловом центре выступает кирпич. Для отделки использованы современные композитные панели, зеркальное стекло, навесные фасады. Таким образом, техника строительства сооружения несомненно указывает на социоцентрическую значимость архитектурной постройки, но внешняя облицовка делает ее более узко ориентированной. Дорогие, качественные отделочные материалы указывают, что это постройка для элиты.

Символическое значение архитектурных объемов торгово-делового центра «Первая башня».

Конструкция рассматриваемого сооружения непривычна для Красноярска, поэтому сразу привлекает к себе внимание. План сооружения имеет не симметричную конфигурацию. Прямоугольный стилобат указывает на то, что торговый центр выступает символом устойчивости всей конструкции здания. Опорой в данном случае выступает именно экономическая деятельность, направленная на осуществление купли-продажи товаров. Средний объем сооружения и круглая башня, в которых расположены офисы самых взыскательных арендаторов, визуализируют динамику и рост прибыли. На данную идею оказывает влияние и общий абрис фасадов здания. Несимметричный общий контур «Первой башни» напоминает возвышающиеся ступени пьедестала почета или растущие показатели графика прибыли.

Разные объемы сооружения указывают на индивидуальность компаний, промышленных групп, торговых фирм, арендующих площади «Первой башни». При этом, здесь есть конструктивные элементы, которые объединяют их. Так, круглая башня, контрастирующая с другими объемами, сглажена за счет обнимающей ее прямоугольной конструкции. Это символ

делового сотрудничества, возможного на всех уровнях торгово-экономических отношений.

Символическое значение архитектурного облика торгово-делового центра «Первая башня».

Если облик часовни Параскевы Пятницы указывал на русскую традицию и отсылал к известным сооружениям Русского государства, то Первая башня скорее напоминает архитектуру крупных американских городов. Это еще одна причина, по которой здание стало ярким ориентиром в пространстве, – новизна и соответствие мировым трендам в области архитектуры. Уже давно в мире практикуется строительство подобных сооружений – простых по форме, но вызывающих интерес обильным покрытием стекольными плитами, которые отражают окружающее пространство. Зеркальные стекла, которыми снаружи покрывается сооружение, демонстрируют не только знание мировых тенденций в архитектуре, но и развитые технологии. Так, первые небоскребы, возведенные на территории Америки, были восприняты как сенсационные в области строительства. Они были призваны отражать успешную экономику страны и демонстрировали ее взаимосвязь не только с технологическими инновациями, но и эстетикой. Также и «Первая башня» визуализирует развитие и рост экономических структур в Красноярске, выступает ориентиром не только для горожан, но и выполняет функции городского знака, репрезентирующего целый город и регион для гостей города. Данный торгово-деловой центр является эмблемой стремительного развития и прорыва, он полностью соответствует постмодернистской эпохе.

«Первая башня» не первое сооружение типа «небоскреб» в Красноярске. Здание «КАТЭКНИИУголь» должно было стать символом изменений еще в начале 80-х годах XX века, но так и не смогло этого сделать, превратившись в символ застоя. Возведенная в короткие сроки «Первая башня» преодолела данную грань.

Обращаясь к идейному аспекту, стоит отметить, что небоскрёб как огромный стержень воплощает прорыв человеческих возможностей. При наличии горных ландшафтов, большом количестве диктатной архитектуры, здание «Первой башни» указывает на энтузиазное движение – стремление сделать город более современным, соответствующим западному уровню. Это в большей степени тяготение к типическому, демонстрация желания сделать Красноярск глобальным городом, форпостом бизнеса, центром делового сотрудничества.

Характерно то, что в Красноярске планируется возведение еще нескольких подобных высотных сооружений.

Визуализация образа горожанина в архитектуре торгово-делового центра «Первая башня».

Архитектурное произведение «Первая башня» позволяет выявить и конструируемый образ человека. В отличие от предыдущих архитектурных памятников, торгово-деловой центр формирует образ не человека места, а человека мира, открытого для постоянных путешествий и изменений. Это попытка взглянуть в будущее, не опираясь на собственные корни. Архитектурный объем торгово-делового центра как элемент социальной идентификации в пространстве предлагает горожанам новые ценности: комфорт, престиж и безопасность. Последняя ценность, как писал М. Дэвис, становится весьма значимой для современного горожанина. В «Первой башне» идея страха весьма очевидна. Внешняя открытость миру (выход на три улицы; 78 Добровольческой Бригады, Молокова и Алексеева) – лишь кажимость. В здании самая современная система охраны, строгий пропускной контроль.

Таким образом, «Первая башня» конструирует пространство, отражающее власть денег и политику государства. Это тенденция не национального уровня, а интернационального. Пространство, которое зависит от крупных центров производства и расширенной сети предпринимательства. Это пространство капитала.

Более того, это пространство, стирающее все различия. Различия, связанные с природным ландшафтом и историей города, а также различия, связанные с геокультурной идентификацией человека. Это пространство, которое конструирует центры богатства и власти, тем самым становясь причиной городской сегрегации.

Как отмечают видеоэкологи, строительство подобного рода сооружений формируют гомогенный тип пространства. Здания, оформленные стеклянными поверхностями, вкупе с асфальтовым покрытием улиц лишают пространство уникальности, растворяют его, дезориентируют человека. Они являются порождением массовой культуры, а не произведениями архитектуры.

Данный образ города и горожан – «воображаемый», формируемый в сознании самим пространством. И этот образ считываемый. По крайней мере, представителями современного креативного класса в городе.

Социально-философское исследование архитектурных сооружений: часовни Параскевы Пятницы, здания речного вокзала и торгово-делового центра «Первая башня» – позволило сделать следующие выводы:

1. Проанализированные архитектурные сооружения города Красноярска являются узловыми, символическими точками города, важными ориентирами, поддержанными дополнительными градостроительными решениями. Каждое из них характеризует городское пространство с позиции времени их возведения, но при этом оказывает существенное влияние на современное пространство города.

А) Часовня Параскевы Пятницы формирует идеальную модель города, которая демонстрирует, с одной стороны, его связь с историческим прошлым (неизменное основание), с другой стороны, предопределяет устремлённость в будущее (возможность внешних изменений в соответствии с требованиями времени). Элементы структуры часовни визуализируют как преемственную связь города с

государством (Красноярск как стратегически важная, опорная точка взаимодействия цивилизованного центра с дальними территориями, воплощение микро-образа столицы), так и его самобытность (Красноярск как город, сформированный очертаниями древних природных форм).

Очень важен акцент религиозности пространства города Красноярска, имеющий интересный, совершенно бесконфликтный сплав государственной и архаической форм вероисповедания. Красноярск – город веры: веры в высшие силы, веры в духов природы, веры в свое общество и себя.

Пространство города, выраженное в архитектурном памятнике часовни, вырабатывает ценности принадлежности человека к макросоциальному единству (на уровне государства) и к единству микросоциальному (в рамках городской агломерации). Можно говорить, что оно ориентировано на формирование гармонично развитой личности, человека, трепетно относящегося к своей истории, чтящего свои корни и обладающего крепким духовным стержнем, организующим его бытие.

Б) Здание речного вокзала раскрывает еще одно важное определение пространства: Красноярск – город на великой реке, город на Енисее. Данная река выступает не только водной артерией, которая формирует город, очерчивает его берега, но и транспортной линией, которая связывает Красноярск с другими населенными пунктами региона, делая его краевым центром. Таким образом, здание речного вокзала формирует образ города как отправной точки, наделяет его знаком регионального развития. Прогресс города, как показывает анализ здания вокзала, напрямую сопряжен с придерживанием четкого курса центральной власти. Красноярск – центр советской идеологии в Восточной Сибири.

Здание речного вокзала демонстрирует и свой идеал горожанина – стойкого гражданина, осваивающего новые территории и их ресурсы. Житель Красноярска моделируется как личность, впитывающая идеалы советского образа жизни, личность, не знающая социальных различий.

В) Торгово-деловой центр «Первая башня» конструирует пространство Красноярска как пространство капитала, отражающее власть денег и политику государства, коммерциализацию всех сфер жизни. Красноярск – город бизнеса, центр делового сотрудничества.

Образ человека, конструируемый данным сооружением, связан с характеристиками мобильности, статусности, успешности. Это образ человека мира, не связанного с каким-то определенным «местом». Это образ человека, живущего по принципам «комфорт, престиж и безопасность».

2. Полученные результаты позволяют увидеть не только историческую динамику социокультурного пространства города Красноярска и его текущее состояние, но и выявить те процессы, которые будут определять дальнейшее его развитие в ближайшем будущем:

В современном пространстве города Красноярска соотношение общественного (которое неотъемлемо связано с городом) и частного претерпело значительные изменения. Постсоветская эпоха изменила тенденцию формирования городского пространства. Общественные ценности вытесняются из градостроительных задач, замещаются новыми, индивидуальными. Сегодня очевидно стремление сделать из Красноярска крупный финансовый центр, подобие глобального города.

Историческое изменение визуального облика анализируемых архитектурных сооружений демонстрирует тенденции типизации современного городского пространства. Социокультурное пространство Красноярска находится сегодня в процессе гиперурбанизации – размывания локальной геокультурной идентичности. Красноярск как современный город перестал быть российским городом в концептуальном понимании (как это

было в часовне Параскевы Пятницы): внутренне упорядоченным пространством, демонстрирующим преемственность столицы. Горожане утрачивают идентичность, связь с городом как с уникальным местом, приобретая новые ценности. Происходит стандартизация пространства, место теряет свою культурную специфику.

Современная архитектура Красноярска демонстрирует отсутствие своего стиля, в ней нет новых архитектурных произведений искусства. При этом она отражает главные события и специфику эпохи постмодерна, которая произвела крупнейшее преобразование городского пространства и его жителей.

3. Данный этап исследования был призван осуществить задачу выявления образа города в визуальном тексте. Выводы, полученные в ходе социально-философского анализа, безусловно, не могут считаться всесторонним знанием об архитектурных памятниках. Они направлены исключительно на раскрытие сути образа Красноярска и его горожан, явленного через архитектурные ориентиры. Важно отметить, что если представление о городе является и не единственным смыслом рассматриваемых зданий, то, во всяком случае, одним из наиболее значимых и актуальных смыслов в данных архитектурных сооружениях.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Социокультурное пространство современного российского города (на примере г. Красноярска) представляет собой форму социального пространства, где проходят процессы социальной, культурной, региональной идентификации и самоидентификации. Потребность в развитии социально-урбанистических исследований обусловлена и научно-теоретическими задачами в области социальной философии, и практической потребностью работы с городскими пространствами.

Исторический обзор представлений о «городе» показал многозначность его трактования, где каждое определение раскрывает как свои положительные стороны, так и содержательные недостатки. Для преодоления терминологической полисемии и достижения определенного консенсуса был проведен анализ концепта «город» в российской культуре. Посредством обращения к словарным определениям, а также рассмотрения его вербального и визуального образов на материале «Повести временных лет» и листов «Летописного лицевого свода» была раскрыта первоначальная многоаспектная сущность изучаемого явления. Город как концепт – это и собственно стены, которые опоясывают поселение, и территория, обороненная от неприятеля, и место духовного возвышения человека посредством принятия истин православной церкви и воли русского князя, и пространство культуры, в котором отображены образ государства и эпохи, портрет проживающего в нем общества.

Далее внимание было сосредоточено на пространственном изучении города: рассмотрены современные зарубежные концепции и теории города, а также изучены факторы формирования и развития городского пространства.

Рассмотрение основополагающих исследовательских дисциплинарных направлений, работающих с городской проблематикой, позволило сделать интересные выводы. В ходе своего развития различные научные подходы (география, социология, антропология и т.д.) постепенно преодолевали

изначальную односторонность в исследованиях и переходили к изучению многообразных городских феноменов и явлений, существующих на стыке дисциплин, тем самым демонстрируя тяготение к синтетичности, расширению методологических возможностей, опоре на актуальные философские воззрения и т.д. Данное умозаключение позволило прибегнуть к социально-философскому подходу, в котором обращение к разнообразным концепциям и методам позволяет глубоко и всесторонне осмыслить городское пространство и его уникальные составляющие.

Было выявлено, что наиболее продуктивными для изучения пространства современного российского города являются актуальные социально-философские теории постмодернизма, особое место среди которых принадлежит концепции производства пространства А. Лефевра и Э. Соджи. В данном подходе современное городское пространство рассматривается не как физическая данность, а социокультурное явление, вновь и вновь создаваемое людьми, подверженное многочисленным изменениям в процессе своего экономического и культурного функционирования. Его характеристиками выступают: сконструированность природы и конструктивный потенциал, процессуальность и изменчивость, иерархичность, образность, знаковость и символичность. Последние характеристики проявляются в репрезентации современного городского пространства через конкретные формы (архитектура, скульптурные композиции и памятники и т.д.). Культурный механизм производства пространства города раскрывается через триаду «восприятие – осмысление – проживание» – не просто как способ наблюдения и интерпретации пространства, а способ жизни в нем. Еще одной важной характеристикой выступает двоичность конструкции пространства, выстраивающая концептуальное пространство жизни городского общества. Она включает реальное и воображаемое пространства. Первое проявляется в чертах физического, материального, объективного мира, второе содержит в себе ментальные, концептуальные, субъективные характеристики людей,

связанных с этим пространством. Данная позиция была выбрана в качестве концептуальной базы для исследования пространства современного российского города.

Следующий шаг диссертационной работы был связан с применением результатов теоретических изысканий для прикладного исследования в области социальных исследований города. Для этого был проведен анализ пространственной среды г. Красноярска через основные ее элементы – репрезентанты, оказывающие влияние на процессы идентификации и самоидентификации жителей города.

Так как система городской репрезентации имеет сложный характер, и ее познание требует особого исследовательского инструментария, то для этого была разработана специальная методологическая стратегия, опирающаяся на комплексное использование методов семиотического и философско-искусствоведческого анализа. Первый метод направлен на рассмотрение знаковой составляющей городского облика, второй – на познание сформированного художественного образа. Оба метода имеют междисциплинарную природу, синтезирующую в себе приемы практических и теоретических методов. Причем практические методы опережают теоретические изыскания, позволяя сформировать для них устойчивый эмпирический базис. Их применение позволяет не только изучить организующий пространство жизни человека архитектурный облик города как визуальный текст, но и выявить внутреннее наполнение этого пространства. Синтез обозначенных методов возможно рассматривать как пример социально-философского анализа. Рассмотрение аналогичных исследований пространства современного города в зарубежном и отечественном научном знании подтвердило логичность разработанной стратегии.

Затем был осуществлен анализ специфики социокультурного пространства Красноярска посредством обращения к его репрезентантам – ключевым архитектурным памятникам города.

Многие исследователи именно архитектуру полагали как одну из наиболее важных сил в сфере конструирования социальной реальности. Архитектура воздействует на широкую публику – и горожан, и гостей города, что позволяет ей продуцировать определенное отношение к городу, к конкретным местам, порождать определенные ценности и нормы, модели поведения. Практически все без исключения урбанисты заявляли о возможностях посредством архитектуры и прочих символических объектов не только репрезентировать конкретные время и место, но и конструировать повседневную жизнь человека.

Одними из наиболее репрезентативных архитектурных сооружений, активно влияющих на формирование образа современного российского города Красноярска и его горожан, являются часовня Параскевы Пятницы, здание речного вокзала и торгово-деловой центр «Первая башня». Социально-философский анализ данных культурных текстов позволил установить, что каждое из сооружений характеризует городское пространство с позиции времени своего возведения, но при этом оказывает существенное влияние на современное состояние пространства города. Так, в досоветский период понимание города было связано одновременно с его важной государственной миссией и уникальной судьбой. С одной стороны, Красноярск представлял собой стратегически важную, опорную точку взаимодействия цивилизованного центра с дальними территориями, воплощал собой микро-образ столицы. С другой стороны, город изначально проявлял самобытность и уникальность формируемого пространства, где важное значение придавалось его связи с природой и полуофициальным-полуязыческим воззрением. В советский период Красноярск выступал центром советской идеологии в Восточной Сибири, базой регионального развития. Городское пространство отразило данный факт в облике здания речного вокзала. В постсоветское время городское пространство демонстрирует потерю культурного своеобразия, конструируя образ Красноярска как города международного бизнеса и делового сотрудничества.

Социально-философский анализ позволил не только увидеть динамику значимых элементов городской среды в определенные исторические эпохи, но и зафиксировать текущее состояние социокультурного пространства города Красноярска. Определяющими остаются стандартизация пространства и его коммерциализация – основные проблемы современной мировой урбанистики. Сохранение уникального пространственного облика города – важнейшая и актуальная задача как для органов местного самоуправления, так и для наиболее активных социальных субъектов, в том числе общественных объединений горожан. Существует необходимость корректировки культурной политики в региональном центре, что возможно на основе дальнейшего изучения данного феномена в различных видах социального познания. Таким образом, исследовательские задачи диссертационного исследования были решены, поставленная цель достигнута.

В силу множественности символических аспектов социокультурного пространства современных российских городов, региональных центров, данное направление исследования имеет ряд перспективных линий. Например, для более целостного представления об образе города требуется проведение анализа других представляющих важность архитектурных объектов – административных, культурных, образовательных и т.д. сооружений, а также проведение подобных исследований в других городах России и сопоставление полученных результатов с уже имеющимися данными. Помимо этого, представляется перспективным и целесообразным дальнейшее изучение социокультурного пространства современного российского города с точки зрения горожан как реципиентов, воспринимающих, осмысляющих и проживающих его символическое пространство.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Агеева, Е.Ю. Город как социокультурное образование (Функционально-типологический анализ) : дис. ... д-ра филос. наук : 24.00.01 / Агеева Елена Юрьевна. – Н. Новгород, 2005. – 355 с.
2. Алексеева-Бескина, Т.И.. Саморазвивающаяся система города и константы переходных процессов урбогенеза / Т.И. Алексеева-Бескина // Город в процессах исторических переходов. – М., 2001. – С. 71–162.
3. Алтухов, В. Философия многомерного мира / В. Алтухов // Общественные науки и современность. – 1992. – №1. – С. 30–54.
4. Американская социологическая мысль / Р. Мертон, Дж. Мид, Т. Парсонс, А. Шюц. – М.: МУБП, 1996. – 560 с.
5. Антипин, А. Особенности социального зонирования городского пространства Перми / А. Антипин // Российское городское пространство: попытка осмысления. Сер. Научные доклады / под ред. В.В. Вагина; МОНФ. – М., 2000. – Вып. 116. – С. 78–91.
6. Анциферов, Н.П. Душа Петербурга [Электронный ресурс] / Н.П. Анциферов. – Режим доступа: http://www.gramotey.com/?open_file=1269041149.
7. Анциферов, Н.П. Пути изучения города, как социального организма. Опыт комплексного подхода [Электронный ресурс] / Н.П. Анциферов. – Л.: Сеятель, 1926. – 151 с. – Режим доступа: <http://www.twirpx.com/file/563763/>.
8. Арнхейм, Р. Искусство и визуальное восприятие / Р. Арнхейм. — сокр. пер. с англ. В.Н. Самохина, общ. ред. и вст. ст. В.П. Шестакова. — М.: Прогресс, 1974. – 392 с.
9. Аскин, Я.Ф. Пространство, время, движение / Я.Ф. Аскин. – М., 1971. – 126 с.

10. Ахиезер, А.С. Город и диалог / А.С. Ахиезер // Культурный диалог города во времени и пространстве исторического развития. – М.: Мир культуры, 1996. – С. 15–22.
11. Ахиезер, А.С. Диалектика урбанизации и миграции в России / А.С. Ахиезер // Общественные науки и современность. – 2000. – № 1. – С. 26–40.
12. Ахмедли, Дж.Т. Пространство и время (Гипотезы, парадоксы, факты) / Дж.Т. Ахмедли, И.И. Фельдман. – Баку: Поиск, 1991. – 241 с.
13. Ахнаева, Н.А. Феномен петербургской идентичности: анализ конструирования и функционирования : дис. канд. социол. наук. 22.00.06 / Ахнаева Надежда Александровна. – Санкт-Петербург, 2004. – 126 с.
14. Бабаева, А.В. Современная западная философия о культурном пространстве [Электронный ресурс] / А.В. Бабаева. – Режим доступа: <http://anthropology.ru/ru/texts/gathered/modern/index.html>.
15. Баньковская, С.П. Социально-экологическая концепция города в американской социологии // Известия Академии наук Латвийской ССР. – Рига, 1987. – № 1. – С. 5–11.
16. Баньковская, С.П. Эрнст Берджесс / С.П. Баньковская // Современная американская социология – М., 1994. – С. 20–32.
17. Барт, Р. От произведения к тексту / Р. Барт. Избранные работы: Семиотика: Поэтика: пер. с фр., сост., общ. ред. и вступ. ст. Г.К. Косикова. – М.: Прогресс, 1989. – 616 с.
18. Барулин, А.Н. Основания семиотики. Знаки, знаковые системы, коммуникация / А.Н. Барулин. – Ч. 1. – М.: Спорт и культура, 2002. – 464 с.
19. Беляева, Е.Л. Архитектурно-пространственная среда города как объект зрительного восприятия / Е.Л. Беляева. – М.: Стройиздат, 1977. – 125 с.
20. Бергер, П. Социальное конструирование реальности: трактат по социологии знания / П. Бергер, Т. Лукман. – М.: Медиум, 1995. – 323 с.

21. Берджесс, Э. Рост города: Введение в исследовательский проект / Э. Берджесс // Социальные и гуманитарные науки за рубежом. Сер. 11. Социология. – 2000. – № 4. – С. 122–136.
22. Богатырёв В.Р. Развитие города: проблемы, пути, решения. – Горький: Волго-Вятское книжное издательство, 1990. – 128 с.
23. Богданова, Л.П. Генетическая структура городского сообщества как основа формирования территориального сознания / Л.П. Богданова, А.С. Щукина // СОЦИС. – 2006. – №7. – С. 133–136.
24. Бодрийяр, Ж. Город и ненависть / Ж. Бодрийяр // Логос. – 1997. – № 9. – С. 107–116.
25. Бродель Ф. Структуры повседневности: возможное и невозможное. – М., 1986. – Т. 1. – 622 с.
26. Бурдьё, П. Идентичность и репрезентация: элементы критической рефлексии идеи «региона» / П. Бурдьё // Ab Imperio. – 2002. – № 3. – С.45–60.
27. Бурдьё, П. Социальное пространство: поля и практики / П. Бурдьё; пер. с фр. Н.А. Шматко. – М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2005. – 576 с.
28. Бурдьё, П. Социология социального пространства / П. Бурдьё; пер. с фр.; общ. ред. и послесл. Н.А. Шматко. – Москва: Институт экспериментальной социологии, 2005. – 288 с.
29. Быстрова, Т. Архитектура города как средство идентификации и носитель социальной памяти [Электронный ресурс] / Т. Быстрова // taby27.ru. – 2006. – Режим доступа: http://www.taby27.ru/tvorcheskie_raboty/50/85.html.
30. Вагин, В.В. Русский провинциальный город: ключевые элементы жизнеустройства / В.В. Вагин // Мир России. – 1997. – Т. 6. – № 4. – С. 53–88.
31. Вебер, М. Город. История хозяйства / М. Вебер; пер с нем. – М.: КАНОН-пресс-Ц, 2001. – 576 с.

32. Вежбицкая, А. Понимание культур через посредство ключевых слов / А. Вежбицкая. – М.: Языки славянской культуры, 2001. – 288 с.
33. Вежбицкая, А. Семантические универсалии и описание языков / А. Вежбицкая. – М., 1999. – 791 с.
34. Визуальная антропология: городские карты памяти / Под редакцией П. Романова, Е. Ярской-Смирновой (Библиотека Журнала исследований социальной политики). – М.: ООО«Вариант», ЦСПГИ. – 2009. – 312 с.
35. Виноградский, В.Г. Социальная организация пространства: философско-социологический анализ / В.Г. Виноградский. – М.: Наука, 1988. – 187 с.
36. Виноградский, В.Г. Социальная организация пространства / В.Г. Виноградский. – М.: Наука, 1988. – 401 с.
37. Вирт, Л. Урбанизм как образ жизни / Л. Вирт // Избранные работы по социологии; пер. с англ. В.Г. Николаева. – М., 2005. – С. 93–118.
38. Вишневский, А.Г. На полпути к городскому обществу / А.Г. Вишневский // Человек. – 1992. – № 1. – С. 15–28.
39. Власова, Н.Ю. Современные тенденции развития крупнейших городов России / Н.Ю. Власова // Региональная экономика и региональное развитие. – Екатеринбург, 1998. – Вып. 4. – С. 36–42.
40. Вучик, В.Р. Транспорт в городах, удобных для жизни / В.Р. Вучик; пер. с англ. А. Калинина под научн. ред. М. Блинкина. — М.: Территория будущего, 2011. – 576 с.
41. Высоковский, А.А. Визуальные образы городской среды / А.А. Высоковский. – М.: Локус Станди. – 2008. – 236 с.
42. Высоковский, А.А. Управление пространственным развитием [Электронный ресурс] / А.А. Высоковский // Отечественные записки. — 2012. — №3(48). — Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/oz/2012/3/v9-pr.html>.
43. Высоковский, А.А. Точка отсчета городского пространства / А.А. Высоковский // Человек и город: пространства, формы, смысл. — СПб.: Архитектон. — 1995. — 40 с.

44. Гавриляченко, Е.В. Трансформация жизненного пространства современного российского города : дис. ... канд. социолог. наук : 22.00.06 / Гавриляченко Евгений Викторович. – Ростов-на-Дону, 2008. – 181 с.
45. Гевель, Е.В. Образ города в Красноярском урочище / Е.В. Гевель. – Красноярск: Версо, 2012. – 230 с.
46. Гидденс, Э. Устроение общества / Э. Гидденс. – М.: Академический проект, 2003. – 528 с.
47. Глазычев, В.Л. Город без границ / В.Л. Глазычев. – М.: Территория будущего, 2011. – 400 с.
48. Глазычев, В.Л. Города России на пороге урбанизации [Электронный ресурс] / В.Л. Глазычев // Город как социально-культурное явление исторического процесса. – М., 1995. – Режим доступа: http://www.glazychev.ru/habitations&cities/1995_gorod_Rossii_na_poroge_urban.htm.
49. Глазычев, В.Л. Социально-экологическая интерпретация городской среды / В.Л. Глазычев. – М., 1984. – 180 с.
50. Глазычев, В.Л. Урбанистика / В.Л. Глазычев. – М.: Европа, 2008. – 220 с.
51. Говорухин, Г.Э. Символическое конструирование социального пространства осваиваемого региона : социологический анализ : дисс. ... д-ра социолог. наук : 22.00.04 / Говорухин Григорий Эдуардович. – Комсомольск-на-Амуре, 2009. – 337 с.
52. Голд, Дж. Основы поведенческой географии. – М., 1990. – Ч. 1. Основные идеи. Город в современном афро-азиатском мире. – М.: ИНИОН, 1990. – 304 с.
53. Головнева, Е.В. Региональная идентичность как форма коллективной идентичности и ее структура / Е.В. Головнева // Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований. – 2013. – № 5. – С. 42–50.

54. Городской культурный ландшафт: Традиции и современные тенденции развития / Под ред. Т.А.Смолицкой. – М.: Книжный дом «Либроком», 2012. – 272с.
55. Гриценко, А.А. Влияние политических и ландшафтных границ на региональную идентичность в российско-украинском порубежье : автореф. дис. ... канд. геогр. наук. 25.00.24 / Гриценко Антон Алексеевич. – М., 2010. – 25 с.
56. Гуревич, А.Я. Категории средневековой культуры / А.Я Гуревич. – М., 1972. – 302 с.
57. Гутнов, А.Э. Мир архитектуры. Лицо города / А.Э. Гутнов, В.Л. Глазычев. – М.: Молодая гвардия, 1990. – 351 с.
58. Делез, Ж. Что такое философия? / Ж. Делез, Ф. Гваттари. – М.: Ин-т экспериментальной социологии, 1998. – 280 с.
59. Делитц, Х. Архитектура в социальном измерении / Х. Делитц; пер. с нем. М.Б. Вильковский, А.Г. Воробьева // Социологические исследования. – 2008. – № 10. – С. 113–120.
60. Демьянков, В.З. Понятие и концепт в художественной литературе и научном языке / В.З. Демьянков // Вопросы философии. – М., 2001. – №1. – С. 35–47.
61. Дергало, А.А. Регион: диагностика социального пространства / А.А. Дергало, В.И. Ульяновский. – Архангельск: Изд-во Архангельского университета, 1997. – 238 с.
62. Джеймисон, Ф. Постмодернизм или логика культуры позднего капитализма [Электронный ресурс] / Ф. Джеймисон; из книги Postmodernism or The Cultural Logic of Late Capitalism. – Durham, Duke University Press. – P. 1–54. – Режим доступа: <http://do.gendocs.ru/docs/index-107396.html>.
63. Джекобс, Дж. Смерть и жизнь больших американских городов / Дж. Джекобс; Пер. с англ. – М.: Новое издательство, 2011. – 460 с.

64. Дзякович, Е.В. Локальные идентичности в контексте социокультурной динамики российских регионов : дис. ... д-ра культурологии. 24.00.01 / Дзякович Елена Владимировна. – М., 2001. – 326 с.
65. Дмитриевская, Н.Ф. Модернистский и постмодернистский подходы к изучению города как социального феномена / Н.Ф. Дмитриевская // Африка: общество, культура, языки. – М., 1999.
66. Докучаев, Д.С. Региональная идентичность российского человека в современных условиях: социально-философский анализ : дис. ... канд. филос. наук. 09.00.11 / Докучаев Денис Сергеевич – Иваново, 2011. – 181 с.
67. Долгий, В.М. Урбанизация как социокультурный процесс // В.М. Долгий, Ю.А. Левада, А.Г. Левинсон. Статьи по социологии. – М., 1974.
68. Домников, С.Д. Мать-земля и Царь-город. Россия как традиционное общество / С.Д. Домников. – М.: Алетейа, 2002. – 672 с.
69. Дридзе, Т.М. Коммуникативные механизмы культуры и прогнозно-проектный подход к выработке стратегии развития городской среды / Т.М. Дридзе // Город как социокультурное явление исторического процесса. – М.: Институт социологии РАН, 1995. – 369 с.
70. Дридзе, Т.М. Социальная диагностика в градостроительстве / Т.М. Дридзе // Социологические исследования. – 1998. – № 2. – С. 92–98.
71. Дридзе, Т.М. Социально-диагностическое исследование города / Т.М. Дридзе // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. – 1996. – № 1. – С. 21–32.
72. Дулина, Н.В. Социально-пространственная модификация современного российского крупного города : дис. ... д-ра. социолог. наук : 22.00.04 / Дулина Надежда Васильевна. – Волгоград, 2007. – 358 с.

73. Дэвис, М. Планета трущоб [Электронный ресурс] / М. Дэвис // Логос. – 2008. – №. 3. – С. 66. – Режим доступа: http://www.intelros.ru/pdf/logos_03_2008/06.pdf.
74. Жарков, В.И. Диалектика пространства и времени / В.И. Жарков. – Томск: Издательство Томского университета, 1984. – 247 с.
75. Жуковский, В.И. Теория изобразительного искусства: тексты лекций / В.И. Жуковский. – Красноярск, 2004. – 170 с.
76. Жуковский, В.И. Пропозиции изобразительного искусства: учеб. пособие / В.И. Жуковский, Н.П. Копцева. – Красноярск. 2004. – 266с.
77. Жуковский, В.И. Визуальная сущность религии / В.И. Жуковский, Н.П. Копцева, Д.В. Пивоваров. – Красноярск, 2006. – 461 с.
78. Заборова, Е.Н. Город как социальное пространство [Электронный ресурс] / Е.Н. Заборова, А.Ф. Исламова // СоцИс. – 2013. – № 2. – С. 97–101. – Режим доступа: http://www.isras.ru/files/File/Socis/2013_2/Zaborova.pdf.
79. Замараева, Ю.С. Особенности социокультурных трансформаций миграционных процессов в XX – начале XX века (на примере Красноярского края) / Ю.С. Замараева // Современные проблемы науки и образования. – 2014. – № 2. – С. 459.
80. Замятин, Д.Н. Гуманитарная география: Пространство и язык географических образов / Д.Н. Замятин. – СПб.: Алетейя, 2003. – 336 с.
81. Замятин, Д.Н. Культура и пространство. Моделирование географических образов / Д.Н. Замятин. – М., 2006. – 488 с.
82. Замятин, Д.Н. Образы путешествия: социологическое освоение пространства / Д.Н. Замятин // Социологические исследования. – 2002. – №2. – С. 12–22.
83. Зебельшанский, Г.Б. Город как архетип культуры / Г.Б. Зебельшанский // Проблемы истории архитектуры. – М., 1990. – С. 35–41.
84. Зеленов, Л.А.. Социология города : учеб. пособие для студ. вузов / Л.А. Зеленов. – М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 2000. – 192 с.

85. Зиммель, Г. Большие города и духовная жизнь [Электронный ресурс] / Г. Зиммель. – М.: Логос, 2002. – № 3–4. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/logos/2002/3/zim.html>.
86. Иванов, П. Урбанистика в России: насущная потребность или сиюминутное увлечение? [Электронный ресурс] / П. Иванов // Интернет журнал UrbanUrban. – 2012. – Июль. – Режим доступа: <http://urbanurban.ru/2013/05/13/urbanplanning-in-russia>.
87. Иванова, О.А. Семиотический аспект формирования архитектурной среды столичного города [Электронный ресурс] / О.А. Иванова // Архитектон. – 2007. – № 17. – Режим доступа: http://archvuz.ru/magazine/Numbers/2007_1/cont.html.
88. Иконников, А.В. Художественный язык архитектуры / А. В. Иконников. – М.: Искусство, 1985. – 175с.
89. Иконникова, С.Н. Архитектоника и динамизм культурного пространства России / С.Н. Иконникова // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 6. Философия, политология. – 1997. – Вып. 3. – С.33–39.
90. Ильбейкина, М.И. Визуально-антропологическая специфика современных культурных практик / М.И. Ильбейкина // Современные проблемы науки и образования. – 2013. – № 3. – С. 452.
91. Ильбейкина, М.И. Визуальная антропология как актуальная область гуманитарных исследований / М.И. Ильбейкина, Н.П. Копцева // Гуманитарные и социальные науки. – 2014. – № 2. – С. 133–155.
92. Ильин, В.Г. Город: концепт, образ, реальность / В.Г. Ильин. – Ростов-на-Дону: Изд-во РГУ, 2003. – 248 с.
93. Ильин, В.Г. Город как концепт культуры : дис. ... д-ра. социолог. наук. 24.00.01 / Ильин Виктор Григорьевич. – Ростов-на-Дону, 2004. – 331 с.
94. Иудин, А.А. Нижний и нижегородцы: проблема идентичности / А.А. Иудин, А.А. Сериков. – Н.Новгород: НИСОЦ, 2007. – 50 с.

95. Каган, М.С. Град Петров в истории русской культуры / М.С. Каган. – СПб, 2006. – 480 с.
96. Каганов, Г.З. Пространственные образы городской среды / Г.З. Каганов // Труды ВНИИТЭ. – Вып. № 40. – М.: ВНИИТЭ, 1983. – С. 43–59.
97. Каганов, Г.З. Санкт-Петербург. Образы пространства / Г.З. Каганов. – М.: Прогресс, 1995. – 298 с.
98. Каганский, В.Л. Культурный ландшафт и советское обитаемое пространство / В.Л. Каганский. – М.: НЛЮ, 2001. – 576 с.
99. Каганский, В.Л. Ландшафт и культура / В.Л. Каганский // Общественные науки и современность. – 1997. – № 1. – С. 23–29.
100. Калуцков, В.Н. Геоконцепты в географии / В.Н. Калуцков // Культурная и гуманитарная география. – 2012. – Т. 1. – №1. – С. 27–36.
101. Каневский, А. Города и люди / А. Каневский. – М.: Мысль, 1990. – 278 с.
102. Карпов, А.Е. Различение. Пространство в городе / А.Е. Карпов // Социологическое обозрение. – 2001. – Т. 1. – № 2. – С. 58–71.
103. Кастельс, М. Информационный город. Информационная технология, экономическое реструктурирование и регионально-городской процесс [Электронный ресурс] / М. Кастельс; пер. В.В. Вагина. – Режим доступа: <http://www.urban-club.ru/?p=100>.
104. Качанов, Г.З. Городская среда: преемство и наследование / Г.З. Качанов // Человек. – 2000. – № 4. – С. 36–43.
105. Качанов, Г.З. Горожанин в городе: идентификация с землёй и небом / Г.З. Качанов // Человек. – 2001. – № 3–4. – С. 45–47.
106. Кистова, А.В. Методологическое значение «понимающей герменевтики» Вильгельма Дильтея для социально-философского исследования современных социокультурных феноменов / А.В. Кистова // Современные проблемы науки и образования. – 2013. – № 3. – С. 450.

107. Кистова, А.В. Этнографический метод в социально-культурных исследованиях / А.В. Кистова // Современные проблемы науки и образования. – 2013. – № 6. – С. 900.
108. Климов, А. Пространство и общество / А. Климов // Логос. – 2005. – №1. – С. 213–229.
109. Коган, Л.Б. Быть горожанином / Л.Б. Коган. – М., 1990. – 207 с.
110. Кодина, И.Н. Образ жизни населения малого города: социальные практики и детерминанты (на материалах Ивановской области) : дис. ...канд. социолог. наук : 22.00.04 / Кодина Инна Николаевна. – Нижний Новгород, 2012. – 248 с.
111. Кондаков, И.В. Феноменология города в русской культуре / И.В. Кондаков // Урбанизация в формировании социокультурного пространства. – М.: Наука, 1999. – С. 188–292.
112. Конева, Е.В. Смыслообразное осознание архитектуры [Электронный ресурс] / Е. В. Конева. - 2000. – Режим доступа: <http://www.tu-cottbus.de/theoriederarchitektur/Wolke/rus/Themen/002/Koneva/koneva.htm>.
113. Копцева, Н.П. Анализ процессов аккультурации в малых городах субъектов Российской Федерации на примере Красноярского края / Н.П. Копцева // Международный журнал фундаментальных и прикладных исследований. – 2014. – № 3–1. – С. 77–79.
114. Копцева, Н.П. К вопросу о концептуальных основаниях строительства общенационального российского государства [Электронный ресурс] / Н.П. Копцева // NB: Проблемы общества и политики. — 2014. – № 1. – С.1–14. – Режим доступа: http://e-notabene.ru/pr/article_10928.html.
115. Копцева, Н.П. Культурологическая база для формирования общероссийской национальной идентичности в сибирских регионах / Н.П. Копцева // Вопросы культурологии. – 2014. – № 2. – С. 22–26.
116. Копцева, Н.П. Некоторые концепты социальных идеалов русской философии Серебряного века [Электронный ресурс] / Н.П. Копцева //

- NB: Философские исследования. — 2014. — № 3. — С.47–59. — Режим доступа: http://e-notabene.ru/fr/article_11325.html.
117. Копцева, Н.П. Продуктивность гендерного подхода для гуманитарных исследований / Н.П. Копцева, Н.М. Либакова // Современные проблемы науки и образования. — 2013. — № 1. — С. 400.
118. Копцева, Н.П. Моделирование культуры и культурной политики в русской философии конца XIX – первой трети XX века / Н.П. Копцева, В.С Лузан // Философия и культура. — 2012. — № 4. — С. 105–116.
119. Косенкова, Ю.Л. Градостроительство советской эпохи в поисках идеала / Ю.Л. Косенкова // Человек. — 2001. — № 1. — С. 96–109.
120. Костенко, Ю.О. Проблемы управления городским социальным пространством в условиях современной трансформации общества: региональный аспект: дис. ... канд. соц. наук. 22.00.08 / Костенко Юлия Олеговна. — Уфа, 2004. — 253 с.
121. Котельников, Д.С. Социокультурные особенности региональной идентичности населения административного центра Южного Федерального Округа : дис. ... канд. социолог. наук. 22.00.06 / Котельников Дмитрий Сергеевич. — Ростов-на-Дону, 2009. — 177 с.
122. Крылов, М.П. Региональная идентичность в историческом ядре европейской России / М.П. Крылов // Социологические исследования. — 2005. — №3. — С. 13–23.
123. Кук, Ф. Модерн, постмодерн и город. Теория города / Ф. Кук // Логос: журнал по философии и прагматике культуры. — 2002. — № 3–4. — С. 234- 251.
124. Купцов, Г. Новые города: социологический очерк на материалах Сибири / Г. Кпцов. — М., 1982.
125. Ландеско, Д. Организованная преступность в Чикаго (пер. В.Г. Николаева) / Д. Ландеско // Личность. Культура. Общество. — 2003. — Т. 5. — Вып. 3–4. — С. 204–236.

126. Лаппо, Г.М. Города на пути в будущее / Г.М. Лаппо. – М.: Мысль, 1987. – 237 с.
127. Лейбович, О.Л. Символическое пространство большого города / О.Л. Лейбович // Вестник Пермского научного центра. – 2012. – № 2. – С. 24-32.
128. Лефевр, А. Идеи для концепции нового урбанизма / А. Лефевр // Социологическое обозрение. – 2002. – Т. 2. – № 3. – С. 19–27.
129. Лефевр, А. Критика повседневной жизни / А. Лефевр. – Лондон, Verso, 1991. – 123 с.
130. Лефевр, А. Социальное пространство / А. Лефевр // Неприкосновенный запас. – 2010. – № 2(70). – С. 3–14.
131. Линч, К. Образ города / в пер В.Л. Глазычева [Электронный ресурс] / К. Линч. - М.: Стройиздат, 1982. – Режим доступа: http://www.glazychhev.ru/books/translations/Linch/Linch_1.htm.
132. Лобанова, Ю.В. Образ города в художественной культуре : дис. ... канд. культурологии. 24.00.01 / Лобанова Юлия Владимировна. – СПб, 1998. – 134 с.
133. Лотман, Ю.М. История и типология русской культуры / Ю.М. Лотман. – СПб.: Искусство, 2002. – 768 с.
134. Лотман, Ю.М. Символика Петербурга и проблемы семиотики города / Ю.М. Лотман // Ученые записки Тартусского государственного университета. – 1984. – Вып. 664. – С.30–45.
135. Лотман, Ю.М. Символ в системе культуры / Ю.М. Лотман // Ученые записки Тартусского государственного университета. – Вып. 754. – Тарту, 1987. – С. 10–21.
136. Лысенко, О.В. Образ жителя провинциального города (по материалам социологических опросов пермяков) / О.В. Лысенко // Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований. – 2013. – № 3. – С. 69–87.

137. Лэндри, Ч. Возрождение городов через культуру / Ч. Лэндри, Л. Грин, Ф. Матарассо, Ф. Бьянчини. – СПб.: Нотабене, 1999. – 86 с.
138. Ляпкина, Т.Ф. Методология изучения культурного пространства региона [Электронный ресурс] / Т.Ф. Ляпкина. – Режим доступа: http://www.riku.ru/conf/vrem_cul/LyapkT.htm.
139. Маккензи, Р.Д. Экологический подход к изучению человеческого сообщества / Р.Д. Маккензи // Социальные и гуманитарные науки за рубежом. Сер. 11. Социология. – 2000. – № 4. – С. 136–152.
140. Малкова, И.Г. Основы междисциплинарного исследования социокультурного пространства города [Электронный ресурс] / И.Г. Малкова // Грамота. – 2012. – № 10 (24). – Ч. II. – С. 122–126. – Режим доступа: www.gramota.net/materials/3/2012/10-2/28.html.
141. Малькова, В.К. Культура и пространство: образы российских республик в интернете / В.К. Малькова, В.А. Тишков. – М.: ИАЭ РАН, 2009. – 147 с.
142. Маркс, К. Капитал [Электронный ресурс] / К. Маркс. – М.: Политиздат, 1983. – Т.1. – Кн.1. – Режим доступа: <http://esperanto-mv.pp.ru/Marksismo/Kapital1/index.html>.
143. Маркс, К. Сочинения [Электронный ресурс] / К. Маркс, Ф. Энгельс. – Т. 2. – Режим доступа: <http://biml.ucoz.ru/SobMarksEngels/t02.pdf>.
144. Мастеница, Е.Н. Культурное пространство города как предмет исследования и объект познания: междисциплинарный подход / Е.Н. Мастеница // Петербургские исследования: сборник научных статей. – СПб.: Изд. СПбГУ, 2011. – Вып. 3. – С. 128–147.
145. Межевич, М.Н. К вопросу о концепции современного крупного города / М.Н. Межевич, И.И. Сигов // Социологические исследования. – 1984. – № 1. – С. 12–18.
146. Мерло-Понти, М. Пространство / М. Мерло-Понти // Интенциональность и текстуальность. Философская мысль Франции XX в. – Томск: Изд-во томского ун-та, 1998. – С. 27–95.

147. Митин, И.И. Алексин: воображение пространства города / И.И. Митин, У.И. Сересова // Россия: воображение пространства / пространство воображения (Гуманитарная география: Научный и культурно-просветительский альманах). – М.: Аграф, 2009. – С. 179–217.
148. Моль, А. Социодинамика культуры / А. Моль. – М.: Прогресс, 1973. – 406 с.
149. Морозов, В.К. Роль городского населения в формировании архитектурно-пространственной среды / В.К. Морозов. – М., 1989.
150. Мосиенко, Н.Л. Социально-территориальная структура пространства городской агломерации : дис. ... канд. социолог. наук : 22.00.04 / Мосиенко Наталья Леонидовна. – Новосибирск, 2008. – 205 с.
151. Назукина, М.В. Региональная идентичность в современной России: типологический анализ : дис. ... канд. полит. наук.23.00.02 / Назукина Мария Викторовна. – Пермь, 2009. – 200 с.
152. Найт, Р.В. Устойчивое развитие – устойчивые города / Р.В. Найт // Международный журнал социальных наук. – 1993(2). – С. 43–69.
153. Немировский, В.Г. Социальная структура и социальный капитал населения Красноярского края / В.Г. Немировский, А.В. Немировская. – Красноярск: СФУ, 2011. – 159 с.
154. Немировский, В.Г. Социокультурные процессы в Восточной Сибири (на материалах социологических исследований в Красноярском крае и Республике Хакасия в 2009-2010гг.) / В.Г. Немировский, А.В. Немировская. – Красноярск: СФУ, 2011. – 222 с.
155. Немировский, В.Г. Социокультурный портрет Красноярского края / В.Г. Немировский, А.В. Немировская. – Красноярск: РИЦ СибЮИ, 2010. – 264 с.
156. Неретина, С.С. Концепт как возможность постижения смысла / С.С. Неретина, А.П. Огурцов // Теоретическая культурология. – М.: Академический проект, 2005. – С. 243–254.

157. Нецадин, А. Феномен города: социально-экономический анализ / А. Нецадин, Н. Горин. – М., 2001. – 240 с.
158. Никитина, М.А. Образ жизни России в начале XXI века на материале анимации студии «Мельница» / М.А. Никитина, Н.Н. Пименова // Электронный научно-практический журнал Культура и образование. – 2014. – № 2 (6). – С. 49.
159. Новое будущее Сибири: ожидания, вызовы, решения : монография; изд. 2-е, переработ. / под общ. ред. О.А. Карловой, Н.П. Копцевой, Ю.Н. Москвича. – Красноярск, 2014. – 362 с.
160. Орлова, Э.А. Современная городская культура и человек / Э.А. Орлова. – М., 1987. – 192 с.
161. Осипов, А.И. Пространство и время как категории мировоззрения и регуляторы практической деятельности / А.И. Осипов. – Минск: Наука и техника, 1990. – 219 с.
162. Отюцкий, Г.П. История социальной (культурной) антропологии: учеб. пособие для вузов / Г.П. Отюцкий. – М., 2003. – 400 с.
163. Парк, Р. Город как социальная лаборатория [Электронный ресурс] Р. Парк; пер. С.П. Баньковской // Социологическое обозрение. – 2002. – Т. 2. – № 3. –Режим доступа: <http://www.urban-club.ru/?p=50>.
164. Парсонс, Т. Система современных обществ / Т. Парсонс. – М.: Аспект Пресс, 1997. – 270 с.
165. Патрушев, В.Д.. Жизнь горожанина / В.Д. Патрушев. – М., 2000. – 160 с.
166. Пелипенко, А.А. Город в пространстве культуры и в процессе урбанизации: методологические аспекты / А.А. Пелипенко, И.Г. Яковенко // Урбанизация в формировании социокультурного пространства. – М., 1999. – С. 123-129.
167. Перцик, Е.К. Среда человека: предвидимое будущее / Е.К. Перцик. – М., 1990. – 356 с.

168. Петрова, Т.Ю. Социальное пространство как процесс : дис. ... канд. социол. наук : 22.00.04 / Петрова Татьяна Юрьевна. – Н. Новгород, 2003. – 163 с.
169. Пивоваров, Ю.Л. Современная урбанизация: курс лекций / Ю.Л. Пивоваров. – М., 1994. – 131 с.
170. Пирогов, С.В. Феноменологическая социология и урбанистика / С.В. Пирогов // Вестник Томского государственного университета. Сер. Философия. Культурология. Филология. – 2004. – № 282. – С. 97–103.
171. Плотникова, А.А. Методика исследования образно-символических качеств архитектурной среды города [Электронный ресурс] / А.А. Плотникова // Архитектон. – 2008. – № 22. – Режим доступа: http://archvuz.ru/magazine/Numbers/2008_22/template_article?ar=K21-40/k38.
172. Повесть временных лет / Отв. ред. О. А. Платонов. – М.: Институт русской цивилизации, Родная страна, 2014. – 544 с.
173. Подорога, В.А. Выражение и смысл. Ландшафтные миры философии: С. Кьеркегор, Ф. Ницше, М. Хайдеггер, М. Пруст, Ф. Кафка / В.А. Подорога. – М., 1995. – 426 с.
174. Портнов, Б.А. Городская среда: феномен престижности / Б.А. Портнов // Социологические исследования. – 1991. – № 1. – С. 69–74.
175. Пространство и время в современной социологической теории / Под ред. Ю.Л. Качанова. – М.: Издательство ИС РАН, 2000. – 156 с.
176. Разумовская, В.А. К вопросу об унификации искусства, науки и перевода / В.А. Разумовская // Известия Санкт-Петербургского университета экономики и финансов. – 2011. – № 3. – С. 32–36.
177. Раппапорт, А.Г. К пониманию архитектурной формы : дис. ... д-ра. Искусствоведения. 18.00.01/ Раппапорт Александр Гербертович – М., 2000. – 141 с.

178. Ратцель Фридрих: жизнь, антропогеография и геополитика (пер. А.Б. Рахманова) // Личность. Культура. Общество. – 2003. – Т. 5. – Вып. 1–2. – С. 204–210.
179. Ревина, Е.А. Мультикультурный город как пространство национальной идентичности : дис. ... канд. филос. наук. 09.00.13. / Ревина Елена Викторовна. – Ставрополь – 2009. – 184 с.
180. Робле-Дюран, М. Неолиберализм оказывает на города разрушительное действие [Электронный ресурс] / М. Робле-Дюран. – Режим доступа: <http://www.business-gazeta.ru/article/74393/>.
181. Розин, В.М. Городская культура, человек, окружающая среда: философско-методологические проблемы градостроительного проектирования / В. М. Розин // Вопросы философии. – 1980. – № 1. – С. 53–62.
182. Рубцов, А. Спонтанная архитектура до и после постмодерна [Электронный ресурс] / А. Рубцов // Отечественные записки. – 2012. – № 3(48). – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/oz/2012/3/r46.html>.
183. Рукавишников, В.О. Население города: (Социальный состав, расселение, оценка городской среды) / В.О. Рукавишников. – М.: Статистика, 1980. – 246 с.
184. Рыженко, В.Г. Образы и символы советского города в современных исследовательских опытах: региональный аспект: монография / В.Г. Рыженко. – Омск: Изд-во ОГУ, 2010. – 340 с.
185. Сайко, Э.В. Город как среда и субстанция – субъект, образующий индивида / Э.В. Сайко // Мир психологии. – 1995. – № 4. – С. 14–18.
186. Самоквасов, Д.Я. Древнерусские города / Д.Я. Самоквасов. – СПб.: Типография Замысловского, 1873. – С. 87–90.
187. Сассен, С. Глобальные города: постиндустриальные производственные площадки [Электронный ресурс] / С. Сассен // Журнал «Прогнозис». – Режим доступа: <http://www.journal.prognosis.ru/a/2005/04/10/44.html>.

188. Семенова, А.А. Визуальная культура модернизированного социума / А.А. Семенова // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер.: Философия. Социология и социальные технологии. – 2012. – № 3. – С. 145–149.
189. Семенова, А.А. Модификация древнерусского концепта «государство» в российской культуре XXI века (методологический аспект) : дис. ... канд. филос. наук. 24.00.01. – Великий Новгород, 2009. – 198 с.
190. Сеннет, Р. Плоть гражданственности. Мультикультурный Нью-Йорк [Электронный ресурс] / Р. Сеннет // Неприкосновенный запас. – 2010. – №2 (70). – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nz/2010/2/se16.html>.
191. Сенявский, А.С. Российская урбанизация: некоторые историко-методологические проблемы / А.С. Сенявский // Урбанизация в формировании социокультурного пространства. – М. 1999. – С. 153–163.
192. Середкина, Н.Н. Конструирование позитивной этнической идентичности в поликультурной системе : дис. ... канд. филос. наук : 09.00.11 / Середкина Наталья Николаевна. – Красноярск, 2013. – 219 с.
193. Смирнов, С.Б. Московско-петербургское взаимодействие в контексте современных подходов к изучению города / С.Б. Смирнов // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. – 2005. – № 11. – С. 6–14.
194. Смирнягин, Л.В. О региональной идентичности / Л.В. Смирнягин // Пространство и время в мировой политике и международных отношениях: материалы 4 Конвента РАМИ. – М.: МГИМО-Университет, 2007. – Т. 2: Идентичность и суверенитет: новые подходы к осмыслению понятий / под ред. И. М. Бусыгиной. – 116 с.
195. Смит, Р. Искусственно созданное материальное окружение по отношению к людям, символам и социальной действительности: предложение по изменению архитектурного подхода / Р. Смит, В. Бани // Человечество и общество. – 2002. – № 4. – С. 293–311.

196. Современная американская социология / Под ред. В.И. Добренькова – М.: Изд-во МГУ, 1994. – 293 с.
197. Современная социальная теория: П. Бурдьё, Э. Гидденс, Ю. Хабермас: учебное пособие / Сост. А.В. Леденева. – Новосибирск: изд-во НГУ, 1995. – 120 с.
198. Согомонов, А.Ю. Очерк социологии пространственного воображения / А.Ю. Согомонов // Глобализация: постсоветское общество. – М.: Стони, 2001. – С. 60–80.
199. Согомонов, А.Ю. Современный город: стратегия идентичности [Электронный ресурс] / А.Ю. Согомонов // Неприкосновенный запас. – 2010. – №2(70). – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nz/2010/2/so21.html>.
200. Сойя, Э. Как писать о городе с точки зрения пространства? / Э. Сойя // Логос. – 2008. – №3. – С. 130–140.
201. Сорокин, П. Социальная стратификация и мобильность / П. Сорокин // Человек. Цивилизация. Общество. – М.: Политиздат, 1992. – С. 295–425.
202. Сперанский, А.В. Социология: теория социальных пространств : учебное пособие / А.В. Сперанский, С.Л. Лони́на, Н.В. Шкраб. – Красноярск, 2010. – 187 с.
203. Степанов, Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования / Ю.С. Степанов. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. – 824 с.
204. Столярова, О.А. Социальный конструктивизм: онтологический поворот / О.А. Столярова // Вестник МГУ. Сер. Философия. – 2003. – №3. – С. 43–56.
205. Таймулин, А.В. Глобализация и регионализация как варианты развития современного общества : социально-философский анализ : дис. ... канд. филос. наук : 09.00.11 / Таймулин Александр Михайлович. – Красноярск, 2011. – 181 с.

206. Теннис, Ф. *Общность и общество* / Ф. Теннис // *Социологический журнал*. – М., 1998. – № 3–4. – С. 206–229.
207. Топоров, В.Н. *Пространство и текст [Электронный ресурс]* / В.Н. Топоров // *Текст: семантика и структура*. – М., 1983. – С. 227–284. – Режим доступа: http://ec-dejavu.ru/p/Publ_Toporov_Space.html.
208. Трубина, Е. *Город в теории: опыты осмысления пространства* / Е. Трубина.– М.: НЛЮ, 2011. – 520 с.
209. Трушина, Л.Е. *Историческая семантика текстов городской среды* / Л.Е. Трушина // *Философский век: альманах*. – СПб., 2001. – Вып. 18. – Ч. 2: *История идей как методология гуманитарных исследований*. – С. 108–113.
210. Трущенко, О.Е. *Престиж центра: городская социальная сегрегация в Москве* / О.Е. Трущенко – М., 1995. – 112 с.
211. Трэшер, Ф.М. *Шайка: Исследование 1313 шаек Чикаго* / Ф.М. Трэшер // *Личность. Культура. Общество*. – 2003. – Т. 5. – Вып. 3–4. – С. 237–244.
212. Тулиганова, И.В. *Социокультурное пространство современного города* : дис....канд. филос. наук: 09.00.11 / Тулиганова Ирина Валерьевна. – Саратов, 2009. – 166 с.
213. Тыхеева, Ю.Ц. *Человек в городском пространстве. Философско-антропологические основания урбанологии*: дис. ... д-ра. филос. наук : 09.00.13 / Тыхеева Юлия Цыреновна. – СПб., 2003. – 335 с.
214. Улановский, А.М. *Качественные исследования: подходы, стратегии, методы* / А.М. Улановский // *Психологический журнал*. – 2009. – Т. 30. – № 2. – С. 18–28.
215. *Факсимильное издание Лицевого летописного свода на сайте Общества любителей древней письменности [Электронный ресурс]* – Режим доступа: <http://oldp.sterligoff.ru/>.
216. Федулов, С.П. *Социальная инфраструктура современного российского города* / С.П. Федулов // *Социологические исследования*. – 2000. – № 4. – С. 122–125.

217. Фень, Е.Г. Основные категории феноменологической философии пространства в современных исследованиях города: дис. ... канд. филос. наук. 09.00.01 / Фень Екатерина Геннадьевна. – Москва, 2012. – 142с.
218. Филимонова, О.Ф. Жизненное пространство города: концептуальные основания и ментальные структуры : дис. д-ра филос. наук: 09.00.11 / Филимонова Ольга Федоровна. – Саратов, 2004. – 348 с.
219. Филин, В.А. Визуальная среда города // Проблемы экологии, образования, экологической культуры, науки о земле / Вестник Международной Академии Наук (Русская секция). – 2006, № 2. – С.67–89.
220. Филиппов, А.Ф. Большое пространство: возможности социологического изучения / А.Ф. Филиппов // Социологические чтения. – Вып. 1. – 1996. – С. 185–199.
221. Филиппов, А.Ф. О понятии социального пространства / А.Ф. Филиппов // Куда идет Россия? – М., 1996. – С. 103–113.
222. Филиппов, А.Ф. Общество и пространство: обзор монографий Бенно Верлена / А.Ф. Филиппов // Социологический журнал. – 1996. – №1(2). – С. 222–227.
223. Филиппов, А.Ф. Социология пространства / А.Ф. Филиппов. – СПб.: Владимир Даль, 2008. – 285 с.
224. Флоренский, П.А. Анализ пространственности и времени в художественно изобразительных произведениях / П.А. Флоренский. – М.: Прогресс, 1993. – 324 с.
225. Флорида, Р. Креативный класс: люди, которые меняют будущее / Р. Флорида. – Классика-XXI, 2007. – 432 с.
226. Хайдеггер, М. Бытие и время / М. Хайдеггер. – М.: Республика, 1993. – 438 с.
227. Хайдеггер, М. Искусство и пространство / М. Хайдеггер / Самосознание европейской культуры 20 в. Мыслители и писатели Запада о месте

- культуры в современном обществе. – М.: Республика, 1991. – С. 345–379.
228. Харви, Д. Городской опыт [Электронный ресурс] / Д. Харви / Социологические прогулки. Город ногами социолога. – Режим доступа: <http://www.urban-club.ru/?p=105>.
229. Хренов, Н. Образы города в истории: психологический аспект смены парадигмы / Н. Хренов // ОНС. – 1995. – № 6. – С. 150–161.
230. Хьюз, Э.Ч. Изучение институтов / Э.Ч. Хьюз // Социальные и гуманитарные науки за рубежом. Сер. 11. Социология. – 2003. – № 4. – С. 118–126.
231. Черняева, Н.А. Культурная география и проблематика «места». Обзор новой литературы / Н.А. Черняева // Известия Уральского государственного университета. – 2005. – № 35. – С. 273–283.
232. Чешкова, А. Методологические подходы к изучению городской пространственной сегрегации / А. Чешкова // Российское городское пространство: попытка осмысления / отв. ред. В.В. Вагин. – М.: МОНФ, 2000. – Вып. 116. – С. 13–38.
233. Шипилов, А.В. Смысл города и город-смысл / А.В. Шипилов // Человек. – 2006. – № 1. – С. 5–18.
234. Шматко, И.А. Территориальная идентичность как предмет социологического исследования / И.А. Шматко, Ю.А. Качанов // Социологические исследования. – 1998. – № 4. – С. 94–101.
235. Шоэ, Ф. Заметки по поводу городской семиологии / Ф. Шоэ // Современная архитектура. – 1971. – № 1. – С. 5–6
236. Шулёпова, Э.А. Культурная среда исторического города: методология изучения и трансляция [Электронный ресурс] // Культурологический журнал. 2011/2(4). – Режим доступа: <http://www.cr-journal.ru>.
237. Шюц, А. Смысловая структура повседневного мира: очерки по феноменологической социологии / А. Шюц; сост. А.Я. Алхасов. – М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2003. – 336 с.

238. Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию / Пер. с итал. В. Резник и А. Погоняйло. – СПб.: Симпозиум, 2006. – 544 с.
239. Яковенко, И.Г. Город в пространстве диалога культур и диалог города / И.Г. Яковенко // Социокультурное пространство диалога. – М., 1999. – С. 90–101.
240. Яницкий, О.Н. Экологическая перспектива города / О.Н. Яницкий. – Екатеринбург, 2000. – 551 с.
241. Яргина, З.Н. Эстетика города / З.Н. Яргина. – М., 1991. – 366 с.
242. Ярош, Н.Н. Влияние происхождений понятий «город» и «хозяйство» на формирование экономической категории «городское хозяйство» [Электронный ресурс] / Н.Н. Ярош // Экономический журнал. – № 4 (20). – 2010. Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-proishozhdeniya-ponyatiy-gorod-i-hozyaystvo-na-formirovanie-ekonomicheskoy-kategorii-gorodskoe-hozyaystvo>.
243. Ярская, В.Н. Глобализация социального пространства / В.Н. Ярская // Интеграционные процессы в современном обществе. – Саратов: СГТУ, 2003. – С. 4–11.
244. Agnew, J.A. The city in cultural context / J.A. Agnew, J.Mercer, D.E. Sopher. – Boston, London, Sydney. Allen and Unwin inc, 1984. – 299 p.
245. Agnew, J.A. American Space/American Place: geographies of the contemporary United States / J.A. Agnew, J.M. Smith. – Routledge, New York, 2002.
246. Anderson, N. Urbanism and Urbanization [Электронный ресурс] / N. Anderson // American Journal of Sociology. – 1959. – Vol. 65. – № 1. – P. 68–73. – Режим доступа: <http://www.jstor.org/stable/2773622>.
247. Auge, M. Non-places: Introduction to an Anthropology of Supermodernity [Электронный ресурс] / M. Auge // Verso, 1995. – 122 p. – Режим доступа: http://monoskop.org/images/3/3c/Auge_Marc_Non-Places_Introduction_to_an_Anthropology_of_Supermodernity.pdf.

248. Batalova, N.S. Decorative Detail in the Architecture of Krasnoyarsk in 1930s-1950s / N.S. Batalova // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. – 2012. – № 5. – 607–618.
249. Casey, E.S. Between Geography and Philosophy: What Does It Mean to Be in the Place-World? [Электронный ресурс] / E.S. Casey // Annals of the Association of American Geographers. – 2001. – Vol. 91. – № 4. – P. 683–693. – Режим доступа: <http://www.sezgidurgun.com/files/2012/01/Casey2001.pdf>.
250. Castells, M. Crisis, planning, and the quality of life: Managing the new historical relationships between space and society / M. Castells // Environment a. planning. D. Soc. a. space. L., 1983. – Vol. 1. – № 1. – P. 3–21.
251. Castells, M. Technopolies of the world. The making of 21-st. century industrial complexes / M. Castells, P. Hall. – London: Routledge, 1994. – 288 p.
252. Castells, M. The Informational City. Information Technology, Economic Restructuring and the Urban-Regional Process / M. Castells. – Oxford, Cambridge: Blackwell, 1991. – 407 p.
253. Davis, M. Ecology of fear: Los Angeles and the imagination of disaster / M. Davis. – N. Y., 1998. – 484 p.
254. Fischer, J. Die Architektur der Gesellschaft. Theorien für die Architektursoziologie / J. Fischer, H. Delitz. – Bielefeld, 2009. – 415 p.
255. Florida, R. Who's your city? Basic Books / R. Florida. – 2008. – 374 p.
256. Gans, H. Urbanism and suburbanism as ways of life: a reevaluation of definitions. In H. Gans. People? Plans and policies / H. Gans. – New York: Columbia University Press and Russel Sage Foundation, 1991.
257. Gevel, K.G. The Role of the Curtain Walls of the Krasnoyarsk Double Enforced Ostrog in the Tradition of the City Building / K.G. Gevel // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. – 2011. – Vol. 4 (11). – P. 1639–1649.

258. Gospodini, A. Urban morphology and place identity in European cities: built heritage and innovative design / A. Gospodini // Journal of Urban Design. – 2004. – № 9 (2). – P. 225–248.
259. Gottdiener, M. The new urban sociology / M. Gottdiener. – McGraw Hill inc, 1993. – 408 p.
260. Harvey, D. Social Justice and the City [Электронный ресурс] / D. Harvey. – Baltimore: John Gopkins university press, 1973. – 174 p. – Режим доступа: http://www.lifeaftercapitalism.info/downloads/read/Political-Economy/David-Harvey/David-Harvey_Social-Justice-and-the-City.pdf.
261. Harvey, D. The urban experience / D. Harvey. – Oxford: Basil Blackwell, 1989. – 312 p.
262. Hutchison, R. Gentrification and urban change: Research in urban sociology / R. Hutchison. – Wisconsin, Green Bay: JAI press Ltd, 1992.
263. Istomina, S.A. Information Field of a Town / S.A. Istomina // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. – 2012. – Vol. 5 (5). – P. 638–646.
264. Ilbeykina, M.I. Civilizational Orientation of the Population of the United Krasnoyarsk Krai: 15 to 60 Years of Age Residents of Krasnoyarsk City / M.I. Ilbeykina // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. – 2011. – Vol. 4 (6). – P. 846–864.
265. Imagining cities : scripts, signs, memories [Электронный ресурс] / edited by S. Westwood, J. Williams. – Taylor & Francis e-Library, 2005. – 295 p. – Режим доступа: http://www.academia.edu/2887896/IMAGINING_THE_REAL-TIME_CITY_Telecommunications_urban_paradigms_and_the_future.
266. Jameson, F. Postmodernism, or, the Cultural Logic of Late Capitalism [Электронный ресурс] / F. Jameson. – Durham, Duke University Press, 1991. – P. 1–54. – Режим доступа: <http://www.marxists.org/reference/subject/philosophy/works/us/jameson.htm>.

267. Judd, D.R. The city, revisited urban theory from Chicago, Los Angeles, and New York / D.R. Judd, D. Simpson. – London, 2011. – 368 p.
268. Kaymaz, I. Urban Landscapes and Identity. Advances in Landscape Architecture [Электронный ресурс] / I. Kaymaz. – 2013. – Режим доступа: <http://www.intechopen.com/books/advances-in-landscape-architecture/urban-landscapes-and-identity>.
269. King, A.D. (Post)colonial geographies: material and symbolic / A.D. King // Historical Geography. – 1999. – № 27. – P. 99–118.
270. King, A.D. Postcolonial Cities [Электронный ресурс] / A.D. King // Elsevier. – 2009. – Режим доступа: <http://booksite.elsevier.com/brochures/hugy/SampleContent/Postcolonial-Cities.pdf>.
271. Kistova, A.V. Research possibilities for studying the indicators of quality of life of indigenous peoples of the North (based on the study of indigenous peoples of the North of Russia) / A.V. Kistova, N.N. Pimenova, J.S. Zamaraeva, K.V. Reznikova // Life Sci J. – 2014. – Vol. 11(6). – P. 593–600.
272. Knox, P. Urban social geography. An introduction to urban geography / P. Knox, S. Pinch. – Routledge, 2009. – 392 p.
273. Kolesnik, M.A. Principles of Symmetry in the Krasnoyarsk City Space and Processes of the Regional Identity / M.A. Kolesnik, M.M. Mirkes // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. – 2011. – Vol. 4 (12). – P. 1727–1742.
274. Koptseva, N.P. Selection of Methodological Principles for Actual Research on Culture / N.P. Koptseva, K.V. Reznikova // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences– 2009. – Vol. 2 (4). – P. 491–506.
275. Koptseva, N.P. Sociocultural Research of the Cultural Requirements of the Residents of the Krasnoyarsk City / N.P. Koptseva, J.S. Zamaraeva, E.A. Sertakova // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. – 2011. – Vol. 4 (11). – P. 1577–1588.

276. Koptseva, N.P. System of Culture in Krasnoyarsk Region: Main Subjects and Cultural Values / N.P. Koptseva, N.A. Bachova // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. – 2010. – Vol. 3 (3). – P. 344–381.
277. Koptseva, N.P. Modern specificity of legal regulation of Cultural Development of the Indigenous Peoples of the Arctic Siberia under the global transformations / N.P. Koptseva, V.I. Kirko // Life Sci J. – 2014. – Vol. 11(9). – P. 314–319.
278. Koptseva, N.P. Post-Soviet practice of preserving ethnocultural identity of indigenous peoples of the North and Siberia in Krasnoyarsk Region of the Russian Federation / N.P. Koptseva, V.I. Kirko // Life Sci J. – 2014. – Vol. 11(7). – P. 180–185.
279. Koptzeva, N.P. Cultural and anthropological problem of Social Engineering (Methodological Problem at Modern Applied Culture Studies) / N.P. Koptzeva // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. – 2009. – Vol. 3 (1). – P. 22–34.
280. Kovtun, N.V. European «Nigdeya» and Russian «TUtopia» (On the issue of interaction) / N.V. Kovtun // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. – 2008. – Vol. 1 (4). – P. 539–555.
281. Laguerre, M. The Informal City / M. Laguerre. – London: Macmillan, 1994. – 180 p.
282. Lefebvre, H. The production of space / H. Lefebvre. – Oxford: Basil Blackwell, 1991. – 454 p.
283. Lemytskaya, D.E. Soviet Architecture in Provincial Towns as a Means of Humanization of Residential Environment (Based on Chernogorsk Town in the Years 1920-1960) / D.E. Lemytskaya // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. – 2012. – Vol. 5 (5). – P. 662–673.
284. Libakova, N.M. Modern practices of regional and ethnic identity of the Yakuts (North Asia, Russia) / N.M. Libakova, A.A. Sitnikova, E.A.

- Sertakova, M.A. Kolesnik, M.I. Ilbeykina // *Life Sci J.* – 2014. – Vol. 11(12). – P. 133–140.
285. Low, S. *The Anthropology of Cities: Imagining and Theorizing the City* / S. Low // *Annual Review of Anthropology.* – 1996. – № 25. – P. 383–409.
286. Luzan, V.S. *Cultural Policy as a Self-Independent Type of State Policy* / V.S. Luzan // *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences.* – 2009. – Vol. 2 (4). – P. 587–594.
287. McKenzie, R.D. *Spatial Distance and Community Organization Pattern* / R.D. McKenzie // *Social Forces.* – 1927. – Vol. 5. – № 4. – P. 623–627.
288. Mirkes, M.M. *Codification of the Cultural Meanings of the Krasnoyarsk Street Ornaments* / M.M. Mirkes, N.A. Sergeeva // *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences.* – 2011. – Vol. 4 (12). – P. 1794–1806.
289. Mumford, L. *The city in history. Its origin, its transformation and its prospects* / L. Mumford. – Harmondsworth: Penqun. – 1966. – 784 p.
290. Najafi, M. *The concept of a place and sense of place in architectural studies* / M. Najafi, M.K. Shariff // *International Journal of Human and Social Sciences.* – 2011. – Vol. 6 (3). – P. 187–193.
291. Park, R.E. *The City: Suggestions for the Investigation of Human Behavior in the City Environment* / R.E. Park // *American Journal of Sociology.* – 1915. – Vol.20. – № 5. – P. 577–612.
292. Petrov, D.G. *Urban planning regulations in Siberia in the 19th–early 20th centuries* / D.G. Petrov // *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences.* – 2012. – Vol. 5 (5). – P. 674–684.
293. Petrov, K.G. *Discussions about the Big Krasnoyarsk City Planning Design in 1930* / K.G. Petrov // *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences.* – 2012. – Vol. 5 (5). – P. 685–690.
294. Pimenova, N.N. *Wooden Zodchestvo of Krasnoyarsk City as the Space for Forming Territorial and Ethno-Cultural Identity* / N.N. Pimenova, A.V.

- Marysheva // *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences.* – 2011. – Vol. 4 (12). – P. 1784–1793.
295. Proshansky, H.M. The city and self-identity / H.M. Proshansky // *Environment and Behavior.* – 1978. – P. 57–83.
296. Reznikova, K.V. The current state of traditional socio-cultural practices of indigenous peoples of the North (on the example of cultures of Selkups, Nenets and Essey Yakuts) / K.V. Reznikova, J.S. Zamaraeva, A.V. Kistova, N.N. Pimenova // *Life Sci J.* – 2014. – Vol. 11(12). – P. 126–132.
297. Sassen, S. *Cities in a world economy* / S. Sassen. – Columbia University, USA. – 2012. – 424 p.
298. Sassen, S. *Global city: New-York, London, Tokio* / S. Sassen. –Princeton university. – 1991. – 416 p.
299. Scannell, L. Defining place attachment: A tripartite organizing framework / L. Scannell, R. Gifford // *Journal of Environmental Psychology.* – 2010. – Vol. 30 (1). – P. 1–10.
300. Semenova, A.A. Image of Siberia in Artist Aleskander Surikov's Works / A.A. Semenova, M.V. Soshenko // *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences.* – 2011. – Vol. 4 (12). – P. 1743–1766.
301. Shorokhov, R.G. Main Strategic Directions of Innovative Development of the Krasnoyarsk Territory (Territorial and Sectoral Aspect) / R.G. Shorokhov, I.S. Ferova // *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences.* – 2013 – Vol. 6 (12). – P. 1887–1895.
302. Sidaway, J.D. Postcolonial geographies: An exploratory essay / J.D. Sidaway // *Progress in Human Geography.* – 2000. – № 24. – P. 591–612.
303. Smith, R.W. Symbolic interaction theory and architecture [Электронный ресурс] / R.W. Smith, V. Bugni. – 2006. – Режим доступа: http://digitalscholarship.unlv.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1004&context=sociology_pubs.
304. Soja, E.W. *Postmetropolis. Critical Studies of Cities and Regions* / E.W. Soja. – Oxford. – 2000. – 464 p.

305. Soja, E. Postmodern Geographies: The Reassertion of Space in Critical Social Theory / E. Soja. – L., N. Y.: Verso, 1989. – 266 p.
306. Spivak, G.Ch. Critique of Postcolonial Reason: Toward a History of the Vanishing Present / G.Ch. Spivak. – Cambridge: Harvard University Press, 1999. – 464 p.
307. Tarasova, M.V. The Architecture of Krasnoyarsk as a Space of Social Identification. Correlation of Cosmocentric and Sociocentric Ideals / M.V. Tarasova, T.Yu. Grigorieva // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. – 2011. – Vol. 4 (12). – P. 1705–1718.
308. Tuan, Y.F. Space and Place: The perspective of experience [Электронный ресурс] / Y.F. Tuan // University of Minnesota Press, Minneapolis, 1977. – 248 p. – Режим доступа: <http://ru.scribd.com/doc/166536890/Yi-Fu-Tuan-Space-and-Place-The-Perspective-of-Experience>.
309. Unagaeva, N.A. Formation of the Landscape Thinking Under the Influence of the City-planning Ideas / N.A. Unagaeva // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. – 2012. – Vol. 5 (5). – P. 698–706.
310. Wheeler, S. Planning sustainable and livable cities. The City Reader / S. Wheeler / edited by R. T. Legates & F. Stout. – 2001. – P. 434–445.
311. Yeoh, B.S. A. Postcolonial cities. Progress in Human Geography / B.S. Yeoh. – 2001. – № 25(3). – P. 456–468.
312. Zukin, Sh. The Cultures of Cities / Sh. Zukin. – Wiley-Blackwell, 1996. – 336 p.

ПРИЛОЖЕНИЕ А

Рисунок А.1 – Миниатюра Лицевого летописного свода. XVI век. Встреча суздальского князя Юрия Долгорукого с князем Святославом 4 апреля 1147 года в Москве.

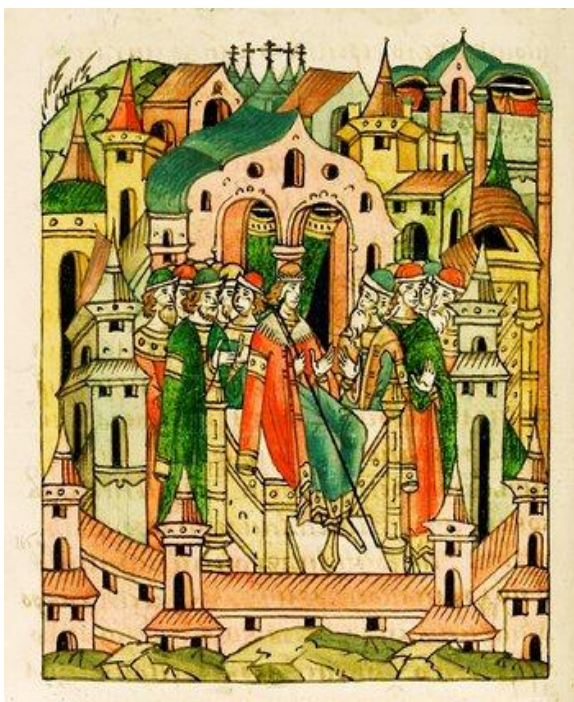

Рисунок А.2 – Миниатюра Лицевого летописного свода. XVI век. Вокняжение Дмитрия Александровича во Владимире.

ПРОДОЛЖЕНИЕ ПРИЛОЖЕНИЯ А

Рисунок А.3 – Миниатюра Лицевого летописного свода. XVI век. Св. вел. кн. Александр Невский сажает Димитрия наместником в Новгороде.

Рисунок А.4 – Миниатюра Лицевого летописного свода. XVI век. Встреча Дмитрия Донского в Москве по возвращении из похода.

ПРОДОЛЖЕНИЕ ПРИЛОЖЕНИЯ А

Рисунок А.5 – Миниатюра Лицевого летописного свода. XVI век. Установка в 1404 г. афонским монахом Лазарем Сербом «часомерья» на великокняжеском дворе за Благовещенским храмом.

Рисунок А.6 – Монастырский ансамбль XVII века. Миниатюра из «Жития Антония Сийского» 1648 года. Бумага, темпера. Собрание Щукина, № 750, л. 168 об.

ПРИЛОЖЕНИЕ Б

Рисунок Б.1 – Часовня на Караульной горе

Рисунок Б.2 – Вид на Караульную гору и Красноярск

ПРОДОЛЖЕНИЕ ПРИЛОЖЕНИЯ Б

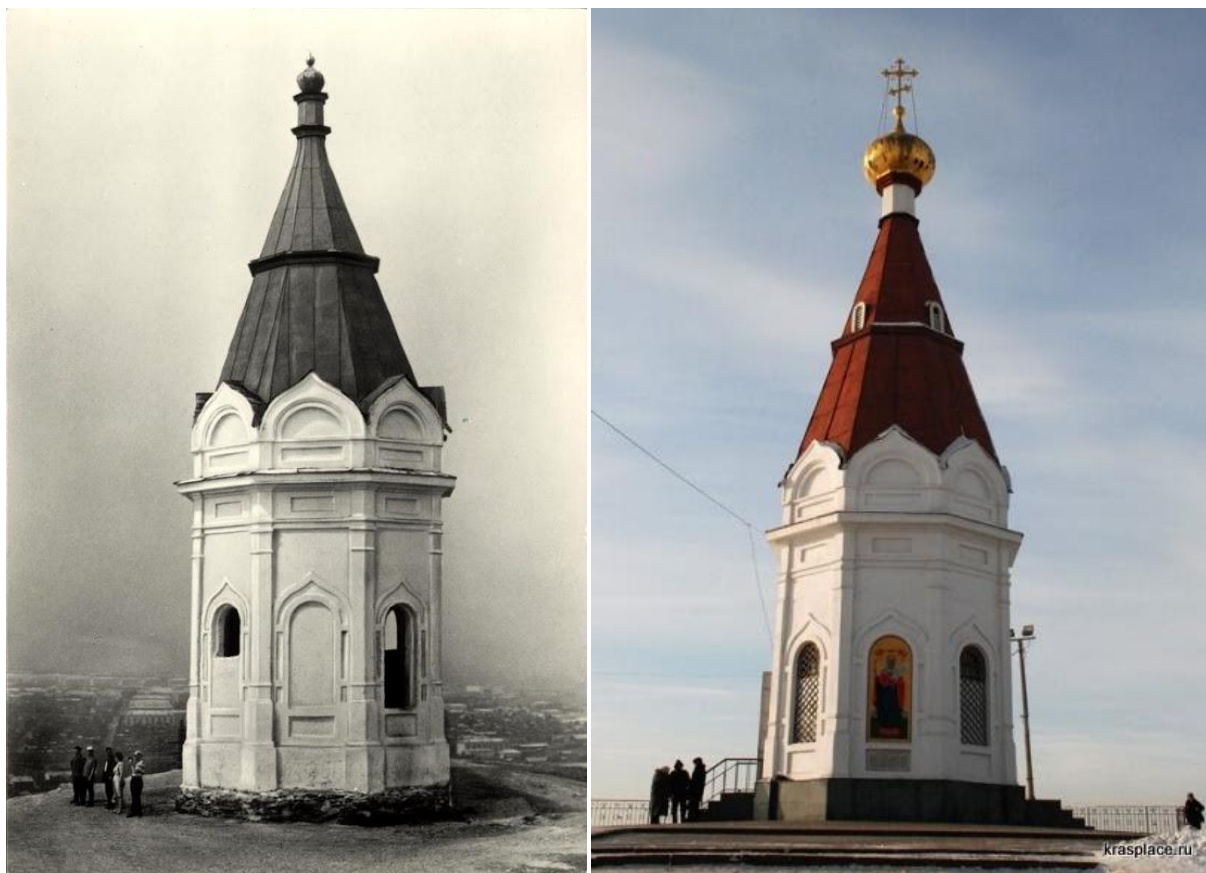

Рисунок Б.3-4 – Часовня Параскевы Пятницы до и после реставрации

Рисунок Б.5 – Современный облик часовни Параскевы Пятницы

ПРИЛОЖЕНИЕ В

Рисунок В.1 – Здание речного вокзала

Рисунок В.2 – Здание речного вокзала в пространстве г. Красноярск

ПРИЛОЖЕНИЕ Г

Рисунок Г.1 – Торгово-деловой центр «Первая башня»

Рисунок Г.2 – Торгово-деловой центр «Первая башня» в пространстве г. Красноярска